

ВЕСТНИК

**Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института**

2023

№ 4

Москва
2023

ВЕСТНИК

Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института

Moscow Information and Technology University – Moscow Architecture and Construction Institute REVIEW

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-71685 от 23.11.2017 г.

ISSN 2619-046X

№ 4 / 2023

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт»

Издатель:

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт»

Адрес редакции:

117447, г. Москва, ул. Введенского, д. 1 «А»

Адрес издателя:

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 32, корп. 11

Интернет-адрес:

<http://mitu-masi.ru/>

E-mail: Semenova.D@mfua.ru,
Bessarabova.N@mfua.ru

На сайте «Объединенного каталога “Пресса России”» можно оформить подписку на печатную версию журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» по подписному индексу Э66012, а так же подписаться через интернет-магазин «Пресса по подписке»

Отдел рекламы и подписки:

Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134

E-mail: Semenova.D@mfua.ru

Главный редактор

Г.А. Забелина

кандидат педагогических наук, доцент,
президент Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института

Редакционная коллегия:

Строительство и архитектура

доктор технических наук, профессор Т.В. Колесникова
доктор технических наук, профессор В.М. Овсянников
доктор физико-математических наук, профессор
А.А. Локтев

доктор технических наук, доцент В.П. Сычев
доктор технических наук, профессор Г.И. Ефремов
доктор архитектуры, профессор В.В. Пищулина
доктор архитектуры, профессор А.В. Крашенинников
кандидат архитектуры, доцент Е.А. Булгакова
кандидат архитектуры, профессор Л.В. Петрова
кандидат архитектуры, доцент М.Ф. Уткин
кандидат архитектуры, доцент Г.И. Быкова
кандидат архитектуры, доцент Г.И. Наумкин
кандидат архитектуры, доцент Б.Л. Крундышев
кандидат архитектуры, доцент Н.В. Дубынин

Филология

доктор филологических наук, профессор М.Я. Блох
доктор педагогических наук З.И. Курцева
доктор филологических наук, профессор Н.Н. Соловьева
доктор филологических наук, профессор С.П. Толкачев
доктор педагогических наук, доцент В.Д. Янченко
доктор филологических наук, профессор Н.Н. Запольская
доктор филологических наук, профессор С.В. Сапожков
доктор филологических наук, доцент П.В. Морослин
кандидат педагогических наук, доцент Н.Н. Ширяева
кандидат филологических наук, доцент С.В. Левичева
кандидат филологических наук О.В. Афанасьева

Психология

доктор психологических наук, профессор А.К. Осницкий
доктор психологических наук Е.А. Бауэр
доктор медицинских наук М.М. Аксенов
кандидат психологических наук, доцент Т.В. Гольцова
кандидат психологических наук, доцент Е.В. Омельчанко
кандидат психологических наук Е.Л. Бокуть
кандидат психологических наук А.Л. Рассказова

Ответственные редакторы:

кандидат исторических наук, доцент
Н.В. Бессарабова
Тел. (499) 979-00-99, доб. 1135
E-mail: Bessarabova.N@mfua.ru

Д.А. Семёнова
Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134
E-mail: Semenova.D@mfua.ru

© Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, 2023

Содержание

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

<i>Е.А. Булгакова</i> Технологии нового века и архитектурная теория.....	7
<i>М.С. Федорова, Е.И. Рафикова</i> Смарт-технологии общественных пространств: анализ реализованных проектов и перспективы развития	19
<i>В.Г. Чесноков, Г.А. Чесноков</i> Генеральные планы Воронежа: история их создания и опыт реализации	25
<i>А.А. Арский</i> Комплекс физической и цифровой архитектуры логистических центров	32
<i>С.А. Геппель, А.Р. Лебединская</i> Обеспечение естественной акустики при строительстве и реставрации храмов	36
<i>Д.М. Харитонова</i> Элементы навигации в дизайне современного детского сада: особенности и тенденции	42
<i>Е.С. Потапова, Л.М. Макарова</i> Аббревиатура ESG и российская архитектурно-дизайнерская сфера	46
<i>И.А. Шарапов</i> Орнамент в архитектуре XX века: от эстетики к структуре	53
<i>А.Л. Тутов</i> Технологии виртуальной реальности для студентов специальности «архитектура»	57
<i>П.М. Жук, Г.М. Чентемиров, А.Л. Шубин</i> Инженерные и естественнонаучные аспекты в рамках укрупненной группы специальностей и направлений подготовки 07.00.00 Архитектура.....	62
<i>Ф.Н. Коршаков, О.К. Маркова, Н.В. Новикова</i> Анализ контекста как часть воспитательной работы в архитектурном вузе.....	69

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Г.В. Токарев</i> Идентификационные тактики С.А. Толстой в её дневнике за 1862–1910 годы.....	74
<i>А.П. Зименков</i> Предударность рифменной системы В.В. Маяковского и ее влияние на эволюцию русской рифмы в XX веке	79
<i>Т.А. Купченко</i> Записная книжка В.В. Маяковского как жизнетворческий документ: прочтение черновых строк поэмы «V Интернационал» в контексте адресов и телефонов круга поэта	89

<i>Ю.Ю. Суханов</i> Образ будущего в российском предвыборном дискурсе: языковые средства репрезентации	97
<i>А.Ю. Ермина</i> Когнитивная метафора в политическом дискурсе президентов Франции Эммануэля Макрона и Шарля де Голля	103
<i>Е.В. Бабушкина</i> Миф о братьях по оружию и гендерные стереотипы армии США	108
<i>Ж.А. Микаелян</i> Жанр как лингвистическое понятие	112
<i>Е.В. Черных</i> Практическая реализация межъязыковой интерференции в специальном переводе	115
<i>И.А. Муроз</i> В поисках сочетаемости слов: электронные ресурсы переводчика и приемы работы с ними	121
<i>В.В. Миколайчик, В.В. Белоконь</i> Семантическая сфера способов глагольного действия и её структурная специфика в языках аналитической типологии	129

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Е.А. Трухан</i> Трёхмерная модель побуждений	141
<i>С.И. Шевцевленко, Л.Н. Бенелли, Е.Н. Скрипачева, А.А. Казначеева</i> Подходы к пониманию термина «манипуляция» в отечественной и зарубежной психологии	152
<i>Е.Н. Скрипачева, Т.В. Подунова</i> Современные представления о тревоге в работах отечественных и зарубежных психологов	159
<i>Р.Е. Барабанов</i> Современное инклюзивное образовательное пространство университетов и образовательных организаций среднего профессионального образования как фактор развития качества жизни студентов с ОВЗ	165
Приглашение к публикации	172

Contents

CONSTRUCTION AND ARCHITECTURE

<i>E.A. Bulgakova</i> Technologies of the new century and architectural theory	7
<i>M.S. Fedorova, E.I. Rafikova</i> Smart technologies of public spaces: analysis of implemented projects and development prospects	19
<i>V.G. Chesnokov, G.A. Chesnokov</i> Master plans of Voronezh: History of their creation and implementation experience.....	25
<i>A.A. Arskiy</i> Complex physical and digital architecture of logistics centers.....	32
<i>S.A. Geppel, A.R. Lebedinskaya</i> Provision of natural acoustics during the construction and restoration of temples.....	36
<i>D.M. Kharitonova</i> Elements of navigation in the design of modern kindergarten: features and trends	42
<i>E.S. Potapova, L.M. Makarova</i> The abbreviation ESG and the Russian architectural and design sphere.....	46
<i>I.A. Sharapov</i> Ornament in the XX century architecture: from aesthetics to structure	53
<i>A.L. Titov</i> Virtual reality technologies for architecture students	57
<i>P.M. Zhuk, G.M. Chentemirov, A.L. Shubin</i> Engineering and natural science aspects within the framework of enlarged group of specialties and training 07.00.00 Architecture	62
<i>F.N. Korshakov, O.K. Markova, N.V. Novikova</i> Context analysis as part of upbringing work at an architectural university	69

LINGUISTICS

<i>G.V. Tokarev</i> Identification of Sophia Tolstaya's tactics in her diary for 1862–1910 years	74
<i>A.P. Zimenkov</i> The pre-impact of the V.V. Mayakovsky rhyme system and its influence on the evolution of Russian rhyme in the 20th century	79
<i>T.A. Kupchenko</i> Notebook of V.V. Mayakovsky as a life-making document: reading the draft lines of the poem «V International» in the context of addresses and phones of the poet circle	89

<i>Y.Y. Sukhanov</i> Image of the future in the Russian pre-election discourse: language means of representation....	97
<i>A.Y. Ermina</i> Cognitive metaphor in the political discourse of French presidents Emmanuel Macron and Charles de Gaulle.....	103
<i>E.V. Babushkina</i> The brothers-in-arms myth and the US military gender stereotypes	108
<i>J.A. Mikaelian</i> Genre as a linguistic concept	112
<i>E.V. Chernykh</i> Practical implementation of crosslanguage interference in specialized translation.....	115
<i>I.A. Murog</i> In constant search of collocations: modern e-tools for translators	121
<i>V.I. Mikolaichik, V.V. Belokon</i> The semantic sphere of verbal action methods and its structural specificity in the languages of analytical typology.....	129

PSYCHOLOGY

<i>E.A. Truhan</i> Three-dimensional model of motivation.....	141
<i>S.I. Shevtsevlenco, L.N. Benelli, E.N. Skripacheva, A.A. Kaznacheeva</i> Approaches to understanding the term «manipulation» in domestic and foreign psychology	152
<i>E.N. Skripacheva, T.V. Podunova</i> Modern ideas about anxiety in the works of domestic and foreign psychologists	159
<i>R.E. Barabanov</i> Modern inclusive educational space of universities and educational organizations of secondary vocational education as a factor in the development of the quality of life of students with disabilities	165
<i>The invitation to the publication</i>	172

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

CONSTRUCTION AND ARCHITECTURE

УДК 721.02

doi: 10.52470/2619046X_2023_4_7

ТЕХНОЛОГИИ НОВОГО ВЕКА И АРХИТЕКТУРНАЯ ТЕОРИЯ

Е.А. Булгакова

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению эволюции теоретической мысли в сфере архитектуры, где бурный рост архитектурной теории в двадцатом веке привел к разделению единой парадигмы на множество отдельных течений. В последние десятилетия наблюдается интенсивное включение методов и парадигм из других научных теорий. На конкретных примерах, автор рассматривает принципиальные подходы архитекторов из стран Юго-Восточной Азии и выявляет отличия от принятых в западной культуре, что формирует перспективы дальнейшего роста и развития теории архитектурно-градостроительной сферы.

Ключевые слова: архитектура, история, теория, парадигма, пространство и время.

TECHNOLOGIES OF THE NEW CENTURY AND ARCHITECTURAL THEORY

E.A. Bulgakova

Abstract. The article is devoted to the evolution of theoretical thought in the field of architecture, where the rapid growth of architectural theory in the twentieth century led to the division of a single paradigm into many separate trends. In recent decades, there has been an intensive incorporation of methods and paradigms from other scientific theories. Using specific examples, the author examines the fundamental approaches of architects from Southeast Asian countries and identifies differences from those adopted in Western culture, which forms prospects for further growth and development of the theory of architectural and urban planning.

Keywords: architecture, history, theory, paradigm, space and time.

Размышление о нынешнем состоянии отношений между архитектурой и технологией не может обойтись без рассмотрения изменений, которые повлияли на технологию за последние десятилетия. Эти изменения связаны не только с инновациями, такими как массовое распространение цифровых инструментов, развитие генной инженерии или новые перспективы, открывающиеся в результате исследования наноразмерных структур. Какими бы новаторскими и впечатляющими ни были эти инновации, они являются лишь частью более глобальной эволюции. Эта эволюция представляет собой сильное эпистемологическое изменение. Другими словами, за последние десятилетия изменилось не только содержание технологии, но и само ее определение. То, что мы сейчас называем технологией, радикально отличается от технологического мира, который определял классические формы индустриали-

зации, от Англии начала девятнадцатого века до Соединенных Штатов, Японии и Германии середины двадцатого века [17].

Первое существенное отличие заключается в снижении актуальности традиционных технологических объектов, таких как автомобили или самолеты. В повседневном использовании технологий объекты больше не являются столь определяющими, как раньше. Они были заменены более всеобъемлющими и в то же время абстрактными сущностями, такими как сети и поля. Большинство артефактов, которые окружают нас сегодня, по-видимому, обладают лишь малой долей автономии, которой были наделены машины индустриальной эпохи. Мы склонны жить среди квазиобъектов, соединителей или терминалов, которые выражают свойства, принадлежащие сетям или полям, таким как сигнал мобильного телефона [10].

Потеря актуальности технологических артефактов, вероятно, лежит в основе нашего восприятия постоянно возрастающего значения виртуальности. Ибо сети и поля, которые заменяют автомобили и самолеты, воспринимаются совершенно иначе, чем традиционные объекты. Они, по-видимому, порождают возможности, ожидающие реализации через квази-объекты, такие как терминалы. Беспроводная сеть нуждается в компьютерах или мобильных телефонах, чтобы стать полностью доступной для своих пользователей. Но компьютер или, тем более, смартфон важен для нас не сам по себе, а в основном как «вход» (портал, терминал) для входа в глобальную информационную сеть или глобальное информационное поле [3, 4].

Еще одной фундаментальной характеристикой новой технологической сферы, которая нас окружает, является ее все более бесшовный характер. Беспроводные сети снова стали символом мира, в котором сети и поля, кажется, сливаются все более и более плавным образом. Это объясняет успех метафорического использования глаголов типа «заниматься серфингом», «просматривать» или «дрейфовать» по сайтам, когда речь идет о таких реалиях, как Интернет. Эти выражения передают нам что-то о новых отношениях человека и техносферы, которое необходимо принять в лишенном дискретности технологическом мире. В этом мире компоненты все реже собираются по схемам, основанным на геометрии и механике. Карта с ее триангулированными ориентирами или двигатель с его тщательно спроектированными деталями, использовались для воплощения некоторых фундаментальных принципов технологической изобретательности.

Но компьютеры и, в более общем плане, электронное оборудование больше не проектируются в соответствии с этими принципами. Они представляют собой многослойные сборки аппаратного и программного обеспечения, в чем-то сравнимые с бутербродами. Даже больше, чем внутренняя организация слоев, сегодня часто имеет значение их взаимодействие, и это взаимодействие больше сродни проблемам написания и перевода кода, чем структурному проектированию [8].

С другой точки зрения, мир информации ставит под угрозу само структурное измерение. Действительно, структура раньше определялась на промежуточном уровне между микроскопическим и макроскопическим. Предполагалось, что структура – от скелетов животных до зданий – воплощает определенный тип порядка между этими двумя бесконечностями. Исследования на границах наших представлений о структурированном мире все время отодвигали эти границы все дальше – в квантовые микромасштабы с одной стороны и в метагалактические области космоса с другой. Но исследованный нами мир всегда выглядел структурированным в зависимости от масштаба. Разные структуры соответствовали субатомным микрочастицам и галактикам. Такая специфичность в настоящее время оспаривается в мире, в котором информация, по-видимому, следует схожим шаблонам на всех уровнях. Это объясняет символическую роль, которую играют фракталы. Фракталы больше не воспринимаются как геометрические монстры, они, по-видимому, воплощают фундаментальную характеристику мира, управляемого информацией, а именно его безразличие к традиционным иерархиям и масштабам [15].

Другим существенным аспектом нашей нынешней ситуации является размытость, которая часто возникает между тем, что раньше было инфраструктурным, и тем, что считалось надстройкой. В транспортной компании программное приложение, используемое для управления автопарком, часто важнее самих транспортных средств. Аналогичным образом, смена операционной системы является более фундаментальным решением для пользователя, чем переход с одного компьютера на другой. История Интернета, возможно, является лучшей иллюстрацией этого размытия между инфраструктурой и надстройкой. Сеть несколько раз меняла свою основу в течение первых десятилетий своего существования, что позволяет предположить, что ее реальный инфраструктурный уровень был уровнем подключенных к ней пользователей, как если бы маленькие ветви и листья сети дерево находилось на более высоком иерархическом уровне, чем его ствол [15].

Именно в таком контексте следует оценить кризис архитектурной тектоники. Если добавить к этому глубокое переопределение границ между естественным и искусственным, то мы видим ситуацию, когда человек оказывается лицом к лицу с технологической вселенной, которую уже нелегко охватить с помощью однозначных категорий. Мы действительно живем в техно-природной вселенной, более похожей на то, что описывают Бруно Латур или Питер Слотердаик, чем на традиционное видение человеческой сферы, окруженной чужой природой. К этой вселенной больше нельзя подходить, используя системные аналогии. Система всегда представляет собой совокупность дискретных частей, отношения которых могут быть охарактеризованы в терминах обработки информации и циклов обратной связи. Кибернетические или некибернетические модели, вероятно, больше не воспринимаются как универсальные ключи к пониманию современных технологий. Для адекватного понимания сути современного технологического развития мы должны вернуться к континуальным моделям. Современные технологии это не механизм, а ландшафт с его непрерывным перетеканием бесконечного множества фрагментов, ни один из которых не отделен от общего целого жесткими границами [12].

Когда в середине 1980-х гг. использование компьютера начало распространяться по всему архитектурному миру, изначально предполагалось, что это усилит преобладание структуры и тектоники за счет новых возможностей, которые компьютер предоставлялся такой панацеей от всех организационных проблем для почти беспрепятственного перехода от первых эскизов к решению технических деталей. Плавный процесс, который он обещал наладить, казался в то время синонимом более глубокой степени согласованности между проектными и структурными решениями [6].

Во многих случаях то, что произошло, оказалось прямо противоположно этим чрезмерно оптимистичным сценариям. Действительно, многие ключевые здания сегодня отмечены поразительным несоответствием между архитектурной формой и тектоникой. От Сендайской медиатеки Тойо Ито до Йокогамского терминала Foreign Office Architects, похоже, нет альтернативы, кроме как радикально разграничить сферы архитектурной формы и тектоники. Это различие проявляется и во многих других современных фирменных зданиях. Например, полностью бетонный внешний вид Phaeno Center Захи Хадид противоречит конструктивной важности стальных балочных решеток пола и крыши, и так далее [7].

Есть нечто парадоксальное в том, как сегодня, с одной стороны, компьютер позволяет, как и ожидалось изначально, четко сформулировать концепцию и реализовать ее, в то время как с другой стороны, он воссоздает поразительную дистанцию между архитектурными образами и реальностью строительных технологий.

Показательно, что такое отношение разделяют такие инженеры, как Сесил Балмонд, которые представляют его как поиск альтернативной тектоники, основанной на «недекартовских» или «неформальных» принципах [13]. Пекинский национальный стадион Херцога и де

Мерона, спроектированный Балмондом, со сложным лабиринтом столбов и балок, который бросает вызов традиционному пониманию конструкции, является иллюстрацией этого поиска. Он часто использует случайность или, по крайней мере, видимость случайности в качестве контрмеры тектоническому габитусу. Последнее особенно заметно в другом сооружении, спроектированном Сесилом Балмондом в тесном сотрудничестве с архитектором, – Змеевидном павильоне Тойо Ито 2002 г. (рисунки 1).

Тойо Ито, лауреат Притцкерской премии 2013 г., вместе с Сесилом Балмондом и Арупом отвечали за дизайн павильона Serpentine Gallery (Вестминстер, Великобритания) в 2002 г. То, что казалось чрезвычайно сложным случайным паттерном, на самом деле было получено из алгоритма куба, который расширялся при вращении. Пересекающиеся линии образовывали различные треугольники и трапеции, чья прозрачность и полупрозрачность создавали ощущение бесконечно повторяющегося движения.

Новые требования, связанные со стремлением к устойчивому развитию, соответствуют этому сдвигу. Устойчивость действительно относительно безразлична к правильности несущих траекторий и переводу конструктивных решений в понятную тектонику. Это включает в себя такие факторы, как экологические следы или динамическое энергетическое поведение, которые подчиняются другому типу логики, логике, которая включает в себя всю окружающую среду вместо того, чтобы оставаться в пределах построенного объекта, как традиционные структурные требования. И здесь компьютер играет важную роль в том, чтобы проектировщики могли идентифицировать и использовать эти факторы.

Среди последствий отказа от традиционных тектонических допущений можно отметить впечатляющее возвращение орнамента как чего-то отличного от тектонической артикуляции. Несмотря на все это, сегодняшний архитектурный орнамент имеет мало общего с определением, которое преобладало до зарождения современности с ее скульптурными и, прежде всего, символическими измерениями. Символическое измерение, в частности, отвергается многими современными дизайнерами. Если следовать им, то новый орнамент больше похож на поверхность или состояние поля; часто он похож на узор или тесселяцию, целью которых является создание аффектов, превосходящих значение в обычном смысле [5; 14].

Рисунок 1. Змеевидный павильон Тойо Ито 2002 г.

Еще одно направление, в котором архитектурно-строительная сфера переживает небывалый перелом, это широкий поиск и открытие все новых конструктивных материалов. Революция, которую пережила архитектура в связи с изобретением железобетона, сегодня становится все более обыденным явлением. Принципиально новые материалы с фантастическими свойствами расширяют палитру конструктивных и декоративных возможностей архитектора практически ежедневно. Добавим к этому быстрый рост толерантности к традиционным и вернакулярным материалам и технологиям строительства, который стимулирует возвращение полузабытых и, казалось бы, устаревших приемов – и мы увидим фундаментальный рывок в разнообразии, доступном современному архитектору [16].

Как ни странно это может прозвучать, но с определенной точки зрения большую готовность использовать расширенную палитру возможностей демонстрируют сегодня архитекторы и строители «глобального Юго-Востока». Разница в подходах к архитектуре, однако, заключается в соотношении теории и практики. Западная архитектурная мысль очень много внимания уделяет рефлексии своей проектной деятельности. Большинство крупных мастеров архитектуры, так или иначе, считают необходимым осмысливать и оформлять в виде текстов те идеи и образы, которые они реализуют в своих проектах. В западной культуре даже находится место для архитекторов-теоретиков, которые ничего не строят, а посвящают свою работу исключительно обсуждению чужих проектов.

Культурная традиция «глобального Юго-Востока» отличается от западной кардинальным образом. Во-первых, восточная архитектура в гораздо большей степени опирается на традиции и устоявшиеся, стандартизованные приемы строительства. Само понятие архитектора, создающего новаторские, нестандартные объекты, вошло в архитектурно-строительную сферу Востока относительно недавно и под сильным влиянием Запада [9; 11].

Во-вторых, несмотря на наличие сильной и разнообразной философии, восточные культуры не разработали собственных механизмов переноса философских идей в архитектуру [1]. Конвертация онтологических парадигм в конкретные архитектурные проекты все еще остается чем-то непривычным и трудным для понимания. Тем не менее, восточная архитектура быстро совершенствуется и осваивает новые парадигмы.

После периода глубокого некритичного подражания западных архитектурных парадигм, именно китайские архитекторы сегодня погружаются в поиски самостоятельных национальных идей и форм для их выражения. Это наследование и выражение основаны на контексте, можно разделить на две категории, которые условно называются: «принятие» и «удаление».

Переосмысление традиций с точки зрения Формы, Смысла и Модели – это Принятие.

Удаление – это конструктивный компромисс с окружающей средой, который уважает оригинальную сельскую или городскую текстуру и внешний вид. Он основан на старых формах и строительных техниках, дополненных современными дизайнерскими подходами и техниками.

Главная цель поисков формулируется как баланс между старым и новым, между тысячелетними традициями и современностью. Вот несколько примеров, которые иллюстрируют этот баланс.

Форма. Xi Hall – культовое здание для проведения свадебных церемоний и общественных мероприятий. Объект был вдохновлен Wok Room, традиционной жилой архитектурой Китая, которая отличалась фронтоном в форме ручки вока – сковороды для приготовления пищи (рисунки 2 и 3). Горб в середине фронтона похож на ручку вока. Помещение для приготовления ритуального кушанья (которое также носит название вока) обозначено двускатной стеной с приподнятым центром и опущенными сторонами. Двускатные стены используются для защиты от ветра или жары и служат основной несущей конструкцией дома. Архитектор

**Рисунок 2. Павильон Кси Холл, Гуанчжоу, Китай (2021 г.).
Мастер-план L&A Design. Фото Breezeimage, Junning Yang**

абстрагировал форму стены вок и применил ее к восточному и западному возвышениям Xi Hall, которые соединены гиперболически изогнутой крышей и создают зрительный зал с классической привлекательностью и ощущением парения.

**Рисунок 3. Традиционная китайская кастрюля «вок»
с характерным гиперболическим дном и высокими ручками**

Рисунок 4. Проект «Карьер № 8. Книжная гора» Личжу, Китай (2022 г.).Студия DnA, ведущий архитектор Tiantian Xu

«Смысл»: **Карьер № 8: Книжная гора / ДнК.** После того как добыча полезных ископаемых здесь была запрещена, ручная добыча в районе заброшенного карьера создала случайную топографию внутреннего пространства. Рядом с этим карьером находится место, где в исторические времена встречались ученые, чтобы обсудить свои идеи. Внутри карьера архитекторы построили каменные ступени, высота которых может достигать 12 м. Используя лестницу, чтобы подняться на различные уровни, оборудованные книжными шкафами и учебными площадками, посетители испытывают ощущение восхождения на гору знаний, прежде чем войти в мир каллиграфии и резьбы по камню. Поскольку здесь в найденную ситуацию вписан культурный и образовательный идеал, его сразу же распознает каждый школьник в Китае (рисунок 4).

«Модель»: **Художественный музей на рынке / Бюро живописной архитектуры.** Основной городской структурой пешеходных улиц в Восточном районе является торговый двор на первом и втором этажах и гостиничный двор с двускатной крышей на втором этаже. Проект продолжил схему укладки каркаса и двускатной конструкции крыши, используемой на пешеходной улице. Первый этаж был выбран для того, чтобы воспроизвести нависающую двускатную крышу традиционного дома и соединить ее в большое пространство, извлекая структурную форму Y-образных колонн из геометрии сплошной двускатной стены, чтобы поддерживать перевернутую треугольную стропильную крышу. На втором этаже дизайнер извлек поперечную несущую конструкцию из фонаря, которая была использована в качестве стиля точки соединения. Группа колонн снаружи состоит из X-образных наклонных колонн, трехмерно составленных из вставленных друг в друга клееных столбов, которые поддерживают крышу. Две опорные системы работают вместе, создавая свободное от колонн пространство под деревянным каркасом (рисунок 5).

Принцип «Гармония»: **Реконструкция комплекса зданий традиционной постройки.** Проект расположен в провинции Юньнань. Чтобы защитить качество воды в озере Фусянь,

Рисунок 5. Художественный музей на рынке. Джашань, Китай (2021 г.)

местные власти постепенно переселили жилые районы на берегу озера. Переселение привело к сносу старых домов, что также предоставило возможности для переработки кирпича и черепицы в этом проекте. Комплекс включил ряд отдельных проектов: реконструкции трехэтажных каркасных кирпичных зданий и недавно построенных плавучих домов, глиняного экрана, Бамбукового павильона, Дождевого павильона, плиточных павильонов, наклонного павильона и оригинальных стен с легкой реконструкцией. Все это представляет собой результат стратегий реновации, восемь стилей сельского строительства подчеркивают осмысление и анализ стратегий реновации сельской архитектуры.

В кирпичном здании расположены ресторан, многофункциональный зал и гостевые комнаты отеля типа «постель и завтрак» (*рисунок 6*). Объединив функции кирпичного здания и характеристики витрины вдоль улицы, мы удалили небольшое количество стен из красного кирпича и керамогранитной плитки, чтобы сохранить оригинальные каркасные балки и колонны здания. Внешняя стена сделана из местного голубого кирпича и стеклянных кирпичей, вплетенных в стену, а плетение соответствует местной традиционной конструкции бамбуковой корзины «waterwheel fishing». Стеклянные блоки обеспечивают проникновение света. Снятая белая керамогранитная плитка была повторно использована в качестве напольного покрытия. В сезон дождей на местных голубых кирпичах наружных стен растет мох. Кирпичное здание представляет собой современную резиденцию, построенную с использованием традиционных ремесленных техник, а также естественную пещеру, построенную вручную.

Плавучие дома должны в будущем стать плавучей резиденцией на набережной (*рисунок 7*). Плавучий дом представляет собой комбинацию резиденции и корабля, нижняя часть которого установлена на каменном фундаменте, а верхняя часть объединена в виде

Рисунок 6. Кирпичный дом, чтобы жить в поэзии

нависающей крыши круизного лайнера. Изогнутая стальная конструкция двери повторяет конструктивную форму крыши круизного лайнера с нависающей крышей, которая создает

Рисунок 7. Плавающие дома, чтобы жить в будущем

Рисунок 8. Глиняный экран, чтобы жить в ответственности

частный водный дворик, похожий на жилой. Узкая горизонтальная щель, которую можно открывать или закрывать, обеспечивает ощущение лодки, а внутреннее покрытие было намеренно наклонено, чтобы соответствовать динамичному характеру «корабля».

Сельские жилые здания вокруг участка построены высокими и бессистемными. Стратегия планирования состояла в том, чтобы создать внутренние уровни внутри, построив глиняную сетчатую стену (рисунок 8) и создав буферную зону из высокого бамбукового леса, чтобы отодвинуть плохое окружение (рисунок 9).

Сначала бетонный пол был разобран, и бетонные отходы были использованы для создания ограждения, похожего на внутренний двор. Во-вторых, внутри закрытой мусорной стены были добавлены две теневые крыши из стальных пластин, чтобы обеспечить отдых. Наконец, бамбуковый лес был равномерно посажен на всем пространстве за пределами мусорной стены и теневой крыши. Между бамбуковыми стволами нет определенного пути, и люди могут входить свободно. Нет никаких ограничений на протяженность бамбукового леса; бамбуковый лес свободен.

Приведенные примеры, призваны проиллюстрировать следующий тезис: восточная архитектурная практика базируется на иных парадигмальных основаниях, чем западная.

Иное отношение к времени выражается в том, что китайские архитекторы чувствуют себя не просто погруженными в непрерывный поток, текущий из глубины тысячелетий. Китайская культура воспринимает историю и традицию как вполне современную и актуальную сущность. Сковородка вок, изобретенная в незапамятные времена, подсказывает

Рисунок 9. Бамбуковый павильон, чтобы жить на природе

форму современного здания. Форма и фактура скал, совместный результат выветривания и добычи полезных ископаемых, становится фоном и соучастником процесса приобщения молодежи к традиционной книжной культуре. Конструкции из деревянных балок, взятые из средневекового трактата по строительству, используются для создания модернистского открытого пространства. Сегодняшняя архитектура поедает прошлое, питается им и растет из него – этот образ впервые предложили японские метаболисты, но теперь оказывается, что именно так восточная культура воспринимает прошлое как таковое.

Постмодернизм мучительно прорывался к подобному восприятию времени, нарезая прошлое на фрагменты и перемешивая их под острым соусом из иронии. Восточные архитекторы делают нечто похожее, но без напряжения и с гораздо более позитивным эмоциональным настроем. Они не воюют с прошлым, не обращаются к нему как к учителю и судьбе, не бросают ему вызов, не пытаются ниспровергнуть или возвеличить прошлое – они просто им питаются.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что развитие технологий на рубеже XX–XXI вв. принесло несколько фундаментальных перемен. Основная из них заключается в том, что технологии в самых разных сферах производства и потребления становятся сетевыми.

Одновременно с преобладанием сетевых принципов развития технологий решающее значение приобретают виртуальные и дополненные реальности. Значительная часть современных технологий размещается в информационных пространствах [2]. Например, логистика все меньше зависит от наличия реальных дорог и транспортных средств, а все больше – от доступности оперативной информации и наличия договоренностей между участниками цепи поставок.

В русле тех же сетевых перемен архитектурная теория приобретает все более междисциплинарный характер. Новейшие направления появляются на пересечении зодчества с экологией, с нейронаукой, с нано- и биотехнологиями в материаловедении и так далее.

Новые принципы и парадигмы в архитектуре закономерно встречают сопротивление со стороны инерционных и консервативных учений. Парадоксальным образом в культурах Юго-Востока сопротивление новшествам менее заметно. В частности, это выражается в быстром росте обращений к традиционной и вернакулярной архитектуре, а также к традиционным экологичным строительным технологиям;

Вероятно, наиболее перспективным направлением развития архитектурной теории можно считать сочетание новейших информационных технологий (включая цифровое проектирование и использование виртуальной реальности) с традиционными приемами и принципами архитектуры и строительства. Теоретическое осмысление такого «цифрового регионализма», однако, находится в самой начальной стадии развития и представляет собой задачу для последующих десятилетий развития архитектурной теории.

Библиографический список

1. Булгакова Е.А. Нет провинций в интернете // Проект Байкал. 2020. Т. 17. № 65.
2. Булгакова Е.А. Перспективы развития профессии архитектора в условиях цифровизации // Вестник Московского информационно-технологического университета Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 4.
3. Булгакова Е., Лидин К. Малые города, мозг и архитектурное образование // Проект Байкал. 2019. Т. 16. № 61.
4. *Abbate J. Inventing the Internet (Inside technology). Cambridge MA, 2000.*
5. *Addington M., Schodek D. Smart materials and new technologies for the architecture and design. Abingdon, 2005.*
6. *Balmond C. Informal paperback. New York, 2007.*
7. *Elrayies G.M. Architectural ornaments in the twenty-first century: An analytical study // Catalani et al. (eds.) Cities' identity through architecture and arts. London, 2018.*
8. *Ferrier J. Useful / Utiles: the poetry of useful things // La poésie des choses utiles (English and French edition). Basel, 2004.*
9. *Fergusson J. History of Indian and Eastern architecture: a set of two volumes. New Delhi: Rupa & Co., 2011.*
10. *Gandy M. Cyborg urbanization: complexity and monstrosity in the contemporary city // International journal of urban and regional research. 2005. Vol. 29. № 1.*
11. *Gestalten (ed.) Beauty and the East: new Chinese architecture. Berlin, 2021.*
12. *Jodidio Ph. Hadid: Zaha Hadid, Complete Works, 1979–2013. Köln, 2013.*
13. *Moussavi F. The function of ornament paperback. Barcelona, 2008.*
14. *Mallgrave H.F. The architect's brain: neuroscience, creativity, and architecture. New York, 2010.*
15. *Rouyer R. Architecture, technique et représentation. Les figures de transposition // Ligeia. 2007. № 77–80.*
16. *Rowe P.G. Chinese modern: episodes backward and forward in time. Berlin, Boston, 2022.*
17. *Swynedouw E. Circulations and metabolisms: (hybrid) natures and (cyborg) cities. // in session Justice, Nature and the City, publication. IBG-RGS Annual Meeting. London, 2006.*

Е.А. Булгакова

кандидат архитектуры, доцент
советник РААСН

Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт;

Государственный университет по землеустройству, г. Москва

E-mail: traumeels@mail.ru

СМАРТ-ТЕХНОЛОГИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ: АНАЛИЗ РЕАЛИЗОВАННЫХ ПРОЕКТОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

М.С. Федорова, Е.И. Рафикова

Аннотация. Статья посвящена концепции смарт-города как инновационной технологии, способной улучшить качество общественных пространств. В статье рассмотрены аналоги данной концепции в различных странах мира, а также проанализированы примеры успешной реализации умных общественных пространств и их влияния на жизнь горожан.

Ключевые слова: архитектура, общественные пространства, развитие общественных пространств, смарт-город, смарт-площадь.

SMART TECHNOLOGIES OF PUBLIC SPACES: ANALYSIS OF IMPLEMENTED PROJECTS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

M.S. Fedorova, E.I. Rafikova

Abstract. The article is devoted to the concept of a smart city as an innovative technology capable of improving the quality of public spaces. The article examines analogues of this concept in various countries of the world, as well as analyzes examples of successful implementation of smart public spaces and their impact on the lives of citizens.

Keywords: architecture, public spaces, development of public spaces, smart city, smart square.

В современном мире города становятся все более многофункциональными, что требует новых подходов к управлению общественными пространствами и повышению их эффективности. Рассмотрим концепцию «Умных общественных пространств» для реализации этих подходов. «Умные общественные пространства» представляют собой объекты, которые оснащены современными технологиями, позволяющими управлять и мониторить различные аспекты жизни горожан, такие как транспорт, экология, безопасность, здоровье и т.д. [3]

Многие авторы уже исследовали тему смарт-площадей и рассмотрели ее в различных контекстах, начиная от архитектурных и дизайнерских аспектов и заканчивая техническими решениями. Например, А.Х. Радван и А. Абдель Ганей Мурси рассматривают вопрос изменения облика городских общественных пространств и жизни людей под влиянием инновационных технологий [2]. Актуальную проблему формирования новой архитектуры, соответствующей вызовам умного города, и развитие исторических городов в условиях информационных технологий рассматривали также А.В. Антюфеев, Г.А. Птичникова [1] А создание и преобразование городских площадей следуя принципам устойчивого развития в своей статье исследовали О.В. Масловская, Г.Е. Игнатов [4]

Цель данной статьи заключается в обзоре примеров реализации концепции смарт-площадей в различных городах мира и анализе их эффективности и удобства для жителей. Результаты данного исследования помогут лучше понять возможности применения смарт-технологий в управлении общественными пространствами и повышении их эффективности и комфортности для людей.

В качестве основных источников информации использовались наукометрические базы данных, публикации в специализированных журналах, отчеты и исследования, посвященные смарт-технологиям в городской среде.

SMART-площади в концепции умных городов

Одним из важнейших составляющих облика города является система общественных мест или пространств формирующая уникальный образ города в восприятии его гостей и жителей. В широком смысле, под термином «общественные пространства» понимается улицы, парки, скверы, тротуары, набережные, детские площадки, стадионы, мостовые и т.д.

Основной стратегической целью пространственного развития населенных мест является обеспечение их устойчивого развития, которое включает в себя разработку новых подходов, способствующих повышению качества городской среды, формированию комфортного и безопасного городского пространства при планировке новых и реконструкции существующих территорий [7; 8].

Основные принципы развития общественных пространств определены в соответствии с общими принципами устойчивого развития городских территорий. Общественное пространство на городской улице должно обеспечивать [3]:

- экономический аспект – рациональное использование территорий, которые не выполняют функцию обеспечения транзитного движения в интересах всех групп пользователей;
- социальный аспект – наличие необходимых объектов социального обслуживания как для обеспечения повседневных целей, так и для организации социального взаимодействия;
- экологический аспект – повышение экологической безопасности городской территории за счет снижения влияния всех возможных негативных воздействий и добавления природных элементов.

Отражение вышеперечисленных аспектов играет важную роль в развитии общественных пространств с использованием концепции «умный город» помогая решить ряд обыденных проблем: от тёплых скамеек при отрицательной температуре до видеоаналитики в местах общего пользования, которая помогает самостоятельно сообщать службам безопасности о наличии подозрительных предметов.

Необходимость адаптации технологий умных городов к особенностям конкретных населенных пунктов и их жителей требует учета таких критериев, как географические, климатические, социально-экономические и культурные особенности.

Например, географический и климатический фактор учитывается в городах, расположенных в северных широтах, где может потребоваться более интенсивное использование систем отопления и освещения в зимний период, в то время как для городов в жарких климатических зонах могут быть важны технологии управления водными ресурсами и создания микроклимата. В городах с низким уровнем экономического развития и высокой безработицей необходимо уделить особое внимание технологиям, способствующим созданию новых рабочих мест и поддержанию стабильности экономики города. В то же время, в городах с высоким уровнем доходов и инфраструктурой, следует уделять внимание технологиям, способствующим повышению качества жизни и обеспечению комфортной и безопасной городской среды.

Адаптация технологий умных городов в общественных пространствах к особенностям конкретных городов и их жителей требует учета таких критериев, как культурные особенности города. Например, в городах с высоким уровнем культурных мероприятий и традиций могут быть более успешно внедрены умные технологии, направленные на поддержку культурных и художественных мероприятий, такие как цифровые выставки и фестивали, музыкальные фонтаны и т.д. В то же время, в городах, где социальные традиции более консервативны, могут быть более успешными инновационные технологии, направленные на обеспечение безопасности и комфорта горожан, такие как системы видеонаблюдения и умные системы управления транспортом.

Анализ опыта применения умных технологий в общественных пространствах в мировой практике

Умные общественные пространства являются одним из наиболее актуальных направлений в области умных городов. Они обычно представляют собой публичные пространства в городах, которые интегрируют различные технологии для обеспечения более удобной и безопасной жизни горожан, а также улучшения управления городской инфраструктурой. Примерами таких технологий могут быть системы управления энергопотреблением, уличное освещение на основе датчиков движения, беспроводной доступ в Интернет, а также системы мониторинга обстановки на площадях.

Ведущие страны, такие как США, Дания, Сингапур, Франция и Финляндия, активно применяют смарт-технологии, включая инновационные архитектурные элементы, для эффективного управления энергосбережением. Например, смарт-баки с датчиками уровня заполнения, установленные в этих странах, обеспечивают передачу данных в центр управления городом, что позволяет оптимизировать планирование сбора мусора и сократить количество необходимого для этого транспорта. Такие инженерные решения способствуют снижению окружающей среды нагрузки и создают более устойчивые городские среды.

Нидерланды, страна, которая является одним из лидеров в применении смарт-технологий в общественных пространствах, активно использует архитектурные и проектные решения для достижения оптимального использования ресурсов. Смарт-освещение, адаптирующееся к количеству присутствующих людей на улице и уровню естественного освещения, позволяет не только обеспечить комфортное освещение, но и существенно снизить энергопотребление. Аналогичные технологии также широко применяются в Испании, Японии, Дании, Франции и Сингапуре, демонстрируя их потенциал в снижении энергозатрат.

В Великобритании основной фокус смарт-технологий связан с разработкой смарт-бенчей, которые представляют собой не только архитектурные элементы уличной мебели, но и полезные устройства для общества. Беспроводные зарядные устройства для мобильных устройств и сенсорные экраны на смарт-бенчах позволяют обеспечить информационную функциональность, предоставляя жителям и туристам доступ к городским событиям, достопримечательностям и прочей полезной информации. Это пример использования архитектурных решений, интегрированных с информационными технологиями, для обеспечения комфорта и эффективного использования ресурсов.

Новаторская система умной уличной мебели, внедряемая во Франции, демонстрирует стремление к созданию более удобных и интеллектуальных общественных пространств. Элементы умной уличной мебели, такие как смарт-скамейки с беспроводной зарядкой для мобильных устройств и смарт-кресла с интегрированными планшетами, не только облегчают повседневную жизнь горожан, но и способствуют созданию комфортной городской среды.

Таким образом, анализ и исследование различных примеров умных площадей, применяемых в различных странах, открывают новые горизонты для развития архитектурно-технологических решений в общественных пространствах. Однако, некоторые эксперты высказывают опасения, что эффективность применения девайсов не будет оправдывать высокую стоимость внедрения и обслуживания смарт-технологий, кроме того, некоторые люди считают, что смарт-технологии могут угрожать конфиденциальности и безопасности, в том случае, если данные, собранные с датчиков и камер, не будут надлежащим образом защищены.

Для более углубленного анализа рассмотрим жилой комплекс «Файна Таун» в Киеве, созданный А. Поповым, Д. Васильевым и бюро «Архиматика» в 2018 г. В рамках проекта была создана среда, которая позволяет жильцам жить более комфортно и безопасно, дополняя традиционные элементы жилой застройки умными технологиями. Одним из ключевых элементов проекта является умная площадь, с помощью которой собирается информация

о жизни комплекса благодаря датчикам и системам управления. Полученная информация позволяет оптимизировать управление ЖК и повысить уровень комфорта жильцов, например, энергосберегающее освещение чувствительное к появлению людей, а также «умные» скамейки и остановки с солнечными батареями [6]. Жилой комплекс Файна Таун в Украине представляет собой пример использования смарт-технологий в контексте жилой застройки.

Также рассмотрим пример умного открытого общественного пространства – парк High Line в Нью-Йорке. Этот парк был создан на базе бывшей железнодорожной ветки и стал символом реинкарнации устаревших инфраструктурных объектов в удобные и приятные места для отдыха. Одним из ключевых элементов парка является умная система полива, которая оптимизирует расход воды, исходя из погодных условий и состояния почвы. Кроме того, в парке установлены умные скамейки, оснащенные USB-портами для зарядки мобильных устройств, и системы контроля качества воздуха, которые позволяют мониторить уровень загрязнения и регулировать вентиляцию в реальном времени. Все эти инновации позволяют посетителям парка чувствовать себя более комфортно и безопасно, создавая приятную и экологически чистую среду для отдыха и прогулок. Парк High Line стал ярким примером умного городского пространства, который сочетает в себе комфорт, безопасность и инновационные технологии для наилучшего опыта отдыха.

Однако, несмотря на все преимущества смарт-технологий, существуют некоторые ограничения и риски, связанные с их использованием. Эффективность применения девайсов не будет оправдывать высокую стоимость внедрения и обслуживания смарт-технологий. Кроме того, некоторые люди считают, что смарт-технологии могут угрожать конфиденциальности и безопасности, в том случае, если данные, собранные с датчиков и камер, не будут надлежащим образом защищены.

Анализ этих примеров в разных странах подтверждает, что применение смарт-технологий в общественных пространствах имеет значительный потенциал для улучшения жизни горожан и развития архитектуры. Однако важно учитывать местные условия, потребности и культурные особенности каждого города, а также обеспечить сбалансированное использование технологий с учетом экологической устойчивости и социальной ответственности. Подводя итог, можно отметить, что умные технологии могут значительно повысить уровень комфорта и безопасности жизни людей в городе, а использование энергосберегающих технологий может помочь снизить вредное воздействие на окружающую среду. Однако, при внедрении умных технологий необходимо учитывать вопросы безопасности и защиты персональных данных.

Анализ умных общественных пространств в России

Смарт-технологии в России еще не интегрированы в городскую инфраструктуру настолько, как в развитых странах, но уже есть успешные проекты и примеры их внедрения. Технологии смарт-площадей в России активно развиваются в последние годы, в основном они применяются в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, а также в некоторых региональных центрах.

Одной из ключевых особенностей смарт площадей в России является использование современных информационных технологий и цифровых решений для оптимизации управления и эксплуатации городских пространств [5]:

1. «Цифровой округ» в Москве – это территория, где реализуется концепция умного города, в том числе и умных общественных пространств. В рамках проекта создаются новые зоны отдыха и спорта, оборудованные современными технологиями, также проводится модернизация существующих парков и скверов.
2. «Сколково» – технопарк в Московской области. Создаются инновационные площадки для встреч и общения, включающие в себя технологии Интернета вещей, системы управления и контроля, а также пространства для работы и отдыха.

3. Казань – город, который также активно развивает концепцию умных городов. В рамках проектов создаются новые общественные пространства, оборудованные технологиями сбора и анализа данных, системами контроля и управления, а также улучшается доступность для людей с ограниченными возможностями.

Из анализа реализуемых проектов в России можно сделать вывод, что в рамках проектов, проводимых в стране, создаются высокотехнологичные общественные пространства, оборудованные такими девайсами как Интернет вещей, системы управления и контроля, аналитические системы.

В результате анализа составлена обобщающая *таблица 1*, раскрывающая разнообразие умных технологий и их применение в странах, отражая инновационные тренды и практики, способствующие созданию умных городов и лучшей городской среды.

Таблица 1

Умные технологии в общественных пространствах различных стран

Технологии	Россия	США	Германия	Дания	Япония	Южная Корея	Великобритания	Франция	Австралия	Китай	Сингапур	Нидерланды	Испания	Украина	Финляндия
Освещение	+	+	+		+	+		+			+	+	+	+	
Скамейки		+					+	+	+						
Сенсорные системы		+	+			+				+	+	+			
Мусорные контейнеры		+		+				+			+				+
Системы безопасности	+	+	+			+				+					
Информационные технологии		+	+		+	+	+	+		+		+		+	
Системы энергосбережения		+	+		+					+		+			

Применение смарт-технологий в общественных пространствах имеет значительные преимущества. Они способствуют повышению уровня комфорта и безопасности горожан, оптимизации использования ресурсов, сокращению затрат энергии и времени. Смарт-технологии также способны преобразить внешний вид и функциональность городской среды, создавая современные и инновационные архитектурные решения. Это открывает новые возможности для развития уникальных и привлекательных общественных пространств.

Однако необходимо учитывать и некоторые недостатки и риски, связанные с применением смарт-технологий. Вопросы кибербезопасности, конфиденциальности данных и уязвимости систем требуют особого внимания при реализации таких проектов. Кроме того, зависимость от технических систем может привести к потенциальным сбоям и проблемам в эксплуатации.

Выводы, сделанные на основе анализа данных примеров, указывают на значимость учета контекста, потребностей и особенностей каждого города при разработке и внедрении смарт-технологий. Важно создавать гармоничное взаимодействие между технологиями, архитектурой и социокультурной средой, чтобы обеспечить максимальную эффективность и пользу для горожан.

Итак, применение смарт-технологий в общественных пространствах открывает новые горизонты для развития городов. Они способны улучшить жизнь горожан, повысить эффек-

тивность использования ресурсов и создать инновационные архитектурные решения. Однако, для успешной реализации таких проектов необходимо учитывать риски и обеспечивать защиту данных и кибербезопасность. Анализ примеров из разных стран демонстрирует разнообразие подходов и подчеркивает важность адаптации смарт-технологий к особенностям каждого города. Это позволяет создавать уникальные и привлекательные общественные пространства, соответствующие потребностям современного общества и способствующие прогрессу и развитию городской среды.

Библиографический список

1. *Антюфеев А.В.* Умный город, архитектура и человек // Социология города. 2019. № 2.
2. *Валеева Л.Р.* Использование элементов «умного города» в проектировании общественных пространств // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2016. № 10.
3. *Данилина Н.В., Теплова И.Д.* «Устойчивая» улица – Формирование общественных пространств на городских улицах // Экология урбанизированных территорий. 2018. № 4.
4. *Масловская О.В., Игнатов Г.Е.* Современные тенденции создания и преобразования городских площадей // Территория новых возможностей. 2014. № 4(27).
5. *Наролина Т.С., Смотров Т.И., Анисимова Н.А., Попов В.Г.* Потенциальные возможности реализации концепции «умный город» при цифровизации процессов городского хозяйства // Наука Красноярья. 2021. № 3.
6. *Птичникова Г.А., Черничкина О.В.* Информационно-технологическая модель общественного пространства современного города // Градостроительство и архитектура. 2019. Т. 9. № 2.
7. *Щербина Е.В., Власов Д.Н., Данилина Н.В.* Устойчивое развитие поселений и урбанизированных территорий. М., 2016.
8. *Щербина Е.В., Данилина Н.В.* Градостроительные аспекты проектирования устойчивой городской среды // Вестник ИрГТУ. 2014. № 11 (94).

М.С. Федорова

кандидат архитектуры, доцент

доцент кафедры архитектуры

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

E-mail: m.s.fedorova@urfu.ru

Е.И. Рафикова

студент

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

E-mail: Rafikova_2000@mail.ru

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ ВОРОНЕЖА: ИСТОРИЯ ИХ СОЗДАНИЯ И ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ

В.Г. Чесноков, Г.А. Чесноков

Аннотация. Изучены все известные генеральные планы Воронежа, что позволило оценить степень реализации содержащихся в них проектных замыслов и выявить устойчивые тенденции в его развитии.

Ключевые слова: генеральный план, планировочная структура, селитебные территории.

MASTER PLANS OF VORONEZH: HISTORY OF THEIR CREATION AND IMPLEMENTATION EXPERIENCE

V.G. Chesnokov, G.A. Chesnokov

Abstract. All the known master plans of Voronezh have been studied, which allowed us to assess the degree of realisation of the design intentions contained in them and identify steady trends in its development.

Keywords: master plan, planning structure, residential areas.

Современные генеральные планы городов определяют трансформацию их пространственно-планировочной структуры в пределах расчетного срока. При их разработке преемственность для городов имеющих богатую историю развития – одна из важнейших проблем. Именно таким является город Воронеж, основанный в 1586 г., для которого за всю историю его существования было разработано и утверждено семь генеральных планов.

Работы по составлению первого регулярного плана Воронежа начались задолго до пожара случившегося 10 августа 1773 г., уничтожившего значительную часть города. Нами было установлено, что этот пожар стал лишь поводом для ускорения этой работы по осуществлению идей, идущих из столицы. О «допожарных» попытках губернских властей по урегулированию застройки свидетельствует проведенный анализ планов составленных С. Шишковым (1763–1764 гг.) [6] и П. Акиндиновым (1771–1773 гг.) [5]. Архитектор Н.Н. Иевский, нанятый губернской администрацией для выполнения фиксационного чертежа города после пожара (*рисунок 1*), в какой-то степени продолжил эти начинания и выполнил проектное предложение по развитию Воронежа, ставшее основой его первого регулярного плана, то есть фактически возглавил первый этап работы над ним.

В этом проектом предложении им был использован принцип «трезубца». Центральный луч был запроектирован заново, а крайние совпадали с направлениями старых радиальных улиц, выходящих к архиерейскому подворью, разместившемуся на месте старой деревянной крепости.

Заложенные в этом проекте идеи нашли свое наиболее полное выражение в составленном в 1774 г. и тогда же утвержденном Екатериной II генеральном плане Воронежа (*рисунок 2*). Автор его, выдающийся русский архитектор И.Е. Старов в подходе к реконструкции города максимально использовал предложения воронежцев. Вместе с тем он разработал детальную планировку города за старым земляным валом, наметил местоположение нового светского центра и впервые выделил главные городские магистрали шириной и характером застройки [2, с. 21].

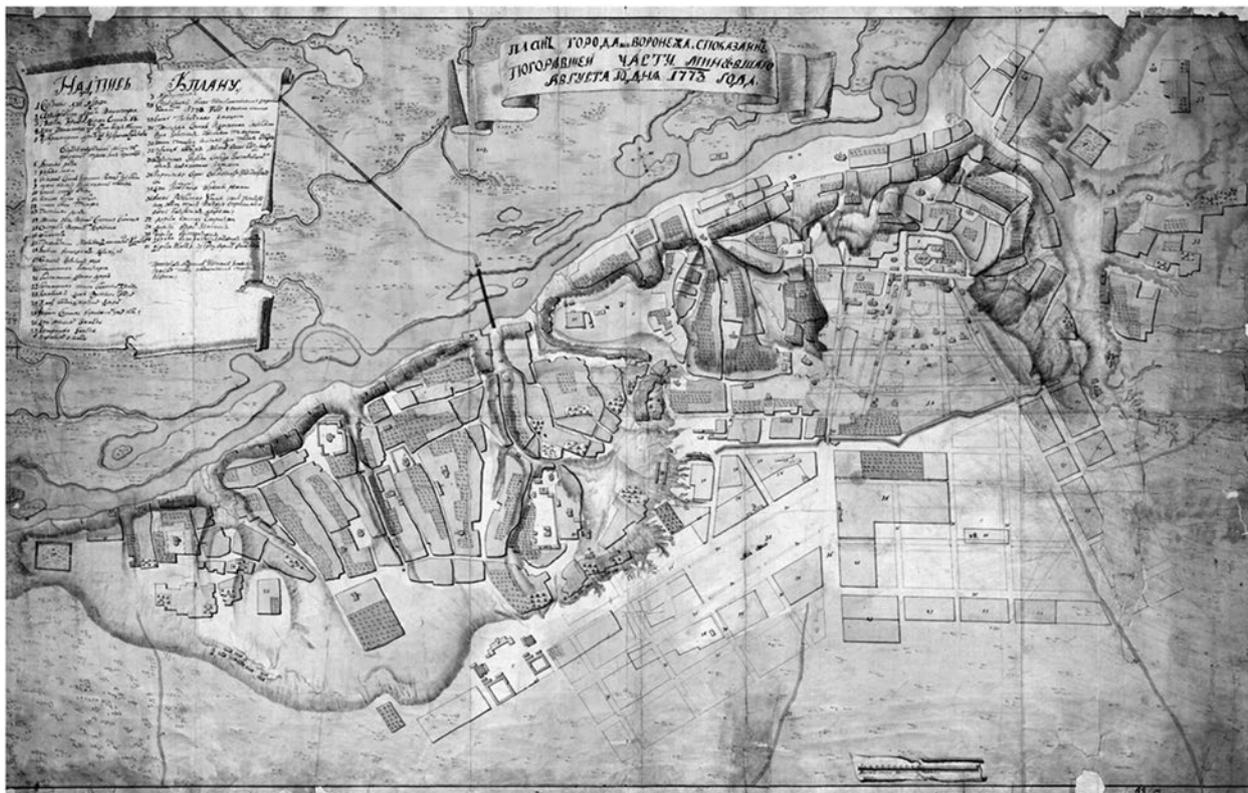

Рисунок 1. План города Воронежа с показанием погоревшей части, минувшего августа 10 дня 1773 г.

С конфирмацией плана закончился второй этап работы по его созданию и начался третий – его корректировка на месте службой губернского архитектора, без чего он не был бы так жизнеспособен. В дальнейшем такое взаимодействие губернских архитекторов с «Комиссией о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы» стало применяться при создании генеральных планов и других городов. О качестве сделанной работы свидетельствует тот факт, что по этому плану Воронеж жил почти 165 лет, то есть пока не был разработан и официально утверждён новый.

Помимо Н.Н. Иевского, колоссальная работа по преобразованию городской планировки и созданию новой системы контроля за её реализацией до начала XIX в. была проделана последовательно сменившими его губернскими архитекторами П.Н. Сахаровым, И.И. Волковым и В.Б. Белокопытовым.

Попытки создания нового генерального плана Воронежа неоднократно предпринимались во второй половине XIX – начале XX вв., поскольку по-прежнему город был формально заключён в рамки плана 1774 г., а по факту его территория выросла примерно в 5 раз. Требования о составлении нового плана, идущие из столицы, полностью совпадали с реалиями жизни и на уровне муниципального самоуправления неоднократно подкреплялись соответствующими инициативами. Результатом этого градостроительного марафона стали два плана города – 1902 и 1910 гг., составленные воронежским инженером В.М. Яковлевым [3, л. 438–443]. Однако из-за отсутствия проектных предложений по территориальному развитию Воронежа они по-прежнему имели только фиксационный характер.

Тем не менее, чертёж 1910 г. был куплен управой. Это самый подробный из дореволюционных планов города и самый известный, поскольку впоследствии он был отпечатан в цвете крупным форматом и большим тиражом (*рисунок 3*).

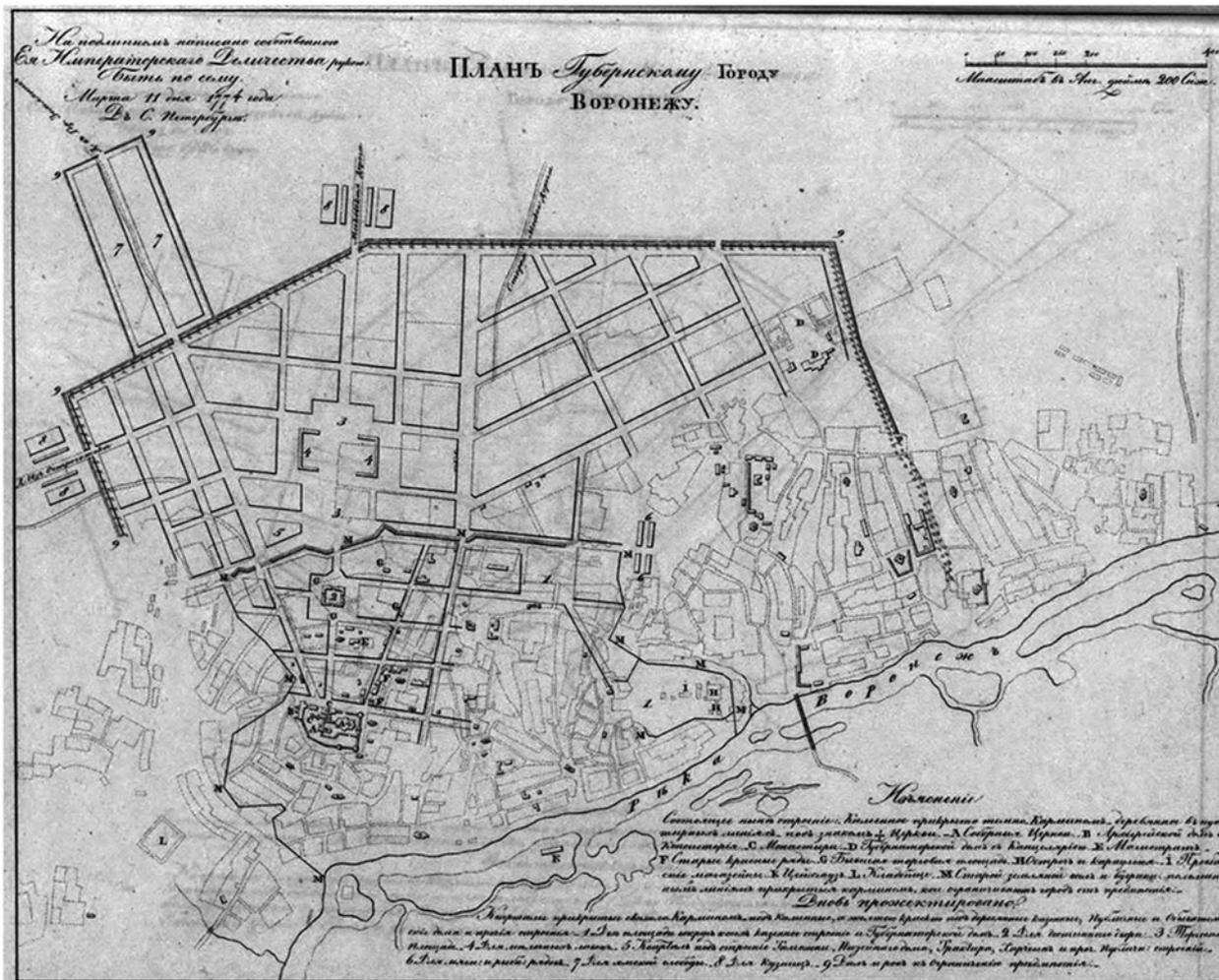

Рисунок 2. План губернскому городу Воронежу. 1774 г. [4]

Очередной генеральный план, получивший название «Большой Воронеж», разрабатывали в 1931–1932 гг. воронежский архитектор А.И. Попов-Шаман и инженер-экономист А.М. Королевцев, однако до стадии утверждения он не был доведен. Новое строительство предлагалось вести преимущественно на левом берегу, где городской застройки практически не было. Левобережье было включено в состав Воронежа только в 1936 году и, начиная с этого времени город впервые со своего основания стал официально располагаться на двух берегах реки.

Первыми утвержденными документами, положившими начало разработке на научной основе генерального плана развития Воронежа, явились «Основные положения» и «Схема распределения территории», составленные воронежским архитектором А.В. Мироновым и экономистом А.М. Королевцевым в 1935 г. На их основе бригадой «Облпроекта», общее руководство которой осуществлял инженер-экономист П.Н. Косцов, был разработан проект генерального плана утверждённого в 1939 г. [1].

В нём предусматривалось сохранение планировочной структуры в пределах городских границ сложившихся на начало XX в. При этом новое строительство в правобережной части должно было вестись на юго-западной окраине и вдоль Задонского шоссе. В левобережье проектировались два крупных промышленных узла с жилым районом между ними. Преимущественная высота новых жилых зданий устанавливалась в четыре этажа. С целью оздоровления

поймы реки предусматривалось создание водохранилища, водное зеркало которого рассматривалось как основная композиционная ось города, вокруг которой развивалась вся архитектурно-планировочная композиция. Реализации этих проектных предложений помешала война.

19 апреля 1943 г. правительством было принято специальное постановление о первоочередных мероприятиях по восстановлению Воронежа, поскольку в результате боёв город был разрушен на 93 %. Проектные работы по составлению генеральной схемы планировки города, утверждённой 3 марта 1945 г., возглавил академик архитектуры Л.В. Руднев. На её основе и был разработан первый послевоенный генеральный план, принятый к реализации Советом Министров РСФСР 19 ноября 1946 г. Наряду с московскими специалистами (архитекторы И.В. Ткаченко, П.П. Штеллер, В.В. Лебедев, Г.А. Тиме, инженеры-экономисты Л.А. Волков, В.С. Семёнов) в работе принимал деятельное участие и воронежский «Облпроект» во главе с архитектором А.В. Мироновым.

Несмотря на гигантские разрушения, проект в значительной степени сохранял историческую планировочную структуру центральной части и установленные до войны границы города, но то же время существенно изменял внутреннее распределение его территории за счет расширения промышленных зон.

Генпланом предусматривался возможный рост городской территории в западном направлении до реки Дон. В предложенной планировочной структуре Воронежа, рассчитанной на 300 тыс. человек, два самостоятельных городских массива, расположенных на разных берегах реки, объединялись в единый градостроительный организм. Роль главной композиционной оси в архитектурно-пространственной организации Воронежа по-прежнему отводилась водному зеркалу реки.

Планировочная структура правобережной части города базировалась на выделении двух диаметров. Меридиональный проходил по проспекту Революции на север, к лесопарковой зоне, и на юг по улице Кирова, в район новой застройки. Широтный диаметр, начиная от места основания города-крепости, проходил по Плехановской улице на запад, к Дону. Этому направлению отводилась роль парадного въезда в город со стороны Москвы.

Организация центра получала ясное структурное построение в виде системы отдельных площадей и архитектурных ансамблей, внесивших в облик города особую выразительность. В проекте были разработаны новые подходы и к формированию объёмно-пространственной композиции панорамы правобережья Воронежа. Предполагалось, что здания, образующие фронт застройки обильно озелененного склона, будут сооружаться как бы на трёх террасах, лежащих друг над другом.

При этом вдоль бровки правобережного плато, на высоте 50–60 м от уровня реки, предполагалось устроить широкий бульвар для массовых гуляний, от которого к набережным проектировались архитектурно оформленные спуски.

В левобережной части города была запроектирована прямоугольная сетка улиц с главной магистралью – проспектом имени Сталина (ныне Ленинский проспект), проложенной вдоль реки. На озелененной набережной предполагалось построить многоэтажные дома, а у мостов и активных изгибов береговой линии сформировать композиционные узлы, рассчитанные на восприятие с плато правого берега.

Два самостоятельных городских массива, расположенных на разных берегах реки, благодаря тщательно разработанной объёмно-пространственной композиции соединялись в единый градостроительный организм. Главными достоинствами этого проекта были ансамблевость в застройке и тщательно продуманная система доминант различного иерархического уровня, рассчитанная как при восприятии панорам, так и при движении по основным магистралям города. Новые доминанты при этом не входили в противоречие с сохранившимися старыми, а в ряде случаев они создавались взамен утраченных. К сожалению, этот красивый градо-

строительный замысел, несмотря на очень высокие темпы его реализации, до 1955 г. был воплощен лишь фрагментарно.

Именно из-за скорости проведения строительных работ в возрождаемом городе стало очевидным, что возможности генплана Воронежа будут скоро исчерпаны. Новый более перспективный план города был создан в 1950–1952 гг. в тресте «Облпроект» под руководством главного архитектора города Н.В. Троицкого и инженера-экономиста В.С. Семенова [7]. Наибольшие изменения были связаны с повышением этажности основной застройки и созданием обходных магистралей, призванных разгрузить центр от грузового транспорта и связать между собой внешние дороги.

Однако осуществление по настоящему массовой застройки города, стало возможным лишь после составления очередного нового генерального плана, утвержденного 20 апреля 1970 г. Советом министров РСФСР. Почти десять лет над проектом работала большая группа специалистов института «Воронежгражданпроект», возглавляемая архитектором И.А. Мелентьевой [1]. Проект генплана определил основные направления развития и использования территории города, его планировку, застройку и благоустройство на 25–30 лет, а также наметил перспективные территории для дальнейшего развития Воронежа. В соответствии с расчетами массовое строительство домов в 5 и 9 этажей должно было вестись в равных количествах преимущественно на свободных землях.

Из новых промышленных объектов проектом допускалось строительство в Воронеже лишь предприятий строительной индустрии и тех, что непосредственно связаны с обслуживанием населения. Генеральным планом предусматривалось осуществление четкого функционального зонирования городской территории и почти четырёхкратное увеличение площади зелёных насаждений общего пользования (до 18 кв.м на одного жителя). Каждый планировочный район должен был отделяться друг от друга и от промышленных зон зелёными массивами.

В проекте генерального плана большое внимание уделялось дальнейшему развитию транспортной сети. Связь между правым и левым берегами водохранилища (появилось в Воронеже в 1971 г.) должна была осуществляться по двум старым мостам и двум новым – южному и северному. Проектом также намечались большие работы по инженерному оборудованию и благоустройству городской территории. Этот градостроительный документ на период его создания был составлен очень профессионально, что нашло отражение в заключении комиссии Госстроя, предложившей рассматривать комплект представленных по Воронежу документов как эталонный при разработке генеральных планов других городов. Фундаментальность выполненной работы в значительной степени обусловила тот факт, что заложенные в ней основные перспективные параметры к концу расчетного срока были получены. Так, в частности, численность населения достигла расчётного значения в 600 тыс. жителей, показатель жилищной обеспеченности в среднем составил 17 кв.м жилой площади на человека, а территория города лишь незначительно вышла за предполагавшиеся границы и составила 59,2 тыс. га.

К началу 1990-х гг. стало очевидным, что генеральный план 1970 г., безнадежно устарел: изменился уровень автомобилизации, ужесточились экологические требования, ушли в прошлое идеологические установки, в стране была кардинально пересмотрена селитебная политика.

В 2008 г. был утвержден очередной генеральный план Воронежа, созданный специалистами московского НПП «Экоград» и «Воронежпроекта», который впервые был разработан с учетом баланса не только государственных, общественных, но и частных интересов. В то же время проект сохранял преемственность предыдущему генеральному плану в размещении основных функциональных зон и развивал в большей своей части уже сложившиеся планировочные образования. Его разработке предшествовала большая работа по составлению

историко-опорного плана, проекта охранных зон и выработке регламентов застройки в границах исторического центра. При этом акцент делался на гармоничное развитие Воронежа в существующих границах за счет более рационального использования городской территории.

В границах сложившейся селитебной части города и на новых участках проектировщиками было выявлено около 6 тыс. га территорий для жилищно-гражданского строительства, что давало возможность увеличить жилой фонд Воронежа более чем в два раза и повысить к концу расчетного срока средний уровень жилищной обеспеченности до 30 кв.м/чел. Однако, как показала практика, этот градостроительный документ не в полной мере учитывал ускорившиеся темпы развития города и Воронежской агломерации и поэтому задолго до окончания срока его действия встал вопрос о необходимости разработки нового генерального Воронежа.

Последний на сегодняшний день генеральный план, утверждённый решением Воронежской городской Думы 25 декабря 2020 г., разработан институтом Генплана Москвы и рассчитан на период до 2041 г. Он учитывает активный рост населения Воронежа, его запросы на качественную городскую среду и предполагает первоочередное развитие основного городского ядра (5-километровая зона от исторического центра), с учетом комплексного развития периферийных территорий. При создании документа эксперты в качестве приоритетов выделили развитие уже существующей системы общественного транспорта, а также строительство автомобильных развязок и улиц дублеров, что должно сделать жизнь воронежцев значительно комфортнее и лишить их пробок. Проектом предусмотрена и возможность развития в городе современного легкорельсового транспорта, то есть «лёгкого метро» взамен демонтированной в 2009 г. старой трамвайной сети, протяжённость которой на тот момент составляла более 150 км. Именно эта альтернатива была предложена вместо классического метро, строительство которого эксперты посчитали нецелесообразным в связи с недостаточным пассажирским потоком.

Для оценки этого нового градостроительного документа требуется время, по прошествии которого можно будет оценить эффективность предложенной в нём стратегии развития Воронежа и последовательность городских властей в его реализации.

Библиографический список

1. Город нашей мечты: к 75-летию ОАО «Воронежпроект» / сост. В. Митин. Воронеж, 2006.
2. Митин В.А. Иван Егорович Старов, Николай Никитович Иевский, Джакомо Кваренги. Начало Большого Воронежа: в 2 т. Воронеж, 2010. Т. 2. Екатерининский классицизм.
3. Государственный архив Воронежской области. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 46.
4. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Книга чертежей и рисунков. СПб., 1839.
5. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 891.
6. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 349. Оп. 9. Д. 2932.
7. Троицкий Н.В. Воронеж. М., 1959.

В.Г. Чесноков

кандидат исторических наук

доцент кафедры композиции и сохранения архитектурно-градостроительного наследия

Воронежский государственный технический университет

E-mail: che.vir@yandex.ru

Г.А. Чесноков

кандидат архитектуры, профессор

заведующий кафедрой композиции и сохранения архитектурно-градостроительного наследия

Воронежский государственный технический университет

E-mail: chesnokov@mail.ru

КОМПЛЕКС ФИЗИЧЕСКОЙ И ЦИФРОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

А.А. Арский

Аннотация. В исследовании представлена авторская интерпретация подходов к применению агентного моделирования в управлении логистическими центрами. Представляются эффекты прикладного применения результатов моделирования, заключающиеся в гармонизации и повышении эффективности государственного контроля в области налогового и антимонопольного законодательства и прогнозирования конъюнктуры рынка логистических услуг и особенностей ценообразования на эти услуги. Формируется утверждение о необходимости комплексного построения физической архитектуры объектов с учетом обслуживаемой ее цифровой архитектуры.

Ключевые слова: агентное моделирование в логистике, агентное моделирование, логистический центр

COMPLEX PHYSICAL AND DIGITAL ARCHITECTURE OF LOGISTICS CENTERS

A.A. Arskiy

Abstract. The study presents the author's interpretation of approaches to the use of agent-based modeling in the management of logistics centers. The effects of the practical application of the modeling results are presented, which result in harmonizing and increasing the efficiency of state control in the field of tax and antimonopoly legislation, market situation forecasting for logistics services and pricing features for these services. There has been stated the need for a comprehensive construction of the physical architecture of objects, taking into account the digital architecture serving it.

Keywords: agent-based modeling in logistics, agent-based modeling, logistics center.

В современных условиях модернизации отечественной экономики, региональные и отраслевые логистические системы нуждаются в стимулировании и развитии конкурентных преимуществ, которые бы позволили им с оптимальным уровнем логистических издержек и минимальными рисками обслуживать региональные и отраслевые производственные и торговые комплексы. Высокий уровень логистических издержек, был и остаётся основным негативным фактором развития отечественных логистических систем, в том числе и в контексте транзитного потенциала. Актуальной задачей исследования в предметной области снижения логистических издержек, является поиск долгосрочных, пластичных к модернизации и эффективных моделей, методов и инструментов [1].

Автором, на основании предпринимавшихся с 2010 г. исследований, установлено, что одним из более эффективных направлений снижения логистических издержек, является цифровизация и автоматизация логистических процессов. Цель данного исследования – формирование авторской интерпретации внедрения и развития цифровой архитектуры логистических центров, которая в комплексе с обслуживаемой её физической инфраструктурой (архитектурой) даст положительные эффекты не только снижения прямых логистических издержек, но и издержек вызванных реализацией рисков макро- и микросреды [5].

Логистический центр, представляет собой комплекс сооружений и коммуникаций, обеспечивающих реализацию его транспортного и складского функционала. В свою очередь цифровая инфраструктура (архитектура) обслуживает данные комплексы посредством автоматизации процессов планирования, контроля и учета. К основным решениям в области автоматизации логистических процессов возможно отнести технологии WMS, RFID, ERP и MRP [4]. Однако, не все логистические центры имеют идентичную цифровую архитектуру, каждый субъект экономики использует тот или иной программный продукт, который не может быть интегрирован с программными продуктами используемыми прочими субъектами. Возникает проблема отсутствия интеграции между логистическими центрами, администрируемыми разными субъектами (собственниками). Может показаться, что решение проблемы лежит на поверхности, необходимо просто наладить интегрирующие коммуникации между программными продуктами, однако это невозможно по причине жесткой конкуренции на рынке цифровых решений для бизнеса.

Основная проблема заключается в том, что лишь налаживания интеграционных связей недостаточно, необходимо изучение поведения субъектов экономике в той или иной ситуации с целью прогнозирования последствий вызванных изменением их действий в рынке. Изучение и создание моделей реагирования на вызовы разного рода, позволят повысить качество управления рисками логистических систем и как следствие сделать данные логистические системы более конкурентными. Одним из примеров моделей общего экономического поведения, являются модели государственного регулирования в области таможенной политики. Так, модель параллельного импорта, позволила участникам ВЭД, российским производителям и потребителям преодолеть негативное влияние санкционных ограничений недружественных стран.

Одним из перспективных направлений экономико-математического моделирования, является агентное моделирование, позволяющие при исследовании выявить природу, сущность и приоритеты того или иного субъекта экономики. Применительно к архитектуре логистических центров, изучение данных взаимосвязей в комплексе субъекта с прочими субъекта позволяет установить совпадение их коммерческих интересов и установить также их разнонаправленность. Естественно, что самым важным с научной и практической точки зрения, является при этом механизм ценообразования на логистические услуги. Результатами агентного моделирования, могут стать выводы о времени «жизни» того или иного субъекта экономики и его пластичности к слияниям и поглощениям другими субъектами. На основании результатов анализа и выработке моделей поведения известных субъектов рынка, возможно построить прогнозы о появлении новых субъектов, влияющих на напряженность конкурентного поля. Возникает необходимость определения основных направлений изысканий агентного моделирования, представленных в *таблице 1*.

На основе данных, представленных в *таблице 1*, возможно сделать следующие выводы:

1. Агентное моделирование, позволяет устанавливать горизонтальные связи между субъектами экономики, действующими на рынке логистических услуг. Кроме того, формируется возможность для повышения качества макроэкономического прогнозирования.
2. Формируются условия, обеспечивающие транспарентность в экономических отношениях субъектов для государственного контроля в области налогового и антимонопольного законодательства.

В виду вышеизложенного, в целях совершенствования управления логистическими центрами, необходимо применить комплексный подход в формировании физической инфраструктуры логистических центров и интегрированной цифровой архитектуры, имеющей доступы к информации субъектов и как следствие обеспечивающей информационный обмен между субъектами. Модели поведения субъектов, определенные на основе агентного моде-

лирования и прогнозирования состояния деловой среды территории или отрасли, позволят эффективнее управлять логистическими рисками и как следствие снижать общий и частный уровень издержек. Так на первом этапе комплексного подхода формирования физической и цифровой архитектуры логистического центра необходимо применение технологии анализа больших данных (Big Data).

Таблица 1

Сферы применения агентного моделирования в деятельности логистических центров

Объект исследования	Предмет исследования	Формирование практических решений
Конкурентная среда логистического аутсорсинга	1. Экономическое состояние и устойчивость субъектов, действующих в рынке	Рациональные решения в области стимулирования деловой активности и частного-государственного партнерства
	2. Формирование интеграционных связей субъектов, в том числе картельные сговоры	Контроль за соблюдением законодательства, в том числе антимонопольного
Ценообразование в области логистического аутсорсинга	1. Способность субъектов к реагированию на изменение условий федеральной макросреды и глобального международного рынка	Прогнозирование последствий событий разного рода на ценообразование предметной области
	2. Система ценового дисконтирования, себестоимость логистической услуги и фактическая налогооблагаемая база субъектов	Совершенствование контроля за соблюдением законодательства в области налогообложения

В настоящее время, поиском эффективных путей прикладного применения агентного моделирования занимаются сотрудники Лаборатории компьютерного моделирования социально-экономических процессов ФГБУН «Центрального экономико-математического института РАН». На базе института проведены исследования в предметной области и опубликованы результаты исследований академика РАН, В.Л. Макарова, и член-корреспондента РАН, А.Р. Бахтизина - «Агентное моделирование сложного мира» (2022 г.) и «Мировые торговые войны: сценарные расчеты последствий» (2022 г.) [6; 7]. На базе кафедры международной торговли и внешней торговли РФ, ФГБОУ ВО «Всероссийской академии внешней торговли», автором проводятся исследования по аппроксимации подходов формирования и группировки факторов, оказывающих влияние на агентное моделирование процессов внешней торговли [2].

Интегрирование цифровой архитектуры множества субъектов, позволяет выявить необходимость строительства физических элементов логистического центра и его инфраструктуры, в том числе с определением места развертывания и эффективного радиуса обслуживания [3].

Таким образом, возможно определить новые приоритетные направления повышения экономической эффективности деятельности логистических центров, формирующих мультипликативный эффект для всех без исключения субъектов экономики.

Библиографический список

1. Арский А.А. Проблемы применения информационных технологий в агропромышленном комплексе // Маркетинг и логистика. 2019. № 1 (21).
2. Арский А.А. Проблемы управления цифровой архитектурой логистических трансформационных центров // Маркетинг и логистика. 2023. № 4 (48).

3. *Арский А.А.* Учет эффективного радиуса при строительстве и эксплуатации логистического центра // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 4.
4. *Арский А.А.* Проблемы применения ERP систем в управлении логистическими системами // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2023. № 1.
5. *Тебекин А.В.* Возможности повышения эффективности предоставления услуг систем логистического сервиса (1PL – 5PL) в результате внедрения цифровых технологий // Маркетинг и логистика. 2021. № 1 (33).
6. *Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Epstein J.M.* Agent-based modeling for a complex world. M., 2022.
7. *Makarov V.L., Khabriev B.R., Bakhtizin A.R. [et al.]* World trade wars: scenario calculations of consequences // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2020. Vol. 90. № 1.

А.А. Арский

кандидат экономических наук, доцент

доцент кафедры международной торговли и внешней торговли РФ

Всероссийская академия внешней торговли, г. Москва

E-mail: arskiy@list.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ АКУСТИКИ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ И РЕСТАВРАЦИИ ХРАМОВ

С.А. Геппель, А.Р. Лебединская

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы актуальности строительства храмов в России, которые необходимо проектировать и реставрировать с учетом акустических особенностей помещений. Вопросы естественной акустики помещений храмов решаются выбором объема, размеров, пропорций, геометрической формы и построением внутренних поверхностей помещений, а также выбором отделки поверхностей стен, пола, потолка, сводов в зависимости от коэффициента звукопоглощения материалов. Согласно нормативным документам проводится акустический расчет по обеспечению оптимального времени реверберации в зале. Строительные и отделочные материалы должны быть качественными, экологичными и определять долговечность зданий. Рассмотрен вариант применения электроакустических систем в соборах и храмах большой вместимости на примере храма Христа Спасителя в городе Москве и проведен акустический анализ особенностей в мечетях. Приведен пример строительства храма Георгия Победоносца и изучено влияние декора, формы поверхностей и использованных материалов на акустику действующего криптового храма сорока Севастийских воинов-мучеников в городе Ростове-на-Дону.

Ключевые слова: акустические особенности помещений, естественная акустика храмов, выбор отделочных материалов, время реверберации, акустический анализ.

PROVISION OF NATURAL ACOUSTICS DURING THE CONSTRUCTION AND RESTORATION OF TEMPLES

S.A. Geppel, A.R. Lebedinskaya

Abstract. The article discusses the relevance of the construction of temples in Russia, which need to be designed and restored taking into account the acoustic features of the premises. The issues of natural acoustics of temple premises are solved by the choice of volume, size, proportions, geometric shape and construction of internal surfaces of premises, as well as the choice of finishing surfaces of walls, floor, ceiling, vaults, depending on the coefficient of sound absorption of materials. According to the regulatory documents, an acoustic calculation is carried out to ensure the optimal reverberation time in the hall. Construction and finishing materials must be of high quality, environmentally friendly and determine the durability of buildings. A variant of the use of electroacoustic systems in cathedrals and temples of large capacity is considered on the example of the Cathedral of Christ the Savior in Moscow and an acoustic analysis of the features in mosques is carried out. An example of the construction of the Church of St. George is given and the influence of the decor, the shape of the surfaces and the materials used on the acoustics of the existing temple of the forty Sevastian soldiers-martyrs in the city of Rostov-on-Don is studied.

Keywords: acoustic features of rooms, natural acoustics of temples, choice of finishing materials, reverberation time, acoustic analysis.

В последнее время в России возникла потребность строительства новых храмов и реставрации существующих. С 2011 г. в г. Москве реализуется программа «200 храмов», в которой важной задачей является необходимость соединения традиций культового зодчества с современными архитектурно-конструктивными решениями и применением новых строительных материалов [5, с. 89]. Проводятся конференции, посвященные вопросам строительства и реконструкции храмов. В 2013 г. в Милане и Москве проходила междуна-

родная конференция «Идентичность, инаковость, универсальность», организованная фондом «Христианская Россия», где рассматривались вопросы, посвященные проблемам развития современного христианского искусства, храмового строительства, тенденциям и развитию в современной иконописи и др. [7]. В городах и поселениях России проектируют, строят и реставрируют храмы.

Акустическое проектирование храмовых комплексов необходимо начинать вместе с архитектурным проектированием с учетом всего многообразия факторов, влияющих на выбор результирующего решения [4]. Фасады и объемно-пространственную композицию храмов, нужно разрабатывать с учетом окружающей природы и градостроительной ситуации, используя традиционные в русском храмостроении материалы, онтологически связанные с человеком, такими как, дерево, камень, кирпич [6, с. 250]. В рамках проектов по изучению акустики храмов решаются разноплановые задачи, среди которых: техническое исследование акустики храмов с целью реконструкции «звукового ландшафта»; анализ параметров психоакустических процессов звукопередачи во время озвучивания храма и изучение особенностей комплексного воздействия звукового поля храма на восприятие звука; исследование объективных параметров акустического объема и резонансных характеристик храма, измеренных вне богослужбного и певческого процесса [5, с. 102].

Существует несколько факторов, которые отрицательно сказываются на передачу речи, молитвы, церковного хора, а именно: фоновый шум; поздние отражения; эхо; фокусировка звука. В связи с этим, проводится геометрическое изучение распространения в помещении звуковых волн, их отражения и поглощения поверхностями, влияния отражённых волн на слышимость музыки, речи и пр. В расчетах проверяются и исключаются такие дефекты, как эхо, возникающее при отражении от поверхностей помещения и фокус, возникающий от криволинейных поверхностей. Акустика помещений зависит от размеров, пропорций, геометрической формы и объема. Согласно строительным нормам объем здания храмов рекомендуется принимать на одно место вместимости от 4 куб.м до 6 куб.м на человека [1, с. 7; 2, с. 8].

Одним из важнейших критериев оценки акустического качества храмового помещения является время реверберации, с помощью которого определяется степень гулкости помещения, пространственность и полнота звучания голоса, хорового пения и музыки. Необходимое время реверберации обеспечивается выбором отделочных материалов внутренних поверхностей. Материалы выбираются по расчету времени реверберации в помещениях храмов в зависимости от среднего коэффициента звукопоглощения материалов, обеспечивая оптимальное время реверберации [2, с. 33–35]. Для обеспечения оптимального времени реверберации в помещении необходимо использовать как звукопоглощающие материалы, так и звукоотражающие. Выбор строительных и отделочных материалов является важным вопросом, который должен быть направлен на качество, долговечность зданий и являться безопасными для здоровья человека, следовательно, особое внимание необходимо уделять экологичности современных акустических материалов.

При реконструкции храмов часто меняется, например, толщина стен, появляются новые перегородки, колонны, проводятся отделочные работы стен, сводов и т.д. Конечно, все эти изменения влияют на распространение звука в помещении храма. Но большинство храмов, это либо наспех восстановленные здания, либо новые сооружения, при строительстве которых особенности естественной акустики часто не учитываются на должном уровне. В связи с этим, сейчас стали прибегать к оснащению храмов электроакустическими системами, что не всегда является положительным решением. Поэтому при проектировании новых храмов с естественной акустикой и реконструкции существующих, необходимо исследование всех критериев, форм, параметров храма и проведение акустических расчетов по выбору отделочных материалов.

Рисунок 1. Внутреннее пространство храма Христа Спасителя в городе Москве [8]

Электроакустическими системами при необходимости оснащаются храмы большой вместимости или соборы. При использовании такой аппаратуры стоит помнить, что важно не только хорошее акустическое решение, но и отсутствие визуального мусора, который могут создать провода, колонки, микрофоны и т. п. Эту проблему решают маскировкой современного оборудования за привычными религиозными атрибутами. Говоря об оснащении храмов специальным оборудованием, можно привести в пример храм Христа Спасителя в городе Москве, высота внутреннего пространства которого достигает 79 м (*рисунок 1*).

После введения в эксплуатацию храма, служителями были замечены проблемы с распределением звука в помещении. Поэтому приняли решение оснастить храм электроакустической системой для улучшения акустической картины в помещениях этого культового сооружения. В качестве решения были установлены дополнительные узконаправленные акустические системы – звуковые колонны Meyer Sound CAL 32 с регулируемым углом раскрытия в вертикальной плоскости. Правильно установленные акустические приборы позволили добиться четкого разборчивого звучания в пространстве всего храма.

Анализируя особенности акустики в культовых сооружениях, стоит также рассмотреть качество звука в мечетях, где часто присутствует гулкость и плохая разборчивость речи. Это связано с необходимостью использования коврового покрытия, то есть применением звукопоглощающего материала на поверхности пола большой площади, из-за чего время реверберации на высоких частотах уменьшается. В связи с этим в мечетях большой площади пола и большого внутреннего объема зала, тоже приходится применять электроакустические системы. Но интерьеры молельных залов мечетей довольно аскетичны, что затрудняет установку «инородного» оборудования. Спрятать что-то за внутреннем убранством храма,

Рисунок 2. Новый строящийся храм Георгия Победоносца в городе Ростове-на-Дону, этап строительства храма – июль 2023 г. (фото автора)

как в христианских культовых сооружениях, уже не получится. Это создает дополнительные сложности в работе с акустикой и приходится разрабатывать нетрадиционные решения по внутренней отделке залов.

В городе Ростове-на-Дону в западном микрорайоне на улице 339 Стрелковой Дивизии расположен храмовый комплекс Святого Георгия Победоносца, на территории которого строится новый храм. При формировании архитектурного облика храма использованы композиционные приемы и декор, характерные для византийского стиля. Внешне здание уже приобретает законченный вид – полностью возведены кирпичные стены и установлено основание купола (рисунок 2).

Наружные стены храма выполнены из кирпича. Высота храма составляет 40 м, диаметр купола – 18 м и на службе здесь смогут находиться до 1500 человек. В верхнем храме ведутся работы по остеклению оконных световых конструкций, после чего перейдут к внутренней отделке согласно проекту и расчету по естественной акустике (рисунок 3а, б).

В цокольном этаже здания расположен уже действующий криптовый храм сорока Севастийских мучеников (рисунок 4а), имеющий в плане прямоугольную форму, но выбранные отделочные материалы для стен, пола, потолка и установка в зале колонн в количестве 40 штук исключает образование «порхающего эха». Во главе храма находится иконостас с уникальными мозаичными иконами, на протяжении боковых стен симметрично по обе стороны расположены колонны, в торце зала находятся раздвижные деревянные двери, за которыми находится трапезная. При большом заполнении зала верующими, деревянные двери открывают, и люди распределяются по помещению, что является функцией трансформации зала. При отделке оштукатуренного потолка использованы деревянные балки из ольхи, что способствует рассеиванию звука. Полы хорошо отражают звук, так как выполнены в виде мелкокомодульной мозаики из различных камней, таких как мрамор, гранит, кварцит, травертин, оникс и др. по древней византийской технологии Косматеско (рисунок 4б).

Любое здание с религиозной тематикой имеет свою неповторимую и уникальную архитектуру, а также отличаются требованиями к распространению звуков, следовательно, при проектировании храмов особое внимание следует уделять естественной акустике. К сожалению, не во всех храмах и церквях учтены тонкости и акустические особенности

а)

б)

Рисунок 3. Храм Георгия Победоносца (фото автора)
а) внутреннее пространство храма; б) вид на купол храма изнутри

а)

б)

Рисунок 4. Криповый храм сорока Севастийских мучеников
а) внутреннее пространство храма – вид на иконостас [9];
б) фрагмент мозаичной поверхности пола в храме (фото автора)

помещений при различных условиях, таких, к примеру, как большое количество прихожан, неравномерное распределение людей, присутствующих в храме, низкая разборчивость речи и ограниченность пространства озвучивания. Необходимо добиться при проектировании храмов равномерного распределения звука по всей площади и пространству зала, чтобы создать ощущение сакральности и объёмности звука.

Библиографический список

1. СП 31-103-99 «Здания, сооружения и комплексы православных храмов». URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200004996> (дата обращения: 11.11.2023).
2. СП 391.1325800.2017 «Храмы православные. Правила проектирования». URL: <https://docs.cntd.ru/document/552113080> (дата обращения: 11.11.2023).
3. *Егорова М.С., Давиденкова-Хмара Е.Ш.* Аутентичная храмовая акустика sub specie hierotopiae (по материалам акустического исследования Спасо-Преображенского собора Соловецкого монастыря) // Opera musicologica. 2023. Т. 15. № 2.
4. *Кеслер М.Ю.* Акустическое проектирование православных храмов // Церковный Строитель. 2011. № 29.
5. *Соловьев А.К.* Новые архитектурно-конструктивные решения с учетом естественной акустики при реконструкции и строительстве православных храмов // Architecture and Modern Information Technologies. 2017. № 3 (40).
6. *Фатеева И.М., Белкина Т.Л.* Традиции и новации в архитектуре современного храма // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6.
7. URL: http://e-vestnik.ru/culture/problemy_tserkovnogo_iskusstva_7374/?m=print (дата обращения: 11.11.2023).
8. URL: https://img-fotki.yandex.ru/get/5004/86441892.1bd/0_911d0_beb7ad79_XL.jpg (дата обращения: 11.11.2023).
9. URL: <https://skimenpro.ru/wp-content/uploads/2021/11/Храм-Георгия-Победоносца-Ростов-на-Дону-5.jpg> (дата обращения: 11.11.2023).

С.А. Геппель

*старший преподаватель кафедры инженерно-строительных дисциплин
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
E-mail: sagerpel@sfedu.ru*

А.Р. Лебединская

*кандидат физико-математических наук, доцент
заведующий кафедрой инженерно-строительных дисциплин
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
E-mail: arlebedinsckaya@sfedu.ru*

ЭЛЕМЕНТЫ НАВИГАЦИИ В ДИЗАЙНЕ СОВРЕМЕННОГО ДЕТСКОГО САДА: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ

Д.М. Харитонова

Аннотация. На современном этапе остро стоит проблема создания продуктивной современной культуры – синкретичной, глубокой, динамичной что не может не затрагивать сферу воспитания детей, начиная с самого юного их возраста. Создание визуальной и иной среды их развития, в частности в детском саду вполне вписывается в контекст решения этой проблемы. В его рамках важно соблюдение уважения к традициям, классике, связанными с детским восприятием мира, учет значимости синтеза в дизайне, а также многообразное отражение современных тенденций, способных позитивно влиять на растущего человека. В статье анализируются потребности и возможности навигации в интерьере современного детского сада – в русле общих тенденций образности современного дизайна педагогического учреждения для дошкольников.

Ключевые слова: интерьер детского сада, образы в навигации в детском саду, колористика, архитектурные средства, детское восприятие, традиции и новаторство, художественный образ.

ELEMENTS OF NAVIGATION IN THE DESIGN OF MODERN KINDERGARTEN: FEATURES AND TRENDS

D.M. Kharitonova

Abstract. At the present stage the problem of creating productive modern culture – syncretic, deep, dynamic – is acute, which cannot but affect the sphere of upbringing of children, starting from their youngest age. Creating a visual and other environment for their development, particularly in kindergarten, fits into the context of solving this problem. Within its framework it is important to respect the traditions, classics associated with children's perception of the world, taking into account the importance of synthesis in design, as well as a diverse reflection of modern trends that can positively affect the growing man. The article analyzes the needs and possibilities of navigation in the interior of a modern kindergarten – in line with the general trends of imagery of modern design of a pedagogical institution for preschoolers.

Keywords: kindergarten interior, images in kindergarten navigation, coloristics, architectural means, children's perception, tradition and innovation, artistic image.

Интерьер детского сада – как и иного педагогического учреждения на современном этапе – должен быть продуман с особой ответственностью. Эпоха дизайна, закономерных повышенных требований людей к эстетической сфере [9], наряду с масштабным явлением духовно-педагогического кризиса [1], развивающиеся современные взгляды на педагогику, психологию, развитие – все это и вызывает ответственность, о которой идет речь. Сама по себе эпоха дизайна связана, в частности, с тем, что в ее рамках на первый план выходит «просто человек», его «обыденная культура» [8], которая, чтобы не быть убогой, должна быть связана с иными сферами культуры, в том числе – так или иначе – с высшими духовными достижениями. В этом смысле также очень важно через «художественные образы повседневности» выразить позитивные стремления времени, его темп, настроения, идеи. Разумеется, это значимо в педагогическом аспекте, тем более если речь идет о детях, посещающих детские сады.

Навигация в детском саду представляет собой не только систему визуальных и текстовых обозначений, позволяющих ориентироваться в пространстве, но и значимую часть

художественного образа. При этом визуальными способами навигации являются не только символы и изображения, но и колористические и архитектурные решения. Навигация в детских садах очень важна для безопасности и удобства детей и их родителей. Навигационные знаки помогают легко и быстро находить любые нужные помещения, как, например, классы, санузлы, комнаты для отдыха и т.д.

Обычные способы навигации в детском саду могут включать в себя указатели, названия классов или помещений, размещенные над дверями, карты или планы расположения помещений. Чтобы сделать навигацию более доступной для детей, нужно использовать знаки, пиктограммы, цвета и иллюстрации, чтобы помочь им понять, куда они идут. Также навигация в детском саду должна быть ясной и легкой именно для детского понимания. Нужно помнить о возрастных особенностях человека, который должен постигать этот мир постепенно, от простого к сложному. Чем младше ребёнок, тем проще символ и чище цвет. При этом, конечно, не стоит забывать и о требованиях времени, ощущаемых молодыми (и самыми юными) порой весьма активно, остро. Навигация должна быть не только понятна, но и современна именно детям.

Если осмотреться в типовом детском саду, то мы увидим множество ярких, часто случайных пятен, где смешалось все, что только можно: и текстовые указатели, и знаки, и символы, какие-то выставки лучших рисунков и объявления для родителей. В России достаточно типичной картиной также является создание обширных указателей с большим количеством текста и без очевидных символов направлений, таких как стрелки. Подобные указатели подходят для взрослых, но совершенно не воспринимаются детьми дошкольного возраста, и не только потому, что пока им сложно читать, но и потому, что у детей в таком возрасте еще недостаточно развито абстрактное мышление и сравнить элементы подобных таблиц для них еще трудно.

Такого рода навигация не является частью интерьера, но выглядит привнесенной в него извне, не вступает с ним в синтез. Если же продумывать элементы навигации в момент проектирования, то они естественным образом станут значимой частью художественного образа самого проекта.

Интересным примером может послужить навигация, используемая в испанском детском саду имени Пабло Неруды [11], архитектором которого стал Руэда Писарро. Она весьма показательна как крупное, образное решение: эмблемы, указывающие на возраст детей в группах, номера групп и интуитивно понятные указатели, все это не наложено, а включено в интерьер, является частью синтеза и ключевым элементом художественного образа. Колористика в этом проекте также успешно выполняет навигационную функцию: на потолке расположены цветные блоки, которые выстраивают маршрут к определенной комнате. Каждая группа имеет собственный цвет, в этот же цвет окрашены внешние стены и сама комната.

Прежде всего, навигация в детском саду должна быть интуитивно понятной и легко считываемой. В отечественных садах нередко используют различные эмблемы в виде овощей, фруктов и животных, которые размещаются на детских шкафчиках, чтобы детям было проще отличать их друг от друга и узнавать свой. Использование изображений в этом возрасте является наиболее удачным решением, так как детям дошкольного возраста еще трудно запоминать цифры и буквы. В этом возрасте их мышление, по Ж. Пиаже, соответствует предоперационной стадии. На этом этапе мышления дети начинают активно использовать символы. Так же стоит отметить, что детские сады могут внедрять цветовую кодировку, чтобы облегчить навигацию. Например, зеленые линии могут обозначать путь к классу или игровой зоне, а желтые – к туалету или кухне. Такой подход может улучшить ориентацию детей и повысить их самостоятельность. Использование линий на полу, обеспечивающих навигацию в учреждении, встречается как в России, так и за рубежом. Лучше всего, если эти

Рисунок 1

линии разных цветов. Такие линии являются примером интуитивной навигации, помогающей не сбиться с маршрута. Да и под ноги смотреть гораздо удобнее, чем, например, на потолок. При этом такого рода колористические ходы могут лечь в основу решения всего интерьера. При необходимости, работая над проектом детского сада, над элементами его оформления, дизайнер может проконсультироваться, посоветоваться с психологом [3] и другими специалистами, работающими с детьми.

Необходимы поэтому новые пособия для дизайнеров, учитывающие данные аспекты, а также соответствующие максимально современному, более синкретичному подходу. Представляется, что здесь также еще много работы, связанной с осмыслением образности, социокультурных, во многом кризисных особенностей новейшего времени, и с тонкостями детской психики, и с базовыми чертами возрастной психологии, психологии человека вообще.

Формирование позитивной, истинно человеческой культуры, с закономерным отражением действительно современных тенденций в эпоху перемен – весьма непростое дело. И значимая сфера дизайна должна внести в него свой весомый вклад. Тем более, если речь идет о формировании человеческой личности на ранних этапах ее развития, в специально созданных для этого педагогических учреждениях.

Библиографический список

1. Акутина С.П. Пути преодоления духовно-нравственного кризиса в образовании // Приволжский научный вестник. 2014. № 2–4 (40).
2. Архипова Ю.В. Синкретизм в структуре культуры: дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2005

3. *Барышникова Е.В.* Психологическая безопасность предметно-развивающей среды в дошкольной образовательной организации // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. № 3 (240).
4. *Виногородов П.В.* Визуальная культура личности: генезис, структура и функции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 136.
5. *Дадаян Е.А., Бердник Т.О.* Эстетический контекст дизайна // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум – 2018» (Москва, 15–20 февраля 2018 г.). М., 2018.
6. *Белолуцкая А.К., Катаева М.К.* Обзор зарубежных исследований взаимосвязи качества образовательной среды и особенностей познавательного развития детей дошкольного возраста // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2018. № 4 (46).
7. *Довганюк А.И., Скабелкина О.А.* Проблемы детского восприятия визуальной среды мегаполиса // Лесной вестник. 2018. № 3.
8. *Чижиков В.В.* Дизайн в системе культурных ценностей: дис. ... д-ра. филос. наук. М., 2006.
9. *Шакирова Е.В., Белкина В.Н.* Развивающая предметно-пространственная среда детского сада: содержание и подходы к организации // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 3.

Д.М. Харитонова

доцент кафедры «Художественное проектирование интерьеров»

Российский государственный художественно-промышленный университет

им. С.Г. Строганова, г. Москва

E-mail: 1800@list.ru

АББРЕВИАТУРА ESG И РОССИЙСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-ДИЗАЙНЕРСКАЯ СФЕРА

Е.С. Потапова, Л.М. Макарова

Аннотация. Концепция, известная под аббревиатурой ESG (ESG) приобрела широкую популярность в последние десятилетия. Использование этой концепции в различных сферах привело к неизбежному размыванию смысла первоначального понятия. В статье проведен анализ трех составляющих концепции ESG. Показано, что две из них (экологическая и социальная) обладают достаточно точными дефинициями, закрепленными в соответствующих государственных стандартах. Напротив, терминология в сфере третьей составляющей концепции ESG не имеет четких дефиниций, что дает возможность для произвольных толкований и спекулятивных употреблений. В статье предлагается не использовать стандартный перевод термина governance как управления. Более корректная передача смысла получается при использовании кальки «говернанс». Показана история возникновения и развития понятия говернанса в работах экономистов школы Нового институционализма. Приведены примеры использования понятия говернанса и концепции ESG в архитектурно-дизайнерской сфере. Показано, что конкретные пути и способы реализации концепции ESG зависят от контекста и традиций той страны, в которой они реализуются. Если в США концепция ESG используется в качестве орудия конкурентной борьбы между крупными корпорациями, то в Британии (как и в Европе в целом) ESG опирается на развитую и подробную систему нормативных документов, жестко регламентирующих все стороны архитектурно-проектной деятельности, а в Юго-Восточной Азии основой служит развитая система учета и привлечения экспертных кадров. Для реализации принципов ESG в России предложено опираться на сильные региональные организации Союза архитекторов.

Ключевые слова: ESG, терминология, говернанс, архитектура, проектирование.

THE ABBREVIATION ESG AND THE RUSSIAN ARCHITECTURAL AND DESIGN SPHERE

E.S. Potapova, L.M. Makarova

Abstract. The concept known by the abbreviation ESG has gained wide popularity in recent decades. The use of this concept in various spheres has led to the inevitable dilution of the meaning of the original concept. The article analyzes the three components of the ESG concept. It is shown that two of them (ecological and social) have sufficiently precise definitions fixed in the relevant state standards. On the contrary, terminology in the sphere of the third component of the ESG concept does not have clear definitions, which makes it possible for arbitrary interpretations and speculative uses. The article suggests that the standard translation of the term governance should not be used. A more correct transfer of meaning is obtained by using the tracing paper «governance». The history of the emergence and development of the concept of governance in the works of economists of the school of New institutionalism is shown. Examples of the use of the concept of governance and the concept of ESG in the architectural and design sphere are given. It is shown that the specific ways and means of implementing the concept of the ESG depend on the context and traditions of the country in which they are implemented. In the USA the concept of the ESG is used as a tool of competition between large corporations, whereas in Britain (as well as in Europe as a whole) the ESG is based on a developed and detailed system of regulatory documents that strictly regulate all aspects of architectural and design activities, and in Southeast Asia the basis is a developed system of accounting and attracting expert personnel. To implement the principles of the ESG in Russia, it is proposed to rely on strong regional organizations of the Union of Architects.

Keywords: ESG, terminology, governance, architecture, design.

Аббревиатура ЕСГ (ESG) в последнее время встречается в русскоязычной литературе по научному менеджменту часто и в самых разных контекстах. В декабре 2022 г.– январе 2023 г. социологическая лаборатория «Михайлов и партнеры» провела широкий опрос заинтересованных лиц, используя социальные сети (Телеграм-канал). Целевые аудитории составили:

- подписчики ESG-продуктов МиП (ESG-специалисты и менеджмент российских компаний, аналитики рейтинговых агентств, эксперты) – 286 респондентов;
- интересующиеся повесткой устойчивого развития (в том числе подписчики Telegram-каналов ESG World и «Неустойчивое развитие», а также сотрудники крупных российских компаний) – 16 723 респондента.

По данным опроса, 84 % компаний рассказывают своим сотрудникам о своей деятельности в сфере устойчивого развития и, в частности, ESG. Но в то же время, 40 % компаний в течение 2022 г. сократили свои расходы на программы ESG, а 52 % компаний собираются корректировать свои цели в области устойчивого развития и пересматривать ESG-стратегии.

Опрошенные эксперты сделали следующие выводы: программы ESG уходят с первых позиций в текущей повестке дня и вытесняются более актуальными лозунгами. В то же время, ESG-стратегии избавляются от пустых словоизлияний, становятся более реалистичными и практичными. В целом можно говорить о том, что ESG-стратегии превращаются из модного слогана в реальный инструмент управления коллективами [3].

В сложившейся ситуации нам представляется особенно важным уточнить дефиниции и рамки использования терминологии ESG. Использование теории для решения практических задач требует точного и однозначного понимания базовых дефиниций.

1. E как экология. Экологическая тематика также пережила период бурной моды и широкого использования специальной терминологии, что привело к размыванию понятий и многочисленным спекуляциям. Появилось такое явление, как «гринвошинг» – демагогическое наклеивание ярлыков «экологичности» на процессы и продукты, не имеющие никакого отношения к реальной охране окружающей среды. Для преодоления спекуляций на понятии экологии был введен специальный ГОСТ на употребление терминов, относящихся к менеджменту окружающей среды. В ГОСТе, в частности, закреплена равнозначность употребления терминов «экологический аспект» (ecological aspect) и «аспект, относящийся к окружающей среде» (environmental aspect). Отмечено, что воздействие может быть как положительным, так и отрицательным, но в любом случае под рассмотрение подпадает только такое воздействие на окружающую среду, которое возникает в результате деятельности организации (не отдельных людей). Таким образом, поставлены четкие границы как для объекта (окружающая среда), так и для субъекта (организация) экологического аспекта управления [1].

2. S как социальная ответственность. Тема социальной ответственности управления присутствует в научном менеджменте, начиная с его зарождения в философии «общественного договора» Начиная с античности, принцип ответственности управления перед социумом непрерывно обсуждается и уточняется, в том числе в трудах современных социологов и философов.

Терминология в сфере социальной ответственности также закреплена в соответствующем ГОСТе:

«2.18 социальная ответственность (social responsibility): Ответственность организации (2.12) за воздействие ее решений и деятельности на общество и окружающую среду (2.6) через прозрачное и этичное поведение (2.7), которое:

- содействует устойчивому развитию (2.23), включая здоровье и благосостояние общества;
- учитывает ожидания заинтересованных сторон (2.20);
- соответствует применяемому законодательству и согласуется с международными нормами поведения (2.11);

– интегрировано в деятельность всей организации (2.12) и применяется в ее взаимоотношениях.

Примечание 1 – Деятельность включает продукты, услуги и процессы.

Примечание 2 – Взаимоотношения относятся к деятельности организации в рамках сферы ее влияния (2.19)» [2, с. 12]

Как можно видеть из приведенной цитаты, определение пересекается с темой охраны окружающей среды и согласуется с ней в дефиниции объекта (общество и окружающая среда) и субъекта (организация) ответственности. Также можно сказать, что критерии определения того, соответствует ли деятельность организации требованиям экологичности и социальной ответственности, обозначены достаточно ясно. Количество таких критериев невелико, они не противоречат друг другу и в полной мере применимы для решения практических задач управления.

3. G как говернанс. Третья буква в аббревиатуре обозначает понятие, которое возникло относительно недавно и все еще не получило адекватного аналога в русскоязычной научной литературе. «Governance» часто переводят как «управление», что сильно сужает смысловое поле этого термина, а в некоторых случаях кардинально искажает его смысл. Аналогичная ситуация наблюдается во многих других языковых средах. Например, лишь в 2000 г. китайское академическое сообщество согласилось с тем, что «говернанс» следует переводить как «чжили» [7]. Поэтому мы в этой статье будем использовать кальку с английского произношения этого термина. Слово «говернанс», очевидно, происходит от греческого «кибернетес» (κυβερνήτης) – кормчий, рулевой, управляющий. В европейские языки этот термин вошел через его латинскую кальку «губернатор» (gubernator), которая также присутствует в русских словах «губернатор», «губерния» и их производных.

В 2022 г. вышел из печати Оксфордский словарь по говернансу [8], в котором дается следующее, максимально широкое определение этого феномена: «говернанс все больше становится широкой концепцией, занимающей центральное место в изучении политического, экономического, пространственного и социального порядка в целом и понимания динамики изменений капиталистических демократий в частности».

Интерес к темам, связанным с межпредметным рассмотрением процессов управления экономикой и обществом, резко возрос в конце 1970-х гг. в связи с развитием Новой институциональной школы экономики. Со второй половины 1970-х гг. до второй половины 1990-х гг. выход в свет книг Оливера Вильямсона, посвященных анализу транзакционных издержек и их связи со стратегией управления организацией, вызвал мощный поток межпредметных исследований на стыке экономики, социологии и теории управления [4, 9, 10].

В первые десятилетия текущего века интерес к концепции говернанса сохранялся на высоком уровне. Одновременно идут вполне ожидаемые процессы размывания смысла этого термина и рост количества его трактовок. Говернанс в литературе получает по меньшей мере четыре значения: структура, процесс, механизм и стратегия [11–14].

Как структура, управление означает архитектуру формальных и неформальных институтов; как процесс это означает динамику и руководящие функции, задействованные в длительных нескончаемых процессах выработки политики; как механизм это означает институциональные процедуры принятия решений, соблюдения требований и контроля (или инструменты); наконец, как стратегия это означает усилия действующих лиц по управлению и манипулированию структурой политики. институты и механизмы для формирования выбора и предпочтений.

Большая часть литературы по говернансу фокусируется на его понимании как структуры (вероятно, это обусловлено доминированием институционализма в социальных науках). Структуры иногда понимаются и концептуализируются как «системы правил» [15, с. 13], «режимы законов, правил, судебных решений и административной практики» [16, с. 7],

«институционализированные способы социальной координации» [17, с. 8], «совокупность многоуровневых, неиерархических и регулирующих институтов» [18, с. 39] и «сравнительно стабильные институциональные, социально-экономические и идеологические параметры, а также исторически укоренившиеся группировки действующих лиц» [19, с. 3]. Таким образом, разнообразие способов концептуализации структур управления достаточно велико, чтобы использовать несколько подходов к изучению альтернативных институтов говернанса, таких как сети, рынки и частные стандарты.

4. Стратегия ESG как способ снижения комплексных транзакционных издержек в архитектурном проектировании. Анализ понятий, входящих в аббревиатуру ESG, показывает, что сущность этой концепции можно выразить как стратегию снижения транзакционных издержек в трех, наиболее значимых для устойчивого развития, аспектах. Концепция ESG направлена на смягчение конфликта между эгоистичными интересами компании и интересами общества в целом. Стремление корпоративных стратегий получить максимальную прибыль в минимальные сроки, очевидно, находится в прямом противоречии с целями устойчивого развития и долгосрочного планирования, необходимого для управления большими системами (такими, как биосфера Земли или человечество в целом). В плоскости архитектурного проектирования это конфликт чаще всего выражается в противоречии интересов заказчика проекта, будущих пользователей строения и социума, в котором этот объект будет функционировать. Архитектор-проектировщик оказывается той фигурой, на которую возложена обязанность поиска равновесие между интересами всех трех стейкхолдеров процесса проектирования.

Механизмы отчетности ESG, которые уделяют приоритетное внимание разнообразию, справедливости и инклюзивности, рассматривая их через призму охраны окружающей среды, воздействия на сообщество и корпоративного управления, обеспечивают поддающиеся количественной оценке результаты, основанные на результатах деятельности. Это не подлежащие обсуждению принципы ESG. К сожалению, отчетность по показателям ESG противоречива, и результаты часто трудно понять.

На сегодняшний день предложено несколько систем параметров, призванных измерить соответствие архитектурного проекта стратегическим требованиям ESG. Так, Американский институт архитекторов (AIA) видит свою миссию в продвижении государственной политики росту устойчивости сообщества и более справедливому управлению [5, 20]. Параметры, которые AIA рекомендует учитывать при распределении инвестиционных льгот для архитектурных проектов, показаны в *таблице 1*.

Таблица 1

Параметры архитектурного проектирования, рекомендованные AIA

<i>Экологические параметры</i>	<i>Социальные параметры</i>	<i>Говернанс</i>
Выбросы парниковых газов. Общая интенсивность выбросов. Потребление энергии. Удельная энергоемкость. Энергетический баланс. Использование воды. Природоохранные мероприятия. Климатический надзор / состав правления. Климатический надзор / менеджмент. Смягчение климатических рисков	Коэффициент оплаты труда генерального директората. Соотношение оплаты труда мужчин и женщин. Текучесть кадров. Гендерное разнообразие. Доля временных работников. Недискриминация. Уровень травматизма. Здоровье и безопасность (сравнительно с глобальной). Детский и принудительный труд. Права человека	Разнообразие состава советов директоров. Независимость правления. Стимулируемая оплата труда. Коллективные переговоры. Кодекс поведения поставщика. Этика и борьба с коррупцией. Конфиденциальность данных. Отчетность ESG. Практика раскрытия информации. Внешние страховки рисков

Система параметров, показанная в таблице, успешно демонстрирует свою применимость в качестве инструмента влияния при принятии решений, в том числе – в крупномасштабных проектах. Впечатляющий пример показал процесс между Exxon Mobil и Engine No. 1. Эта небольшая инвестиционная компания, специализирующаяся на долгосрочной доходности, смогла получить места в совете директоров Exxon Mobil при поддержке мощной компании по управлению активами BlackRock и группы других крупных институциональных инвесторов, опираясь на принципы говернанса. «Exxon и ее Совету директоров необходимо провести дальнейшую оценку стратегии компании и экспертных знаний совета директоров с учетом возможности того, что спрос на ископаемое топливо может быстро снизиться в ближайшие десятилетия», – написал BlackRock. «Нынешнее нежелание компании делать это представляет собой проблему корпоративного говернанса, которая потенциально может подорвать долгосрочную финансовую устойчивость компании» [20].

Королевский институт британских архитекторов (RIBA) предложил свою систему параметров в рамках стратегии ESG. Эта система включает более сорока параметров по восьми ключевым направлениям:

- международные соглашения и обязательства (international agreements and commitments);
- национальные стратегии и дорожные карты (national strategies and roadmaps);
- финансовые рамки, включая субсидии, санкции и налоги (financial frameworks, including subsidies, sanctions, and taxes);
- строительные нормы и правила (building codes);
- системы планирования (planning systems);
- государственная инфраструктура и правила закупки (public infrastructure and procurement);
- контракты, назначения и закупочная документация (contracts, appointments, and procurement documents);
- процессы проектирования и совместные подходы (design processes and collaborative approaches).

Как можно видеть из списка, британская система параметров опирается на развитую и подробную бюрократическую структуру, в которой все аспекты архитектурного проектирования поставлены в четкие рамки подробной нормативной документацией [21].

Напротив, архитекторы и дизайнеры Юго-Восточной Азии предлагают сделать акцент не на документы, а на квалифицированных экспертов. Основываясь на эмпирическом исследовании компаний, перечисленных в FTSE4 Good Bursa Malaysia за период с 2012 по 2016 гг. Исмаил и др. [22] обнаружили, что практика ESG имеет значительную положительную корреляцию с размером правления, разнообразием состава совета директоров, их независимостью. Чем больше размер правления, тем лучше эффективность практики ESG в этих организациях; более высокий уровень разнообразия правления окажет благоприятное влияние на практику ESG в компаниях; и более высокая доля независимых экспертов в совете директоров дает компаниям преимущества в аспекте ESG. Предполагается, что архитектурно-дизайнерские фирмы по возможности увеличивают размер совета директоров и его разнообразие, поскольку разнообразие происхождения и опыта способствует повышению корпоративной ценности и эффективности работы. Для этого фирмы могут нанять выдающихся экспертов и специалистов, обладающих богатым опытом в области охраны окружающей среды, корпоративной социальной ответственности и корпоративного управления в качестве внешних независимых директоров [23].

5. Реализация стратегии ESG с учетом специфики российской архитектурно-дизайнерской сферы. Анализ теории и имеющейся практики использования концепции ESG показывает, что мы не сможем найти такой образец, на который могли бы полностью опереться в развитии данной концепции в условиях современных российских реалий. Си-

стема, принятая в США, ориентирована на использование в борьбе крупных корпоративных стейкхолдеров [24], интересы которых уравнивают друг друга. Нарушение принципов ESG одной корпорацией немедленно используется в качестве орудия конкурентной борьбы другими корпорациями, и на этом противостоянии базируется мотивация к соблюдению принципов устойчивого развития.

Британская (и европейская в целом) система параметров ESG базируется на подробном и всестороннем комплексе норм и правил, которые подкреплены авторитетной и эффективной судебной структурой.

Азиатский подход опирается на наличие большого количества экспертов и специалистов, достаточно подвижных для оперативного включения их в крупные проекты и/или в советы директоров. Следует отметить, что в странах Юго-Восточной Азии хорошо развита система регистрации и учета квалифицированных кадров, которая помогает в поисках и установлении связей с нужным специалистом, где бы он ни находился в данный момент.

На наш взгляд, сильной стороной организации архитектурно-дизайнерской сферы в России является наличие влиятельной и деятельной структуры Союзов архитекторов (СА). Союз архитекторов России включает множество самостоятельных региональных организаций, которые ведут большую работу на местах с учетом локальной специфики. Региональные организации СА проводят выставки и конкурсы, много работают с молодежью и при необходимости принимают эффективные меры для соблюдения профессиональной этики. Мы считаем, что наиболее действенные меры по продвижению стратегии ESG в отечественной архитектурно-дизайнерской сфере должны заключаться в поощрении региональных инициатив в этом направлении: помощь в обмене опытом, пропаганда передового опыта и управленческих экспериментов в региональных организациях СА, стимулирование и поддержка работы с молодыми архитекторами в направлении устойчивого и ответственного развития отечественной архитектуры [6].

Не следует опасаться разночтений и разнообразия в трактовках принципов ESG. Огромное разнообразие региональных ситуаций, культурных традиций, ландшафтов, специфических управленческих систем и так далее – все это может и должно стать не препятствием, а стимулом и основой для развития принципов ESG на российской почве.

Библиографический список

1. ГОСТ Р ИСО 14050–2009. Менеджмент окружающей среды. Словарь. Environmental management. Vocabulary. М., 2011.
2. ГОСТ Р ИСО 26000–2012 Руководство по социальной ответственности. М., 2014.
3. Что происходило с ESG в российских компаниях в 2022 году и к чему готовиться дальше? ESG В РОССИИ-2023. Результаты опроса и комментарии экспертов. М., 2023.
4. Булгакова Е., Лидин К. Малые города, мозг и архитектурное образование // Проект Байкал. 2019. Т. 16. № 61.
5. Булгакова Е., Лидин К. Моделирование городской инфраструктуры-этико-эстетические аспекты // Проект Байкал. 2021. Т. 18. № 70.
6. Забелина С., Булгакова Е. Наша цель – выстраивание образовательной цепочки // Архитектурный вестник. 2023. № 2 (187).
7. Burns J.P. Western models and administrative reform in China: Pragmatism and the search for modernity // Comparative administrative change and reform: lessons learned / ed. J. Pierre and P.W. Ingraham. Montreal, 2010.
8. Levi-Faur D. (ed.) Oxford handbook of governance. Oxford, 2012.
9. Williamson O.E. Markets and hierarchies, analysis and antitrust implications: a study in the economics of internal organization. New York, 1975.

10. *Williamson O.E.* Industrial organization (Economic theory). Cheltenham; Brookfield, 1996.
11. *Börzel T.A.* Governance without government: false promises or flawed premises? Berlin, 2010.
12. *Pierre J., Peters B.G.* Governance, politics and the state. Basingstoke, 2000.
13. *Héritier A., Rhodes M. (eds.)*. New modes of governance in Europe: governing in the shadow of hierarchy. Houndmills, 2011.
14. *Jessop B.* Metagovernance. // The sage handbook of governance / ed. M. Bevir. Thousand Oaks, CA, 2011.
15. *Kjær A.M.* Governance. Cambridge, 2004.
16. *Rosenau J.N.* Governance in the twenty-first century // Global governance, 1995. № 1.
17. *Lynn L.E., Heinrich C.J., Hill C.J.* Improving governance: a new logic for empirical research. Washington, DC, 2001.
18. *RisseTh., Lehmkuhl U.* Governance in areas of limited statehood. Berlin, 2006.
19. Hix S. The study of the European Union II: The ‘new governance’ agenda and its revival // Journal of European public policy. 1998. № 5.
20. *Weston R.C.* An architect’s view: «ESG». URL: <https://www.linkedin.com/pulse/architects-view-esg-ronald-c-weston/> (дата обращения: 18.06.2023).
21. *Sorkin A.R. et al.* Reassessing the board fight that was meant to transform EXXON // The New York Times. 2023. May 31.
22. *Smith M., Buro Hapold and RIBA Councillor (ed.)* Built for the environment. Addressing the climate and biodiversity emergency with a fair and sustainable built environment. London, 2022.
23. *Ismail A.M., Adnan Z.H. M., Fahmi F.M., Darus F., Clark C.* Board capabilities and the mediating roles of absorptive capacity on environmental social and governance (ESG) practices // International journal of financial research. 2019. № 10 (3).
24. *Xinying Zhang, Cun Zhou, Shiyun Zhang.* The environmental, social and governance (ESG) responsibilities of landscape architecture firms // Web of conferences. 2020. № 143.

Е.С. Потапова

аспирант

Московский финансово-юридический университет МФЮА

E-mail: elena-dom07@list.ru

Л.М. Макарова

кандидат экономических наук, доцент

заведующий кафедрой финансов, налогообложения и финансового учёта

Московский финансово-юридический университет МФЮА

E-mail: Makarova.M@mfua.ru

ОРНАМЕНТ В АРХИТЕКТУРЕ XX ВЕКА: ОТ ЭСТЕТИКИ К СТРУКТУРЕ

И.А. Шарапов

Аннотация. Орнамент в архитектуре XX в. получает развитие. В контексте современной архитектуры зодчие позиционируют орнамент в качестве концептуальной структуры, где формальный аспект выступает релевантным основанием для переосмысления и переопределения традиционной декоративной позиции орнамента. Соответственно, цель данной статьи – легитимизировать очертания структурного концепта орнамента в архитектуре. В данном исследовании задействован методологический комплекс, состав которого сообразован историческим, текстуальным, дескриптивным, структурным методами с привлечением метода аналогии. Проведен краткий анализ структурной основы орнамента, детализация которой раскрывает специфику его синтетической природы, отличную от традиционного художественного аспекта орнамента в архитектуре. Анализ структуры указывает на пространственность и континуальность орнамента. Сделаны выводы о необходимости структурного и концептуального подходов применительно к исследованию орнамента в архитектуре, о сингулярности, контекстуальности его природы и о неотъемлемости развития орнамента от детали к комплексному принципу организации в архитектуре.

Ключевые слова: деконструкция, дискурс, орнамент в архитектуре, текст в архитектуре.

ORNAMENT IN THE XX CENTURY ARCHITECTURE: FROM AESTHETICS TO STRUCTURE

I.A. Sharapov

Abstract. Ornament in the architecture of the twentieth century is being developed. In the context of modern architecture, architects position the ornament as a conceptual structure, where the formal aspect acts as a relevant basis for rethinking and redefining the traditional decorative position of the ornament. Accordingly, the purpose of this article is to legitimize the outlines of the structural concept of ornament in architecture. This study involves a methodological complex, the composition of which is consistent with historical, textual, descriptive, structural methods involving the method of analogy. A brief analysis of the structural basis of the ornament is carried out, the detailing of which reveals the specifics of its synthetic nature, different from the traditional artistic aspect of the ornament in architecture. The analysis of the structure indicates the spatiality and continuity of the ornament. Conclusions are drawn about the need for structural and conceptual approaches in relation to the study of ornament in architecture, about the singularity, contextuality of its nature and the inherent development of ornament from detail to the complex principle of organization in architecture.

Keywords: deconstruction, discourse, ornament in architecture, text in architecture.

Архитектура XX в. прошла путь преобразований, и трансформаций, которые сопряжены с кардинальным переосмыслением классической парадигмы, в основе которой наследие системы античного ордера. Перманентная сменяемость стилевых направлений способствовала поиску и уточнению сути зодчества. Количественный ряд направленностей, приведенный ниже (для большей наглядности) представляет калейдоскоп концепций: Эклектика, Модерн, Конструктивизм, Модернизм (Функционализм, Брутализм, Постмодернизм, Деконструктивизм, Параметризм). Дескрипция стилевых направленностей наглядно напоминает о сменяемости. Наряду с приоритетом авангардной устремленности, технологий и развития формообразующих тенденций, архитектура неизбежно содержит в собственном арсенале

и традиционные категории, одной из таких является орнамент, который сопровождал архитектуру на всем протяжении ее развития, то есть около четырех тысячелетий.

В начале XX в. архитектура отказалась от орнамента, в т.ч. от его поверхностного эквивалента – декора, очистив тем самым прагматически код собственной сущности [5, с. 264, 266]. Отказ от украшательства, декорирования архитектурной формы, зафиксировал австрийский архитектор раннего модернизма А. Лоос в эссе-манифесте «Орнамент и преступление», чья критика связана именно с декоративной составляющей орнамента [6]. Орнамент кроме декоративных аспектов, украшения, сопряжен прежде как структура со знаком, формой, на уровне элементаризации с онтологией. Орнамент имплицирован в принципах организации и координации элементов формы, и тем самым ее пространственной природы, поэтому в архитектуре он не утрачивает значение, а находит множество концептуальных путей развития, которые намечены разрозненными прецедентами на протяжении XX в. Зодчие-практики, т.ч. (А. Лоос, А. Ван дер Вельде, М. Гинзбург, Ле Корбюзье, Л. Кан, Р. Вентури, П. Айзенман, Р. Колхас, Б. Чуми и др.) переопределили декоративную природу орнамента в теоретических высказываниях, манифестациях, где традиционный эстетический статус сменен функциональным, концептуальным, определяющими архитектурное формообразование [8; 9; 10]. Отмеченные выше архитекторы XX в. усматривают в орнаменте потенциал отнюдь не эстетический (традиционный) план, сколько видят и позиционируют его в качестве структуры, концепта, документируют данную специфику в собственных проектных практиках, высказываниях, текстах.

На основании множественных точечных прецедентов орнамент актуализирован в архитектуре качестве концепта. В этой связи мы документируем «дискурс орнамента в архитектуре XX века» [8]. Поскольку орнамент получает в индивидуальных проектных стратегиях архитекторов приоритет рецепции концептуальной структуры, в связи с чем мы инициируем и его соответствующее позиционирование (то есть реактуализацию).

Проблематика данного исследования призвана к краткой дескрипции структурного плана орнамента, что позволяет обозначить основу и предпосылки его трансформации в контексте архитектуры. Детализация состава направлена на обновление понимания орнамента и как следствие мы результируем переопределение его статуса в архитектуре.

Обозначим исходную основу орнамента (установку, очерчивающую его традиционный план понимания в архитектуре).

Терминологическое определение гласит: «орнамент (от лат. *ornamentum* – украшение, узор) построенный на регулярном ритмическом чередовании и организованном расположении абстрактно-геометрических или изобразительных элементов», орнамент служит украшением предметов, зданий, сооружений [1, с. 412]. Из этого следует, что орнамент малая деталь несоизмеримо большего конгломерата архитектуры. Орнамент также включает потенциал знака, чей семантический ареал и пластическая специфика вбирают «почерк» эпох, больших исторических стилей, тем самым орнамент – один из маркеров специфики и идентификации художественной формы архитектуры [7, с. 7].

Эта ремарка о связи орнамента и эпохи несколько расширяет установленные украшением (орнаментом) пределы до структуры, к основе которой, очевидно, применим принцип масштабирования. Вернемся к определению, чтобы детализировать его состав, чей перечень на проверку, оказывается неоднородным и синтетическим, поскольку, его состав определен целым рядом процедур. Формализация нарратива определения направленно позволяет увидеть за описанием, структурные маркеры, формообразующие факторы орнамента. Кроме того, мы временно купируем результирующий аспект украшения, узора, чтобы сфокусироваться на генеративных процедурах формообразования. Это позволит деконструировать эстетический результат орнамента, в пользу понимания его именно в аспекте структуры, для прояснения закономерностей устройства и уточнения диапазона функций.

Перечислим повторно состав орнамента, точнее его позиции в последовательности предзаданной приведенным терминологическим определением (*построение, регулярность, ритм, чередование, организованное расположение, абстрактные, геометрические, изобразительные элементы, предмет, здание, сооружение*). На основе дескриптивной элементаризации орнамента, выделим и три последних позиции, они, в частности, маркируют пределы, диапазон ареал локализации (бытования) орнамента. Подчеркнем, что обозначенные контексты орнамента, весьма различны (размер, масштаб, функции, прагматика). Учитывая это, становится возможным доказательно маркировать орнамент как специфику пространственного порядка, а не эстетический локалитет. Соответственно орнамент своего рода континуум, где точки, векторы формы, контекста процедурно опредмечены.

Дескриптивный анализ позволяет нам отойти от привычного предметного представления орнамента и взглянуть на него не только через призму перечисленных абстрактов-процедур структурного состава (*построение, регулярность, ритм, чередование, организованное расположение, абстрактные, геометрические, изобразительные элементы*), которые по сути кардинально отличны от других, но и учитывая ареал локализации, рассмотреть орнамент как концепт именно пространственного порядка.

Повторим, орнамент малая деталь чья субстанциональность соподчинена развитию целого, поскольку он его часть. Учитывая оговоренный комплекс, закономерным представляется, что позиция орнамента обладает дискурсивностью в поле архитектуры XX в. (деталь часть системы, в развитии). Сообразно сказанному позиция орнамента неотъемлемо соподчинена глобальным процессам, трансформациям и вызовам архитектуры указанного периода (как в дисциплине, так и в практике). Определив исследовательский ракурс в соответствии с системной логикой (взаимосвязей общего и частного; крупного – среднего – малого; масса – деталь, сделаем оговорку, что здесь имеет место и обратная закономерность, поскольку данные ритмические направленности онтологически различны).

На протяжении XX в. зодчие осуществляют перефокусировку с предметных аспектов архитектуры на ее природу, внутреннюю суть, чья задача организация пространства посредством форм, это аргументирует высказывание архитектора Н. Ладовского: «пространство, а не камень материал архитектуры» – данное высказывание пример концептуального переопределения субстанциональности архитектуры. «Происходит перемещение идеологического центра из предмета и выражения, взятого независимо от произведения, в самую художественную конструкцию» – замечает М. Бахтин [2, с. 73]. Архитектор, ученый, идеолог направления конструктивизм М.Я. Гинзбург отмечает: «конструктивная схема становится подлинным зрелищем», где «конструкция как таковая (*per se*) перерастает самое себя», и включает самоценный «мир формы», сопряженный с планом «эстетического» [4, с. 113–114]. По мысли архитектора элемент (структура) совмещает утилитарно-конструктивный план и эстетический план формы в пространстве. Это совмещение задает соответственно концептуализацию формы, поскольку ранее конструкция отвечала за конструктив и не несла эстетической функции, поэтому особую позицию занимает именно концептуализация формы как таковой (*per se*), поскольку прежний классический идеал – античный ордер, сменен курсом абстрактной аксиологии.

С одной стороны, современная архитектура по-прежнему традиционный утилитарно-материальный конструктив, а с другой она – мир форм, самоценный и отвлеченный до крайности» [3, с. 5]. Таким образом, аспекты аксиологии пространства, эстетика конструктива, и приоритет концептуальных абстрагированных форм – очерчивают тот комплекс, который проективно определяет и обозначенную трансформацию орнамента в контексте архитектуры XX в. Также представляется целесообразным обозначить некоторые допущения.

Первое, допущение в исследовании орнамента не только объектного (внешнего), но и прежде структурного, концептуального подходов.

Второе, орнамент как синтез процедур формального плана обладает собственной логикой развития, которая, впрочем, не лишена, как показывает исследовательская практика, контекстуальных обстоятельств, которые обусловлены архитектурой. В свою очередь это во многом задает продуктивность обновления концептуальной аспектуальности орнамента (локалитет связан с пространством, как категория, он принадлежит ему, так как расположен в нем, тем самым контекстуализирован, соответственно он уже не репрезентация в привычном значении, но прежде в уменьшенном, кодифицированном виде релевантен структурно, контексту, пространству). Здесь мы не апеллируем к аспектам «самоорганизации» и «фрактальности», но всецело обращены к плану онтологии формы и формообразования.

Третье, учитывая комплексный план содержательности вышеприведенных позиций, раскрывает, дешифрует орнамент в контексте архитектуры XX в.

Поэтому орнамент в свете концептуального развития архитектуры на протяжении XX в., не остается в привычных очертаниях традиционного плана эстетической детали, которое нам предоставляет приведенное определение, поскольку приоритетом в исследовании малой толики архитектуры становится аспектуальный дискурс орнамента.

Библиографический список

1. Аполлон // Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура. Терминологический словарь / ред. А.М. Кантор. М., 1997.
2. Бахтин М.М. Формальный метод в литературоведении. Серебряный век, Нью-Йорк, 1982.
3. Гинзбург М.Я. Ритм в архитектуре. М., 1923.
4. Гинзбург М.Я. Стиль и эпоха. М., 1924.
5. Лефевр А. Производство пространства. М., 2015.
6. Лоос А. Орнамент и преступление. М., 2018.
7. Соколова Т.М. Орнамент – почерк эпохи. Л., 1972.
8. Шарпов И.А. Дискурс орнамента в архитектуре XX века // Художественная культура. 2021. № 2.
9. Шарпов И.А. Дискурс орнаментального в архитектуре Л. Кана // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2021. № 2
10. Шарпов И.А. Текст и орнамент в архитектуре: трансформация от предмета к пространству // Архитектура и современные информационные технологии. 2023. № 1.
11. URL: <http://marhi.ru/AMIT/2023/1kvart23/PDF/03sharapov.pdf> (дата обращения: 09.11.2023).

И.А. Шарпов

доцент кафедры композиционно-художественной подготовки
Уральский государственный архитектурно-художественный университет
имени Н.С. Алфёрова, г. Екатеринбург;
Союз художников России / АИАП ЮНЕСКО
E-mail: isharapov4@gmail.com

ТЕХНОЛОГИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «АРХИТЕКТУРА»

А.Л. Титов

Аннотация. В статье рассмотрены основные принципы организации форм и границ городских пешеходных пространств, в контексте развивающейся сегодня городской среды, их безопасность для передвижения и нахождения пешехода.

Ключевые слова: организация городских пространств, пешеходная среда, безопасность городской среды.

VIRTUAL REALITY TECHNOLOGIES FOR ARCHITECTURE STUDENTS

A.L. Titov

Abstract. The article discusses the basic principles of the organization of forms and boundaries of urban pedestrian spaces, in the context of the developing urban environment today, their safety for movement and pedestrian location.

Keywords: organization of urban spaces, pedestrian environment, safety of the urban environment.

Нередко, у студентов, уже с первого курса возникают вопросы о возможностях применения компьютерных технологий и Интернет в архитектурном проектировании. При этом, важно грамотно и доступно объяснить студентам перспективы применения компьютерных технологий, а так же и само понятие виртуальности применительно к архитектуре.

Ежедневно студенты значительную часть своего времени находится онлайн в среде Интернет, и именно этот факт говорит о том, что они уже вовлечены в компьютерную реальность, то есть она перманентно присутствует в их жизни. Благодаря поэтому, у них есть своё представление о виртуальной среде, можно сказать, обыденное представление, которое не может быть в полной мере осмысленно профессионально как архитектором, и которое не даёт ясного представления о возможностях применения. Поэтому, необходимо рассказать им, о том, что Интернет это, в основном, временная текстуальная среда, имитирующая виртуальную среду, и тогда они начинают задумываться над тем, какой же тогда может быть виртуальная среда или виртуальный мир, в полной мере.

Так, к примеру, тема интерактивных зданий, информационных и досуговых центров уже возникала в теории, и даже частично апробируется, и существующие сегодня ВМ-технологии хорошо вписывается в эту концепцию. В такой глобальной виртуальной среде студент мог бы совершенствовать свои навыки, реализовывать свои проекты и выполнять апробацию теоретических наработок.

Слова известного российского архитектора-конструктивиста Якова Чернихова хорошо подходят в качестве творческого посыла для современного поколения, имеющего новые возможности: «Не ограничивая ничем свою фантазию, я позволил себе, в угоду исканий и экспериментов, создать ряд и таких композиций, которые противоречат обычному пониманию архитектурных произведений» [3, с. 17]. Такой, смелый и решительный подход, мог бы найти реализацию в новых условиях среды Интернет, раскрыть в полной мере потенциал архитек-

турного творчества, ограниченный рамками технологий, тем более в период 20-х гг. XX в., когда Яков Чернихов, в полной мере, осуществил прорыв в виртуальность, по средствам своего архитектурного творчества.

Само понятие виртуальное, содержит в себе очень многое. Чаще всего, виртуальное понимается, как симитированное или воссозданное (объекты, среда, пространство, архитектура), и существующее в своих особых условиях, которые, позволяют осуществлять доступ и обратную связь человека с виртуальным миром. Идея виртуального мира, популярно показана в кино, герои фильмов ведут свою жизнь в особом мире, существующем параллельно с объективным миром. В этом мире существуют свои пространства, своя среда, архитектура, строения и социальная среда. При этом к основным свойствам, без которых среду объективно нельзя считать виртуальной, относятся: наличие обратной связи, возможность людей отслеживать ее, и участвовать в происходящих действиях.

Понятие виртуальной среды, принятое сегодня, говорит следующее: «виртуальная реальность (VR) – это искусственная реальность, электронная реальность, компьютерная модель реальности (англ. virtual reality, VR) – созданный техническими средствами мир, передаваемый человеку через его ощущения: зрение, слух, обоняние, осязание и другие. Виртуальная реальность имитирует как воздействие, так и реакции на воздействие» [4].

Такая интерактивная среда, сегодня, была бы удобна для студентов и архитекторов, прежде всего, тем, что в ней можно полноценно моделировать архитектурные объекты, и не только отдельные здания и сооружения, но и большие городские пространства, включая их заполнение. Кроме того, посредством этого, появилась бы возможность моделирования процессов функционирования, и их мониторинга в новой среде (рисунк 1).

Мультимедийные технологии сегодня позволяют архитекторам создавать различные интерактивные презентации, позволяющие, в полной мере, моделировать все особенности объекта проектирования, его освещение, декорирование и наполнение, а также, дают возмож-

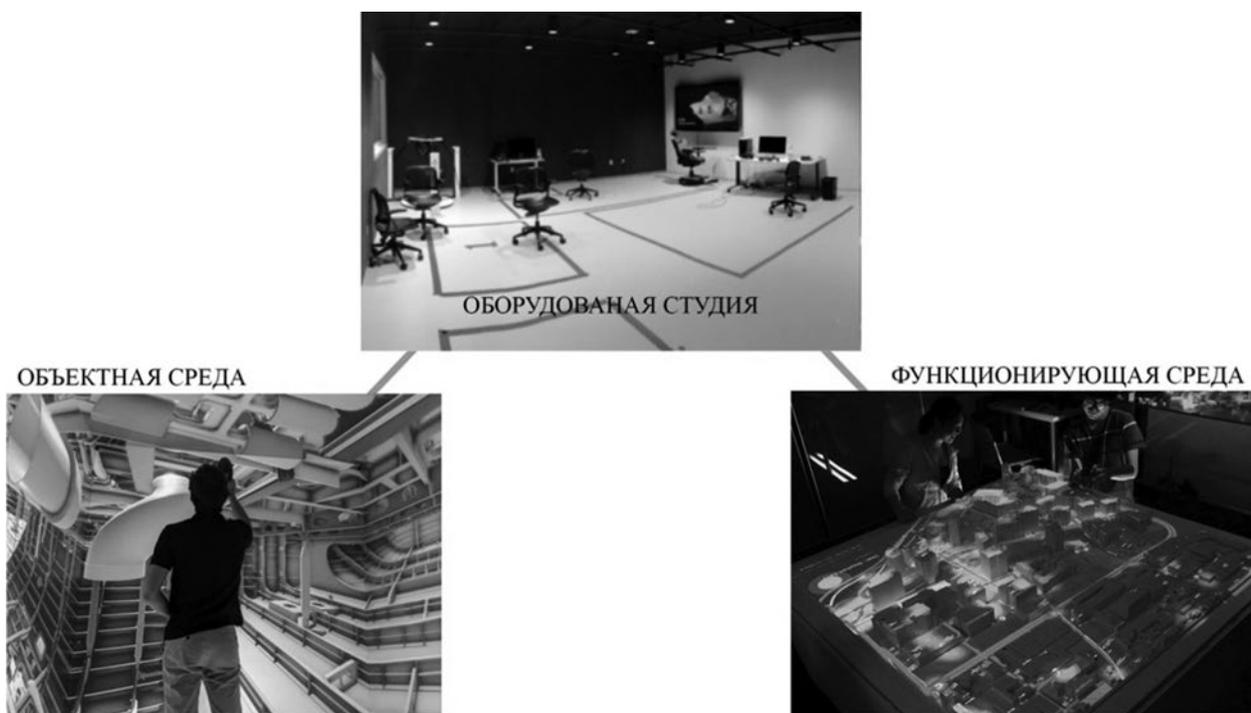

Рисунок 1. Возможности использования технологий виртуальной реальности в архитектурном образовании

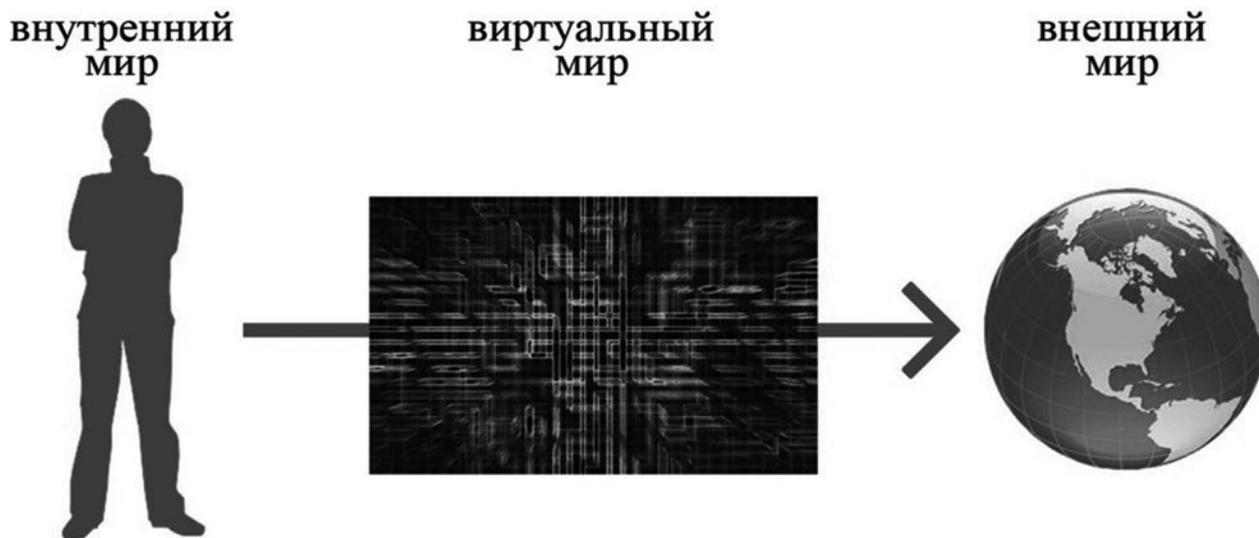

Рисунок 2. Связь внутреннего, виртуального и внешнего мира

ность пройтись по улицам и интерьерам. Кроме того, такие технологии имеют ряд достоинств, с точки зрения эффективности при использовании их в образовании. Наиболее важной характеристикой, которая делает их очень подходящим инструментом для использования в образовании, является способность совершенствовать связь между виртуальным и реальным миром, улучшая способность учащихся представлять в своем воображении архитектурные идеи и точно преобразовывать их в модели виртуальной среды, что имеет решающее значение в процессах интерактивного обучения. Это значительно развивает их пространственное мышление, и крайне важно для будущего архитектора, кроме того, применение, допустим, дополненной реальности может еще предоставить учащимся возможность участвовать в проектировании среды в виртуальной модели реального мира, что заменяет методы обучения, которые ограничены традиционным обучением в классе. Имея такие значительные преимущества, в виде наглядности и интерактивности, по сравнению с рядом традиционных методов обучения, методы на основе дополненной реальности, вскоре смогут значительно усовершенствовать традиционные методы обучения [2].

Итальянский учёный М.А. Бонфанитти предполагал следующее, что внутреннее – это пространство восприятия, памяти и утопии человека, внешнее – жизненного мира, практики и деятельности. Тогда как, виртуальное пространство – это пространство инструментов, репрезентаций, проектирования, моделирования с помощью компьютера, Интернета, новых медиасредств (рисунок 2).

Такое виртуальное пространство станет возможным, благодаря особым условиям, которые будут обеспечены новыми компьютерными технологиями и развитием возможностей Интернета. Для архитектора, создание виртуальной среды, расширяет возможности творчества, особые условия позволяют создавать здания и сооружения, которые, еще не могут быть реализованы на практике, но их строительство, функционирование и существование в выбранном средовом контексте, могут быть смоделированы и опробованы в виртуальном варианте.

Для создания убедительности происходящего, функционирование виртуальной среды производится в режиме реального времени. «Реальность» подразумевает интерактивность в информационной среде (рисунок 3). В наше время, по средствам интерактивных конференций, создаётся атмосфера единого медиaprостранства, помещения, в котором происходит общение. Это некая новая форма среды, в которой человек находится лишь временно, находится сознанием, не физически.

Рисунок 3. Современная информационная среда

Можно ли говорить об архитектуре такой среды, как об упорядоченной структуре, которую можно формировать с учётом концепций архитектора? Такой вопрос имеет не теоретическую, а практическую основу, так как с каждым годом подобные формы общения и взаимодействия встречаются всё чаще и используются на самых высоких уровнях.

Возможность создания интерактивных презентаций, имеет большое значение для архитектора. Создается среда, которая позволяет пройтись по еще не построенному архитектурному объекту, или фрагменту города, появляется возможность создать реалистичные эффекты света и передать погодные условия. Конструктивные и технические свойства объекта, могут быть так же просчитаны, с учётом необходимых для этого материалов. Следующая стадия (строительство здания), может быть осуществлена с использованием перспективных строительных технологий, которые применяют 3d печать в масштабе городского пространства.

В результате, можно сделать следующие выводы, что возможности, которые откроются с появлением виртуальной среды, значительно расширят возможности архитектурного творчества и практики. Появятся возможности, о которых думали и, наверное, мечтали архитекторы прошлого. То, что было раньше, лишь возможным будущим архитектуры, сегодня постепенно становится доступным даже для студентов, которые еще только начинают формировать свои творческие и профессиональные навыки. К тому времени, когда они достигнут высокого профессионализма, возможности виртуального моделирования архитектуры и среды в целом, будут раскрыты в полной мере. Поэтому, так важно донести до будущего специалиста правильное понимание виртуального пространства архитектуры, его места в творчестве и профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Степанов А.В., Иванова Г.И., Нечаев Н.Н. Архитектура и психология. М., 1993.

2. *Титов А.Л.* Возможности технологий виртуальной реальности в архитектурном образовании // Новые информационные технологии в архитектуре и строительстве: материалы VI международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2023.
3. *Черников Я.* Мой творческий путь. М., 2011.
4. Виртуальная реальность // Wikipedia.org. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/ %D0 %F2 %F3 %E0 %EB %FC %ED %E0 %FF _ %F0 %E5 %E0 %EB %FC %ED %EE %F1 %F2 %FC](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F2%F3%E0%EB%FC%ED%E0%FF_%F0%E5%E0%EB%FC%ED%EE%F1%F2%FC) (дата обращения: 07.04.2023).

А.Л. Титов

кандидат архитектуры, доцент

доцент кафедры основ архитектурного проектирования

Уральский государственный архитектурно-художественный университет

имени Н.С. Алферова, в Екатеринбурге

E-mail: fosberi@mail.ru

ИНЖЕНЕРНЫЕ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ В РАМКАХ УКРУПНЕННОЙ ГРУППЫ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ И НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ 07.00.00 АРХИТЕКТУРА

П.М. Жук, Г.М. Чентемиров, А.Л. Шубин

Аннотация. Отечественный опыт архитектурного образования всегда отличался сбалансированными художественными, инженерными и гуманитарными аспектами подготовки. На современном этапе учет этих составляющих образовательного процесса особенно важен с учетом требований образовательных и профессиональных стандартов, а также ключевого влияния информационных технологий в проектом процессе. В настоящей статье проведен анализ исторических вех инженерной подготовки архитекторов, предложены направления совершенствования инженерных и естественнонаучных компетенций специалистов в области созидательного искусства.

Ключевые слова: архитектурное образование, инженерные дисциплины, профессиональный стандарт.

ENGINEERING AND NATURAL SCIENCE ASPECTS WITHIN THE FRAMEWORK OF ENLARGED GROUP OF SPECIALTIES AND TRAINING 07.00.00 ARCHITECTURE

P.M. Zhuk, G.M. Chentemirov, A.L. Shubin

Abstract. The domestic experience of architectural education has always been distinguished by balanced artistic, engineering and humanitarian aspects of training. At the present stage, taking into account these components of the educational process is especially important, taking into account the requirements of educational and professional standards, as well as the key influence of information technology in the project process. This article analyzes the historical milestones in the engineering training of architects and suggests directions for improving the engineering and natural science competencies of specialists in the field of creative art.

Keywords: architectural education, engineering disciplines, professional standard.

Согласно Перечня направлений подготовки высшего образования – бакалавриата, а также магистратуры (соответственно приложения № 1 и № 2 к Приказу Министерства образования и науки РФ от 12 сентября 2013 г. № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования» (с изменениями и дополнениями)) группа 07.00.00 Архитектура открывает самую большой раздел «Инженерное дело, технологии и технические науки». С 1 сентября 2024 г. в силу вступает Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 01 февраля 2022 г. № 89 «Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам ординатуры и программам ассистентуры-стажировки», в котором раздел инженерного дела, технологий и технических наук и группа архитектуры сохраняются (код укрупненной группы специаль-

ностей и направлений подготовки (УГСН) – 17) с кодами квалификаций 6.0 (бакалавр) и 7.1 (магистр) соответственно архитектуры, градостроительства и архитектурной реставрации. Сам факт отнесения УГСН Архитектура к техническим специальностям говорит о серьезной инженерной составляющей в программах подготовки. Другим основанием для совершенствования инженерной составляющей в подготовке квалифицированных специалистов в области архитектуры, градостроительства, реконструкции и реставрации архитектурного наследия являются соответствующие профессиональные стандарты. В частности, образовательные компетенции должны готовить будущих работников, которые способны выполнять трудовые функции. Анализ некоторых избранных трудовых функций из последней версии профессиональных стандартов и соответствующие им инженерные дисциплины учебного плана приведены в *таблице 1* (формулировка необходимых умений и знаний адаптирована по сравнению со стандартом).

Как видно из *таблицы 1*, практически для всех направлений подготовки УГСН 07.00.00 Архитектура актуальными являются как инженерные, так и естественнонаучные аспекты и дисциплины. В частности, естественнонаучные особенно важны с точки зрения анализа результатов инженерных изысканий. Помимо нормативных аспектов (перечня направлений подготовки, а также образовательных и профессиональных стандартов) принципиальность инженерной и естественнонаучной составляющей в архитектурной подготовке подчеркивается традициями образования [6]. Одним из важнейших этапов формирования инженерной подготовки российских архитекторов стало создание Н.К. Лахтиным механической лаборатории при Московском училище живописи, ваяния и зодчества в 1898 г. В эту лабораторию, созданную в сарае для животных, которых рисовали студенты, везли на испытание материалы из разных регионов. Затем Николай Кузьмич Лахтин поступил на работу во ВХУТЕМАС для преподавания целого ряда инженерных дисциплин. Впоследствии долгие годы механическая лаборатория носила имя Н.К. Лахтина. Весомый вклад в традиции инженерного образования архитекторов вложили такие специалисты, как М.Я. Гинзбург, В.В. Ермолов, А.В. Кузнецов, З.А. Казбек-Казиев, А.К. Буров, М.С. Туполев, Ю.А. Дыховичный, В.А. Смирнов, В.К. Файбишенко и многие другие.

Таким образом, инженерные подходы очень близки современному выпускнику образовательных программ УГСН 07.00.00 Архитектура, и можно смело фиксировать, что «специфика архитектурного образования, как образования технического, но с социальным и художественным содержанием» (из ответа Президента Союза архитекторов России Н.И. Шумакова на письмо архитекторов Сергея Чобана, Олега Шапиро и критика Марии Элькиной о законе «Об архитектурной деятельности» 26.08.2020 г.). Современные вызовы требуют совершенствования подходов к инженерным и естественнонаучным аспектам архитектурного образования [2]. Одним из таких примеров явилось формирование концепции экологического образования, разработанной в Московском архитектурном институте (государственной академии) (МАРХИ), включающая не только изучение дисциплин, но и рейтинговую оценку курсовых проектов и выпускных квалификационных работ, а также внеучебную деятельность (конкурс клаузур и др.) [3].

Таблица 1

**Сравнительный анализ трудовых функций и инженерных дисциплин
учебного плана, формирующих компетенции для их выполнения**

<i>Обобщенные трудовые функции/ Трудовые функции</i>	<i>Необходимые умения/ знания</i>	<i>Инженерные дисциплины учебного плана</i>
Профессиональный стандарт «Архитектор»		
Разработка и внесение изменений в отдельные архитектурные, в том числе объемные и планировочные, решения в составе проектной и рабочей документации объектов капитального строительства	<ul style="list-style-type: none"> – оценка возможности использования типовых конструктивных узлов, конструктивных систем, в том числе определяющих объемно-планировочные решения; – оценка соответствия принятых решений требованиям нормативной правовой документации, в том числе в области производства работ и применения строительных материалов; – владение требованиями международных норм в области архитектурно-строительного проектирования и спецификой их применения; – взаимосвязь конструктивных, инженерных и объемно-планировочных решений и их влияние на безопасность и эксплуатационные качества объектов капитального строительства; – основы и принципы конструирования, расчета разных типов конструкций с учетом основных нагрузок и воздействий 	Теоретическая механика и сопротивление материалов, Статика, Архитектурные конструкции, Инженерные конструкции, Архитектурно-строительные технологии, Архитектурное материаловедение
Проведение предпроектных исследований и подготовка данных для разработки архитектурного раздела проектной документации	<ul style="list-style-type: none"> – определение состава и содержания технического задания на инженерные изыскания, анализ их результатов; – владение требованиями нормативных правовых актов систем градостроительного и технического регулирования, системы стандартизации, порядком проведения и предоставления отчетов инженерных изысканий 	Основы геодезии, Архитектурная физика, Урбанистические основы развития среды жизнедеятельности
Разработка архитектурного раздела проектной (и рабочей) документации	– основы и принципы конструирования, расчета разных типов конструкций с учетом основных нагрузок и воздействий	Архитектурные конструкции, Инженерные конструкции
Профессиональный стандарт «Градостроитель»		
Сбор и обработка исходных данных для подготовки документов территориального планирования, градостроительного зонирования, нормативов градостроительного проектирования и документации по планировке территорий	– определение исходных данных для основных видов градостроительной деятельности на основе анализа результатов инженерных изысканий	Основы геодезии, Инженерная подготовка территорий и транспорт, Урбанистические основы развития среды жизнедеятельности, Безопасность жизнедеятельности
Подготовка проектов документов основных видов градостроительной деятельности	– знание и практическое применение методов соблюдения требований нормативных правовых актов в градостроительной деятельности и формирования благоприятной среды жизнедеятельности путем учета требований в области устойчивого развития территорий, охраны окружающей среды, а также гражданской обороны и безопасности в чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера	
Планирование и контроль проведения инженерных изысканий	– виды, порядок проведения и состав инженерных изысканий	

Профессиональный стандарт «Архитектор-реставратор»		
Сбор и комплектация исходных данных для научно-проектной документации по сохранению ОКН	– основы материаловедческих исследований, основные элементы и конструкции объектов культурного наследия, включая их основные эксплуатационно-технические свойства, эстетические характеристики	Архитектурные конструкции, Инженерные конструкции, Архитектурно-строительные технологии, Архитектурное материаловедение
Выполнение архивных, библиографических и натуральных исследований для научно-проектной документации по сохранению ОКН	– эффективное применение инструментов информационного моделирования архитектурно-реставрационного проектирования с учетом конструктивных и технологических аспектов; – требования нормативных правовых актов в отношении аспектов конструктивного и технологического проектирования в рамках архитектурно-реставрационного процесса; – реставрационные и строительные материалы, конструкции, включая их эксплуатационно-технические свойства и эстетические характеристики; – реставрационные технологии в архитектуре и рациональные способы проведения строительно-монтажных работ в архитектурной реставрации; – взаимосвязь требований по охране объектов культурного наследия с аспектами конструктивных решений, выбора инженерных технологий и оборудования, реставрационных и строительных материалов на основе их характеристик	
Разработка концепций (эскизных проектов), разделов научно-проектной документации по сохранению ОКН и обоснование проектных решений	– источники информационного моделирования процессов архитектурно-реставрационного проектирования с учетом конструктивных, технологических и иных аспектов; – порядок проведения и состав исследовательской части архитектурно-реставрационного проектирования, включая строительно-технологический и конструктивный аспекты	
Подготовка и проведение мероприятий научного руководства и авторского надзора при реализации научно-проектной документации по сохранению ОКН, составление научно-реставрационного отчета о выполненных работах	– технологии строительных процессов, связанные с реставрационной деятельностью; – реставрационные и строительные материалы, технологии и конструкции, их эксплуатационно-технические свойства и эстетические характеристики; – рыночные аспекты и предложения реставрационных и строительных материалов, технологий, конструкций, систем инженерного оборудования, средств механизации реставрационных работ в архитектуре; – контроль качества работ и эксплуатационной надежности принятых инженерных решений	

Источники: Профессиональный стандарт «Архитектор», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 6 апреля 2022 г. № 202н; Профессиональный стандарт «Градостроитель», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 января 2023 г. № 27н; Профессиональный стандарт «Архитектор-реставратор», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31 августа 2021 г. № 612н.

Концепция распространяется как на уровень бакалавриата, так и магистратуры а также носит межкафедральный характер, так как системы оценки разработаны основными проектными кафедрами с учетом их специфики [3; 5]. В то же время наряду с преимуществами такого подхода существует недостаток общетеоретической подготовки, что может быть скорректировано возможным расширением концепции с экологической составляющей до всех наук о Земле и окружающей среде [4]. Одним из основных преимуществ концепции архитектурного образования является ее цельный характер (формирование единого представления о комплексе проблем у обучающегося), а также интеграция в проектный процесс (что позволяет на практике разбирать конкретные решения). Таким образом, инженерный и естественнонаучный аспекты по примеру экологического образования архитекторов также могут быть сформированы в единую концепцию, тем более что разрозненность дисциплин инженерного цикла часто осложняет понимание стоящих в проектном процессе проблем. Стержнем образовательного процесса, который объединяет инженерные и естественнонаучные аспекты может стать информационное моделирование, получившее широкое распространение на практике. Для реализации практических задач в области конструирования, выбора материалов, учета климатических особенностей, организации акустической и световой среды такой подход согласуется с задачами комплексного проектирования. При этом такие решения, бесспорно, должны опираться на теоретические основы в области инженерных дисциплин.

Особенное внимание при изучении инженерных дисциплин необходимо уделять следующим ключевым аспектам: структурному, проектному, расчетному. В частности, под структурным аспектом стоит понимать возможности архитектурного формообразования (с точки зрения конструкций, материалов, технологий, систем инженерного оборудования и др.). Проектные аспекты включают работу с системами информационного моделирования, в том числе объемные модели зданий, а также полноту наполнения разработки информацией о применяемых решениях [9]. Расчетные составляющие стоит воспринимать шире, чем просто расчет конструктивных систем и их отдельных элементов или систем инженерного оборудования зданий. На современном этапе актуальным является уже не применение широко используемых BIM-технологий, а внедрение искусственного интеллекта, как в процесс проектирования, так и на всем протяжении жизненного цикла объекта. Несомненно, только архитектор может максимально корректно заложить такие технологии в сам объект (от конкретного здания до целого города), причем при работе со сложными природно-техногенными системами необходимо владение компетенциями в области естественнонаучных дисциплин.

Важнейшим моментом в освоении инженерных и естественнонаучных дисциплин является практическая подготовка, в которую при изучении дисциплин инженерного и естественнонаучного цикла входит как самостоятель-

ные расчетно-графические работы, лабораторные и практические задания, так и участие смежных разделов в разрабатываемом архитектурном проекте [1; 7; 8]. Внимания заслуживает опыт комплексного экзамена МАРХИ, на котором происходит защита проекта по теме «Многоэтажный жилой дом» с представлением разработанных проектных материалов по инженерным кафедрам «Конструкции зданий и сооружений», «Инженерное оборудование зданий» и «Архитектурное материаловедение». Актуален поиск новых подобных форм на всех темах разрабатываемых учебных проектов. Важным является понимание обучающимися соотношения иррационального (искусства) и рационального (инженерных решений) в архитектуре. Например, можно заложить все имеющиеся нормативные требования к строительным материалам в систему искусственного интеллекта, но окончательный выбор конкретного материала остается за автором проекта.

Таким образом, в отношении инженерной и естественнонаучной подготовки обучающихся по образовательным программам УГСН 07.00.00 Архитектура можно наметить следующие направления:

- повышение роли инженерных дисциплин в образовательных программах, в том числе за счет формирования единой концепции инженерной и естественнонаучной подготовки;
- активное внедрение и повышение весомости в оценке инженерных разделов разрабатываемых учебных проектов;
- повышение значимости практической подготовки по естественнонаучным и инженерным дисциплинам в рамках образовательных программ за счет объема самих дисциплин и в рамках разработки учебных проектов;
- использование потенциала информационного моделирования в целях интеграции сведений об инженерных разделах в проектную документацию.

Библиографический список

1. Байер В.Е., Жук П.М., Кавер Н.С., Королева Т.В., Князева В.П. Материаловедение в эволюции архитектуры // Архитектура и строительство России. 2021. № 4 (240).
2. Есаулов Г.В. Влияние современных технологий на архитектурный образ зданий // Энергосбережение. 2021. № 6.
3. Есаулов Г.В., Благовидова Н.Г., Табуничиков Ю.А. Устойчивое развитие в повестке архитектурного образования // Academia. Архитектура и строительство. 2020. № 1.
4. Жук П.М. Науки о Земле и окружающей среде в архитектурном образовании // Гуманитарные науки в XXI веке: Научный интернет-журнал. 2023. № 22.
5. Коршаков Ф.Н., Жук П.М. Оценка экологической устойчивости сельских населенных мест: состояние вопроса, методология // Архитектура и современные информационные технологии. 2021. № 3 (56).
6. Никитина Н.П. Архитектурное образование: от истоков до наших дней (современная потребность в инженерно-строительной подготовке архитектора) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 12.
7. Чентемиров Г.М., Соловьев Г.П., Капров А.Н. Роль эксперимента в преподавании дисциплины «Сопротивление материалов» // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ: материалы международной научно-практической конференции. М., 2015.
8. Чентемиров Г.М., Шубин А.Л., Капров А.Н. Планирование работы учебной и научно-исследовательской лаборатории металлических и композиционных конструкций с использованием современных технологий для обеспечения новой образовательной программы МАРХИ // Наука,

образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ: материалы международной научно-практической конференции. М., 2010.

9. Ярин Л.И., Шубин А.Л., Водопьянов Р.Ю. Компьютерные технологии и методика преподавания строительных конструкций в МАРХИ // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ: материалы международной научно-практической конференции. М., 2015.

П.М. Жук

*доктор технических наук, доцент
профессор кафедры архитектурного материаловедения
Московский архитектурный институт (государственная академия)
E-mail: peter_05@bk.ru*

Г.М. Чентемиров

*кандидат технических наук, старший научный сотрудник
почетный работник высшего профессионального образования РФ
заведующий кафедрой высшей математики и строительной механики
Московский архитектурный институт (государственная академия)
E-mail: kafedramsm@yandex.ru*

А.Л. Шубин

*кандидат технических наук
почетный работник высшего профессионального образования РФ
заведующий кафедрой конструкций зданий и сооружений
Московский архитектурный институт (государственная академия)
E-mail: al.shubin@markhi.ru*

АНАЛИЗ КОНТЕКСТА КАК ЧАСТЬ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В АРХИТЕКТУРНОМ ВУЗЕ

Ф.Н. Коршаков, О.К. Маркова, Н.В. Новикова

Аннотация. Профессия архитектор несет важную идейно-воспитательную роль в обществе. Воспитание и обучение являются одной из концепций российской архитектурной школы. Сбор предпроектной информации (анализ контекста) является необходимой частью архитектурной проектной деятельности студента, что воспитывает его и как профессионала и как личность.

Ключевые слова: архитектор, студент, воспитание, анализ контекста, информационный метод.

CONTEXT ANALYSIS AS PART OF UPBRINGING WORK AT AN ARCHITECTURAL UNIVERSITY

F.N. Korshakov, O.K. Markova, N.V. Novikova

Abstract. The profession of an architect plays a very important ideological and educational role in society. Upbringing and education are one of the concepts of the Russian architectural school. The collection of pre-project information (contextual analysis) is a necessary part of the student's architectural design activity, which educates him both as a professional and as an individual.

Keywords: architect, student, upbringing, contextual analysis, information method.

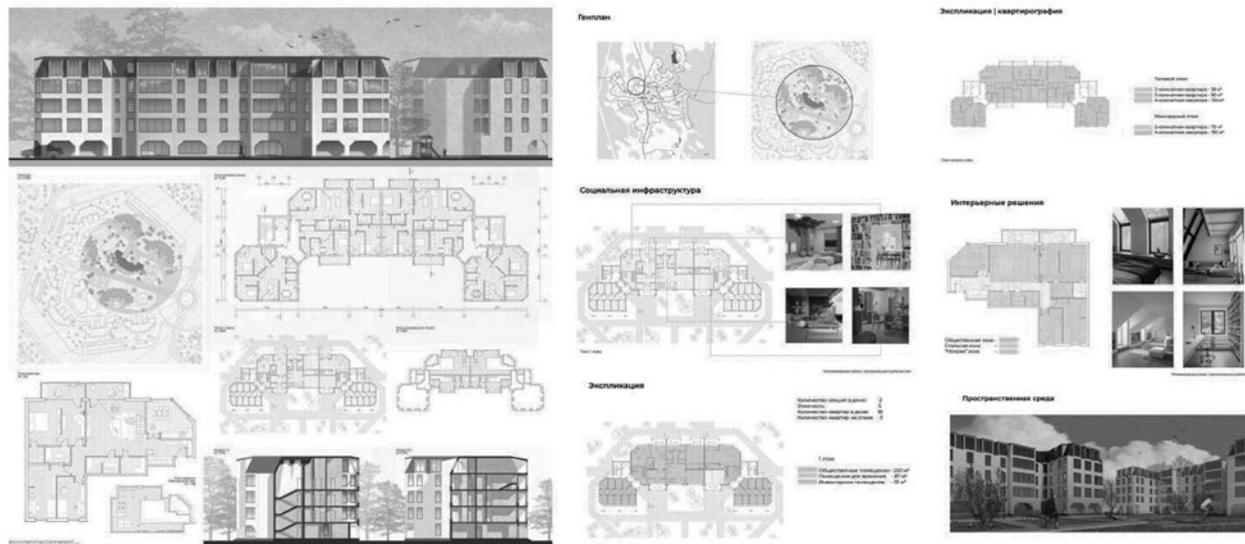
У архитектуры и у архитекторов важная идейно-воспитательная роль в обществе. Архитекторы дают направление развитию всего общества по средствам создания пространства, в котором люди живут, работают, отдыхают, рождаются, болеют и умирают, а главное, растут и вырастают как личность, гражданин своей страны.

«Архитектура по ее духовной сути и месту в целостном контексте культуры рассматривается как искусство социальное. Художественная сущность произведений архитектуры раскрывается через использование средств архитектурной выразительности и образа эмоционального языка архитектуры, долженствующее воплотить основные черты и идеалы общества...» [1].

Воспитание и обучение всегда были необходимой частью архитектурной проектной деятельности студента, что воспитывает в студенте и профессионала архитектора, и личность.

Анализ контекста (системы координат будущего проекта) воспитывает в студенте профессионализм и помогает ему развиваться как личности, пропитываясь «духом места».

«Дух места – система ощущений, чувствования, знаний, указывающих проектировщику возможные координаты творчества, степени свободы и объем ограничений. Дух места складывается из множества компонентов, таких как история места, природный ландшафт, жизненные процессы и т.д. К духу места можно отнести объективные функциональные факторы, а именно: инсоляцию, шумозащиту, климат, силуэт застройки, организацию пешеходных потоков, видовые характеристики. Но дух места может быть выражен и в нематериальной форме, о чем писал Норберг-Шульц: «Экзистенциальная цель строительства (архитектуры) заключается в том, чтобы побудить территорию стать *местом*, то есть раскрыть значения, потенциально представленные в данной среде» [4].

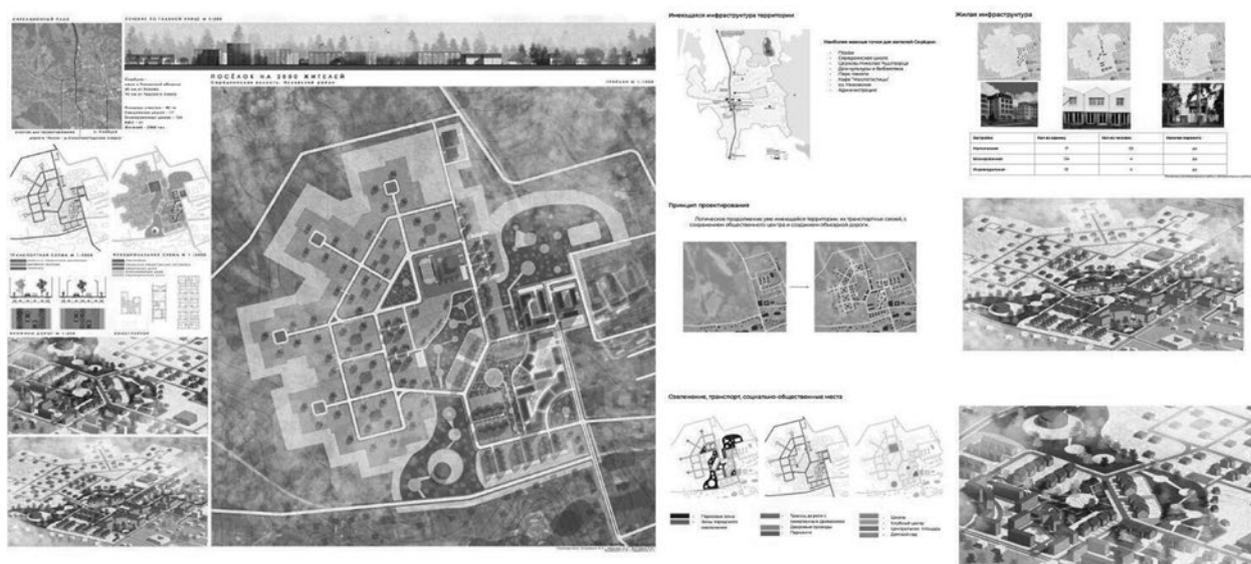

**Рисунок 2. Проект и презентация проект студентки Черняева К.,
3-ий курс, 12 группа МарХИ, 2022 г. по теме «Дом средней этажности»**

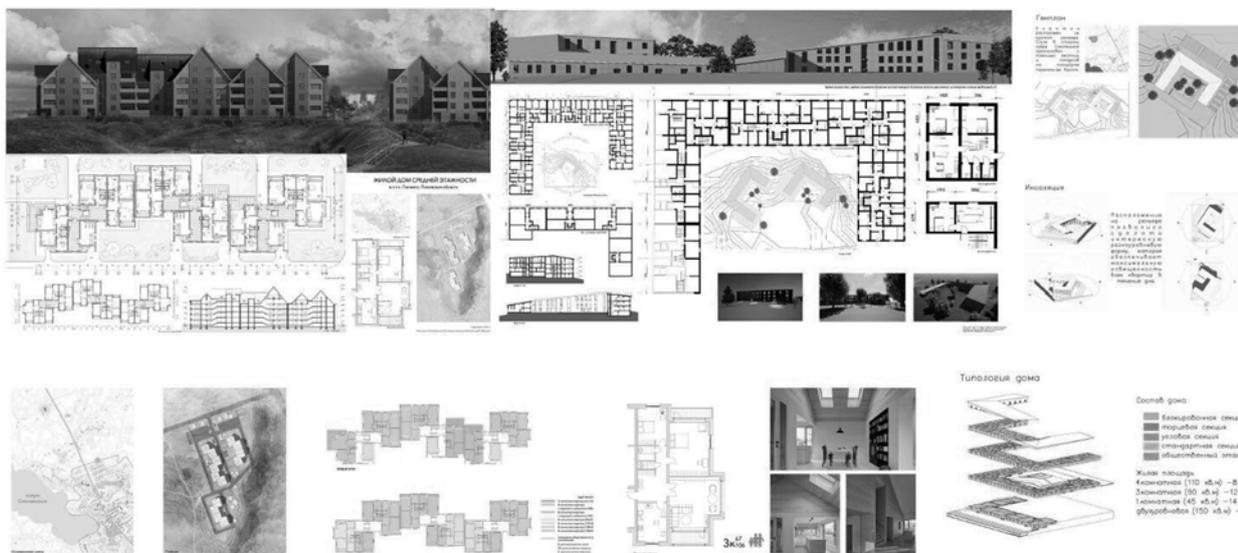
развития. Поселки развиваются в туристическом направлении: Середка – место для спортивного туризма, лыж и легкой спортивной авиации (есть аэропорт); Палкино – место для агротуризма, проведения ярмарок и пляжного отдыха.

Далее студенты спроектировали поселки, граничащие с существующими, вписывающиеся в существующие потребности поселений, необходимые для роста и развития поселков, в рамках программы курсового проектирования 3-го курса по темам «Поселок» и «Дом средней этажности».

После сдачи курсового проекта в рамках изучения дисциплины «Архитектурное проектирование», студенты презентовали свои проекты жителям поселков в виде презентации и доклада в дистанционном формате (и курсовой проект по теме «Дом средней этажности» и по теме «Поселок») (рисунки 2–5).

**Рисунок 3. Проект и презентация проект студентки Черняева К.,
3-ий курс, 12 группа МарХИ, 2022 г. по теме «Поселок»**

**Рисунок 4. Проект и презентация проект студентов Подольская А., Семенова Е.,
3-ий курс, 12 группа МарХИ, 2022 г. по теме «Дом средней этажности»**

В процессе презентации студенты смогли аргументированно представить жителям свои проектные предложения, ответить на вопросы и выслушать критику со стороны жителей, что несомненно положительно скажется на дальнейшей работе студентов и архитекторов.

Во время поездки на место будущего проектирования в группе студентов тренируются коммуникационные навыки, участие коллективному взаимодействию. Подобные поездки помогают оттачивать способности и навыки, которые необходимы для будущих специалистов.

**Рисунок 5. Проект и презентация проект студентов Подольская А., Семенова Е.,
3-ий курс, 12 группа МарХИ, 2022 г. по теме «Поселок»**

Таким образом, такой этап архитектурного проектирования, как сбор информации о месте проектирования и его анализ (анализ контекста), является не только важной частью профессиональной деятельности архитектора, но и безусловной частью воспитательной работы в архитектурном вузе.

Библиографический список

1. *Бархин Б.Г.* Методика архитектурного проектирования. М., 1991
2. *Карпанина Е.Н.* Воспитательный потенциал высшего архитектурного образования: теоретико-методологические аспекты исследования проблемы // Психология и педагогика: методика и проблемы. 2011.
3. *Трибельская Е.Г., Соковнина И.В.* Изучение архитектурного контекста как основа предпроектного анализа // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2018. № 4(45).
4. *Шулика Т.О., Лебедев В.Н.* Алгоритм создания проектной концепции на основе результатов анализа контекста // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2021. № 3 (56).

Ф.Н. Коршаков

*кандидат архитектуры, профессор
заведующий кафедры архитектуры сельских населенных мест
Московский архитектурный институт (государственная академия)
E-mail: fn.korshakov@markhi.ru*

О.К. Маркова

*кандидат архитектуры
доцент кафедры архитектуры сельских населенных мест
Московский архитектурный институт (государственная академия)
E-mail: 2036447@gmail.com*

Н.В. Новикова

*доцент, профессор кафедры архитектуры сельских населенных мест
Московский архитектурный институт (государственная академия)
E-mail: 92177041963@mail.ru*

УДК 808.1

doi: 10.52470/2619046X_2023_4_74

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ТАКТИКИ С.А. ТОЛСТОЙ В ЕЁ ДНЕВНИКЕ ЗА 1862–1910 ГОДЫ

Г.В. Токарев

Аннотация. Статья посвящена выявлению тактик самоидентификации и самохарактеризации С.А. Толстой. Самоидентификация рассматривается как составляющая автокоммуникации. Для описания результатов данного процесса использован термин коммуникативная тактика, которая представлена пропозицией «Я есть X». В ходе исследования выявлено, что С.А. Толстая рассматривала дневник как одну из форм диалога с мужем. Дневник также выполнял компенсаторную функцию. Установлено, что первоначально самоидентификация осуществляется С.А. Толстой через призму своего мужа. Он выступает эталоном совершенного человека. Следствием данной тактики является открыто выраженное самоуничижение на фоне высокой оценки супруга. Анализ записей показал, что Софья Андреевна не желает смириться с тем, что она хуже мужа, она хочет «дорости» до супруга, соответствовать ему, что отражает активность её натуры. Софья Андреевна идентифицирует себя как человека меняющегося, рефлексивного. Идентификационная тактика «я жена» связана с выражением ощущения угнетённости, подавленности, воплощении роли самки, няньки, помощницы. Установлено, что идентификационные тактики динамичны, типичны для женского дискурса и продиктованы желанием получать больше внимания от мужа, доминировать в семье, подчинять себе домашних. Софью Андреевну следует отнести к числу сильных личностей: она хочет меняться, негативно реагирует на всё, что подавляет её индивидуальность.

Ключевые слова: дневник, самоидентификация, коммуникативная тактика, автокоммуникация, личностный дискурс, С.А. Толстая, женская речь.

IDENTIFICATION OF SOPHIA TOLSTAYA'S TACTICS IN HER DIARY FOR 1862–1910 YEARS

G.V. Tokarev

Abstract. The article is devoted to identifying the tactics of self-identification and self-characterisation of Sophia Andreyevna Tolstaya. Self-identification is considered as a component of auto-communication. To describe the results of this process the term communicative tactics is used, which is represented by the proposition «I am X». The study reveals that S.A. Tolstaya considered the diary as one of the forms of dialogue with her husband. The diary also fulfilled a compensatory function. The article establishes that S.A. Tolstaya initially identifies herself through the prism of her husband. He acts as a standard of a perfect person. The consequence of this tactic is openly expressed self-deprecation against the background of high evaluation of her spouse. The analysis of the records shows that Sophia Andreyevna does not want to accept the fact that she is inferior to her husband, she wants to «grow up» to her spouse, to be equal to him, which reflects the activity of her nature. Sophia Andreyevna identifies herself as a person who is changing, reflecting. The identification tactic «I am a wife» is connected with the expression of the feeling of oppression, being set down, embodiment of the role of a female, nurse, helper. The article finds that the identification tactics are

dynamic, typical for female discourse and dictated by the desire to receive more attention from her husband, to dominate the family, to subjugate the household. Sophia Andreyevna should be classified as a strong personality: she wants to change and reacts negatively to anything that suppresses her individuality.

Keywords: diary, self-identification, communicative tactics, auto-communication, personal discourse, S.A. Tolstaya, female speech.

Женский дневник представляет собой семиотическое множество, позволяющее верифицировать ряд концепций гендерной лингвистики, лингвоперсонологии, когнитологии, повседневности и др. областей знания. Данный дискурсивный феномен воплощает специфику женского восприятия действительности, особенности самоидентификации. Полагаем, что ведение дневника более характерно для женщины, нежели для мужчины, что обусловлено большей склонностью к рефлексии женского характера. Не всякий дневник представляет интерес для общественности. Это предопределено прежде всего степенью социальной значимости личности. Знаковой фигурой второй половины XIX века стала С.А. Толстая. Думаем, что её дневник был бы интересен, даже если бы она не была женой известного писателя. Записи велись в течение сорока восьми лет. Столь большой срок не может быть не интересен, поскольку отражает разные этапы жизни человека. Дневник представляет огромный интерес как плоскость выражения личности, её развития, идентичности. Целью данной работы является выявление тактик самоидентификации и самохарактеризации личности С.А. Толстой. Поставленная цель достигается посредством использования методов дискурсивного и концептуального анализа, пропозициональной функции.

С.А. Толстая вела дневник сразу после замужества. Судя по сделанным за десятилетия записям, дневник она рассматривала как одну из форм диалога с мужем. На наш взгляд, заметки сделаны с расчётом на то, что Лев Николаевич их прочтёт. Дневник был средством вызвать сострадание мужа, способом изменить его поведение в собственных интересах. И это документально подтверждают заметки Толстого, написанные после записей супруги. Кроме того, дневник выполнял компенсаторную функцию, то есть был своеобразным собеседником и другом, которому Софья Андреевна могла доверить свою боль и самые сокровенные мысли. Среди многочисленных записей мы находим немало таких, в которых она прямо или косвенно осуществляет самохарактеризацию и идентификацию. И.Л. Савкина отмечает: «Дневниковое повествование, как и любой другой рассказ о собственной жизни, является местом, где осуществляется никогда не завершающийся процесс самоидентификации. ... При всех тенденциях к обсуждению и переоценке все равно существуют какие-то ключевые или лейтмотивные идентификационные модели и биографические схемы, внутри которых человек описывает и репрезентирует себя в автонарративе» [2, с. 140]. Как видно из приведённой цитаты, для описания инструментария идентификации исследователь пользуется понятиями идентификационной модели и биографической схемы. М.А. Лаппо предлагает понимать под самоидентификацией «не только процесс поиска, формирования идентичности (конструирование), но и маркирование своей – уже найденной или только становящейся – идентичности в целях её сохранения [1, с. 17]. В данной трактовке важно, что данный процесс характеризуется своей семиотикой, включающей маркирующие личность средства. Мы рассматриваем самоидентификацию как составляющую автокоммуникации, поэтому для описания результатов данного процесса используем термин коммуникативная тактика. Данные коммуникативные тактики могут быть представлены пропозицией «Я есть X». Рассмотрим воплощение указанных тактик.

Первоначально самоидентификация осуществляется С.А. Толстой через призму своего мужа. Он выступает эталоном совершенного человека. В записях Софьи Андреевны откры-

то выражено самоуничижение на фоне высокой оценки супруга. *Я хуже своего мужа. Он счастливый, потому что умён и талантлив. А я – ни то ни другое.* (13.11.1862 г.) [4, с. 9] ... *он отличный, я гораздо хуже него...* (13.11.1862 г.) [4, с. 11] В зрелые годы Софья Андреевна понимает, что идентифицируют её прежде всего как жену Толстого, она сожалеет о том, что её личные качества, её индивидуальность не притягивает внимания окружающих: *Если б я хоть что-нибудь была больше, чем молодая жена Льва Толстого, как я была бы рада.* (10.01.1898 г.) [4, с. 325].

Самоуничижительные тактики актуальны в дневниковом дискурсе С.А. Толстой в первые годы брака. Она характеризует себя с опорой на негативно маркированные оценочные прилагательные и существительные: *Я – самолюбивая. ...у меня столько глупого самолюбия...* (8.10.1862 г.) [4, с. 6] *Я плохая. ...я бедная натура...* (13.11.1862 г.) [4, с. 11] *А я какая ничтожная, как тяжело это нравственное ничтожество. ...жалкая и гадкая.* (9.01.1863 г.) [4, с. 14] *Я стала односторонней.* (17.01.1863 г.) [4, с. 18] *Я избалована.* (26.04.1863 г.) [4, с. 20] *Я малодушна, пуста.* (19.12.1863 г.) [4, с. 35] *Ни ума, ни хорошего образования, ни таланта – ничего.* (3.11. 1864 г.) [4, с. 38] *У меня насморк, я гадка, жалка.* (9.03.1865 г.) [4, с. 40] ... *я делаюсь страшная эгоистка...* (16.12.1862 г.) [4, с. 13].

Недовольство собой как характеризующая стратегия воплощается в личностном дискурсе Софьи Андреевны на протяжении всей её жизни. *Страшно собой недовольна.* (27.07.1891 г.) [4, с. 184] ...*у меня необузданный, горячий характер, и я всё не выучусь владеть собой...* (13.06.1897 г.) [4, с. 230] *Чувствую себя не нормальной, не уравновешенной. Сегодня так тосковала, что способна бы была убить себя или сделать что-нибудь совсем несуразное, крайнее...* (22.10.1897 г.) [4, с. 296].

Самоидентификация на фоне личности мужа осуществляется средствами контекстуальной антонимии, что подчёркивает противопоставление жены и мужа. Они, в картине мира Софьи Андреевны, не единое, гармоничное целое. Он необычный, яркий, она будничная серая, у него впереди бессмертие, у неё, как у всех заурядных людей, смерть. *У меня будничная жизнь, смерть. А у него целая жизнь, работа внутри, талант и бессмертие.* (13.11.1863 г.) [4, с. 34]. Для самоидентификации Софья Андреевна прибегает к биоморфным уничижительным метафорам: *Чувствую, что он – жизнь, сила, а я – только червяк, который ползает и точит его.* (25.02.1865 г.) [4, с. 39] *Теперь я для него – чумная собака.* (20.03.1865 г.) [4, с. 43] Однако это противопоставление не мешает ей любить своего мужа. *А я – язычница, но я так люблю детей, и, к несчастью, ещё так люблю и его, холодного христианина...* (15.08.1891 г.) [4, с. 187].

Обращает внимание, что данные характеризующие определения направлены на оценку внутреннего мира пишущей, что, по всей вероятности, является следствием давления представлений о писательском авторитете мужа, его социальной позиции, кругозора и т.п. Однако Софья Андреевна не желает смириться с этим, выражает намерение «дорости» до супруга, соответствовать ему, что отражает активность её натуры. *Он говорит, что я слабохарактерная. ... Но я теперь много работаю, чтобы не быть слабохарактерной.* (9.03.1865 г.) [4, с. 41]. Софья Андреевна идентифицирует себя как человека меняющегося, рефлексизирующего. *Я – меняющаяся. ...никогда я не стояла, а всегда шла, не задумываясь, вперёд...* (8.10.1862 г.) [4, с. 5] *Качаюсь между прожитым и настоящим с будущим.* (13.11.1862 г.) [4, с. 10] Эту черту личности С.А. Толстой отмечает Е.А. Самофалова: «Характеристику себя как «страстной, увлекающейся натуры» можно отнести к повторяющемуся мотиву, структурирующему образ героини» [2].

Софья Андреевна ощущает себя несчастным человеком, или, точнее, не в полной мере счастливым. *Отчего же я не вполне счастлива?* (24.07.1897 г.) [4, с. 255] Можно предположить, что эти записи она делает с целью вызвать жалость мужа, получить от него больше

внимания. Для этого пишущая делится своими мыслями о приближающейся смерти, о возможности суицида. *Я испытываю тяжесть. ...надо мной что-то тяготеет. Мне всё кажется, что я скоро умру.* (9.10.1862 г.) [4, с. 8]. *Сегодняшнее моё состояние меня подвинуло к смерти: что-то надломилось серьёзно, по-старчески, сурово, мрачно. «Пусть бьют! Лишь бы добились скорей»* (21.07.1891 г.) [4, с. 182]. Эта тактика самоидентификации сохраняется на протяжении всей жизни Толстой. *Я чувствую себя грешной, несчастной...* (27.07.1891 г.) [4, с. 184].

Тактики самоуничтожения утрачивают актуальность в зрелом возрасте. Дневниковые записи всё больше и больше отражают тактики, в которых пишущая сама себя жалеет и сочувствует себе. Она уже не занимается самобичеванием и считает себя вполне нормальным и достойным человеком. *Моя совесть спокойна; я чиста перед Богом, мужем и детьми – как новорождённый младенец, как телом, так и душою, и даже помыслами.* (20.07.1897 г.) [4, с. 251] М.Г. Чулюкина пишет, что данное состояние в психологии характеризуют как достигнутую идентичность. «Это означает, что автор не просто осознаёт себя как личность, а чувствует себя состоявшимся человеком» [5].

Ещё одна важная и вполне логичная тактика самоидентификации отражена в пропозиции: я жена. Эта тактика получает разную интерпретацию в дневниках. Отражены следующие семантические плоскости:

- зависимость от мужа, духовная потребность в муже: *Я вся от него завишу, и я бог знает как дорожусь его любовью.* (6.06.1863 г.) [4, с. 26] *Как ни трудно мне подчас с Л.Н., но всё-таки он меня одну любил, он был мне опорой и защитой, хотя бы даже и от детей.* (20.06.1898 г.) [4, с. 378];
- несвобода, усталость, отсутствие возможности жить своей жизнью. Эти смыслы объективированы метафорой тюрьмы: *Ужасное желание отдохнуть, наслаждаться природой, и чувство как заключённого в тюрьму.* (24.07.1863 г.) [4, с. 28]. *Когда я остаюсь без мужа, то чувствую себя вдруг свободной духом и одной перед Богом. Мне легче разобраться с самой собой и с той путаницей, в которой я живу.* (1 и 2.01.1895 г.) [4, с. 205];
- ощущение угнетённости, давленности: *Да, трудно очень жить под деспотизмом вообще, а под ревнивым – ужасно!* (16.01.1898 г.) [4, с. 327]. Это, по мнению Софьи Андреевны, не жизнь. *Своей жизни нет: ни почитать, ни поиграть, ни подумать – и так вся жизнь. Жизнь ли это? ... Да я не живу.* (22.07.1897 г.) [4, с. 252];
- одиночество: *В сущности никто так не одинок, как я.* (2.02.1899 г.) [4, с. 431].

Ещё одна тактика самоидентификации отражена в пропозиции Я – слабая. Для её выражения Софья Андреевна сравнивает себя с ребёнком. Однако данную тактику нельзя считать продуктивной. Более актуальны для дискурса жены Толстого тактики, подчёркивающие её активность. Например, я – хозяйка. Софья Андреевна подчёркивает, что живёт реальной жизнью, её проблемами, заботится о каждом члене своей семьи. *...пока рождаются все эти вымышленные ими самими духовные дети, у нас рождаются с реальной болью живые дети, которых надо и кормить, и воспитывать, и имущества охранять...* (20.02.1891 г.) [4, с. 134] *А хозяйка – я.* (27.03.1891 г.) (в споре с сыном Ильёй) [4, с. 143]

Реализация данного смысла связана с обеспокоенностью Софьи Андреевны потерять себя, свою индивидуальность: *...я думаю его мыслями, смотрю его взглядами; напрягаюсь им, а себя потеряю. Я и то уж не та...* (23.11.1862 г.) [4, с. 12].

вторичность, бесправность: *...я только жена, а не человек, так я жить не могу и не хочу* (23.11.1862 г.) [4, с. 11] *...все мы, а прежде всех я, как жена и порядочная женщина, должны считаться с его идеями...* (31.03.1891 г.), [4, с. 150] *...хочется личных радостей, личной жизни, своего труда, а не труда над чужими трудами...* (15.07.1897 г.), [4, с. 248]. Она обеспокоена своей репутацией, не согласна с теми характеристиками, которые ей дал муж с своём дневнике: несносный характер, сварливость. *Уже то, что он а дневниках своих*

последовательно и умно чернил меня, короткими ехидными штрихами очерчивая одни только мои слабые стороны, доказывает, как умно он себе делает венец мученика, а мне – бич Ксантиппы. (6.02.1898 г.), [4, с. 336].

Быть женой, с сожалением констатирует Софья Андреевна, значит принять участие физического удовлетворения мужа, роль человека, который обязан ухаживать за супругом: *Я – удовлетворение, я – нянька, я – привычная мебель, я – женщина.* (13.11.1863 г.), [4, с. 34]. *Моя судьба была быть служебным элементом для мужа-писателя.* (25.07.1897 г.), [4, с. 256]. Для воплощения этой стратегии С.А. Толстая прибегает к фетишной метафоре, сравнивая себя с машиной, подчёркивая бесчувственность, монотонность, повторяемость одного и того же. *Чувствую себя работающей машиной, хотелось бы жизни немного для себя, да нет её...* (10.11.1878 г.), [4, с. 77].

Уже в зрелые годы С.А. Толстая прибегает к возрастной стратегии идентификации. *Я, старая уже...* (23.07.1897 г.) [4, с. 254].

Таким образом, магистральной идентификационной тактикой является ориентация на мужа. Её наполнение отражает оппозицию мужа и жены, в которой в начале брака актуализируется внимание на достоинствах супруга и на своём несоответствии ему, а с течением времени – на неудовлетворённости семейной жизнью, которая является следствием разочарования в супруге, видящем в жене самку, няньку, помощницу.

Идентификационные тактики динамичны. В поисках собственной идентичности молодая жена Толстого ориентируется на мужа, однако с течением времени эта тактика утрачивает актуальность.

Дневниковые записи отражают недовольство Софьи Андреевны тем, как её идентифицируют другие – люди: быть только женой великого писателя она не хочет. Для неё важно, чтобы другие увидели в ней личные качества. Можно сказать, что одной из магистральных идентифицирующих тактик является её борьба за себя, что сопровождается сочувствием себе самой. Идентификационная тактика «я жена» отражает реакцию на интерпретацию собственной роли в браке: находиться в зависимости от мужа, выполнять его поручения, удовлетворять его физические потребности.

Считаем выделенные тактики самоидентификации и самохарактеристики типичными для женского дискурса и продиктованными желанием получать больше внимания от мужа, доминировать в семье, подчинять себе домашних. Софью Андреевну следует отнести к числу сильных личностей: она хочет меняться, негативно реагирует на всё, что подавляет её индивидуальность.

Библиографический список

1. *Лапто М.А.* Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск, 2013.
2. *Савкина И.Л.* «Мои простые записки»: модели самоидентификации в дневнике Нины Лашиной // Шаги. Т. 3. № 1. 2017.
3. *Самофалова Е.А.* Самоидентификация личности женщины в воспоминаниях Софьи Андреевны Толстой // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30).
4. *Толстая С.А.* Дневники 1862–1910. М., 2022.
5. *Чулюкина М.Г.* Дневник М.М. Пришвина: поиски идентичности // Учёные записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150. Кн 4. Гуманитарные науки.

Г.В. Токарев

доктор филологических наук, профессор

заведующий кафедрой документооборота и стилистики русского языка

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

E-mail: grig72@mail.ru

ПРЕДУДАРНОСТЬ РИФМЕННОЙ СИСТЕМЫ В.В. МАЯКОВСКОГО И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭВОЛЮЦИЮ РУССКОЙ РИФМЫ В XX ВЕКЕ

А.П. Зименков

Аннотация. До настоящего времени предударно-заударная система рифмообразования В.В. Маяковского, новаторская по своему значению и результатам, глубоко и всесторонне не изучалась. Данная статья призвана привлечь внимание специалистов к этой проблеме. Приведенные в статье отзывы современников, высказывания поэтов и критиков 1930–1970 гг., статистические выкладки и суждения отечественных стиховедов, свидетельствуют о том, что Маяковский, отвергший ограничения, связанные с традиционной заударностью рифмы, во многом определил ее дальнейшую эволюцию в русской поэзии. Вслед за Маяковским, самым решительным и последовательным противником классической заударной рифмовки, которая доминировала в XVIII–XIX вв., а также после сборников И. Анненского, Вяч. Иванова, М. Кузмина, В. Хлебникова, И. Северянина, Б. Пастернака – многие другие поэты начали в рифменные созвучия осознанно и в большом количестве включать звуки не только справа, но и слева от ударного гласного. И эта регулярная левизна рифменных созвучий в итоге стала неотъемлемым свойством русской рифмы XX в. – от В. Брюсова до Е. Евтушенко и А. Вознесенского.

Ключевые слова: Маяковский, рифменное созвучие, заударная рифма, опорный согласный, предударный принцип рифмовки, поэзия XX в., статистические методы.

THE PRE-IMPACT OF THE V.V. MAYAKOVSKY RHYME SYSTEM AND ITS INFLUENCE ON THE EVOLUTION OF RUSSIAN RHYME IN THE 20TH CENTURY

A.P. Zimenkov

Abstract. Until now, the system of pre-percussive – post-percussive rhymes developed by Mayakovsky, innovative in its meaning and results, not been deeply and comprehensively studied. This article is intended to draw the attention of specialists to this problem. Reviews of contemporaries and poets of the 1930s and 1970s, opinions of participants in discussions about rhyme, the results of statistical analysis given in the article indicate that Mayakovsky, who rejected the limitations associated with traditional post-accent rhyming, largely determined the further evolution of Russian rhyme. Following Mayakovsky, the most resolute and consistent opponent of classical post-percussive rhyming, which dominated in the XVIII–XIX centuries, after publications by Annensky, Vyach. Ivanov, M. Kuzmin, Khlebnikov, Severyanin, Pasternak – other poets also started including sounds in rhyming consonances consciously and in large numbers locating them not only to the right, but also to the left of the stressed vowel. Later this regular leftism of rhyming consonances eventually became an integral property of the Russian rhyme of the 20th century – from Bryusov to Yevtushenko and Voznesensky.

Keywords: Mayakovsky, rhyming consonance, stressed rhyme, supporting consonant, pre-stressed rhyming principle, poetry of the 20th century, statistical methods.

В 1900–1920 гг. в русской поэзии происходила революционная по своей сути перестройка сложившейся в XVIII–XIX вв. системы русского стиха. «Поэтические эксперименты, – отмечал автор фундаментальных стиховедческих трудов М. Гаспаров, – велись в это время так же сознательно и систематично, как при Кантемире и Тредиаковском» [4, с. 215].

И, конечно, такая перестройка не могла пройти мимо одного из ключевых элементов поэтической системы – рифмы. В ее реформировании участвовали представители самых

разных направлений и творческих устремлений – В. Брюсов, К. Бальмонт, И. Анненский, Ф. Сологуб, Вяч. Иванов и З. Гиппиус, И. Рукавишников, А. Блок, М. Кузмин и С. Соловьев, В. Хлебников, И. Северянин и В. Шершеневич, В. Ходасевич, С. Есенин, А. Мариенгоф, И. Сельвинский и еще целый ряд других менее известных поэтов.

Они стремились расширить функциональные возможности рифменных созвучий. В связи с этим усилился процесс их деграмматизации, который привел к уменьшению числа рифм, образованных одинаковыми частями речи. Тавтологические, омонимические, поглощающие, паронимические, разновокальные, разноударные, гипердактилические, составные и неравносложные созвучия, ранее имевшие экзотический характер, превратились в органические и значимые элементы рифменной системы. Резко повысилась важность внутренних рифм, ставших связующим звеном фонической организации текста. С небывалой прежде свободой поэты начали использовать неточные рифмы, что кратно увеличило круг рифмуемых слов, менять от строфы к строфе способы рифмовки, прибегать к необычным строфоидным и астрострофическим построениям, легко сочетать рифмующиеся строки с нерифмующимися, избирать строфические схемы, не согласованные с ритмической, интонационной и синтаксической структурами текста. Был решительно изменен состав рифмующихся слов, в этой роли все чаще стала выступать иноязычная, политическая, научная, разговорная, бытовая лексика. Сделался шире круг грамматических форм, способных завершать строку и образовывать рифму, на этой позиции появились глаголы в повелительном наклонении, страдательные причастия, разные виды деепричастий, сравнительные степени прилагательных и др.

Маяковский находился в самой гуще «инновационных» процессов и внес огромный вклад в реформирование «классической» рифмы. Не случайно в «Очерках истории русского стиха» М. Гаспаров назвал период 1900–1920 гг. «временем Блока и Маяковского» [4, с. 214], и столь же высокую оценку Маяковскому дал Д. Самойлов в монографии «Книга о русской рифме»: «Влияние его рифмы навсегда запечатлелось в русской поэзии, не изгладилось до наших дней. С полным правом новый этап развития русской рифмы будет всегда носить имя Маяковского» [12, с. 288].

Одним из многих завоеваний, которым мы обязаны Маяковскому, стало освобождение рифменного созвучия от привычного заударного местоположения, канонизированного двухвекковой творческой практикой российских поэтов и закрепленного в общепринятом определении рифмы: «РИФМА <...> – созвучие в окончании двух или нескольких стихов. <...> Полнота созвучия в Р.<ифме> требует тождественности или, по крайней мере; слухового сходства целых слогов, *начиная с звука с ударением*» (полужирный курсив мой. – А.З) [14, с. 844].

Инерция такого понимания рифмы была настолько сильна, что даже после того, как предударно-заударные рифмы в результате коллективных усилий завоевали в русской поэзии зримые права гражданства, подобные определения продолжали встречаться в стиховедческих работах, например, в «Техники стиха» Г. Шенгели, периздававшейся на протяжении почти 40 лет: «Рифма есть созвучие двух или нескольких слов, заключающееся в том, что их ударные гласные одинаковы или соответственны (а-я, у-ю и т.д.), а все последующие звуки до конца слова звучат приблизительно одинаково. Пример рифмы: гОры – взОры – спОры – штОры; пляска – скАзка; мАленький – спАленки; топАзовая – покАзывая» [13, с. 113].

В XIX в. заударные рифмы доминировали. Их количество в 100 рифмопарах колебалось в пределах от 70 до 90. И только 10–30 % рифм создавалось с использованием предударных звуков. Согласно подсчетам М. Гаспарова¹, у К. Батюшкова на 100 рифм приходилось лишь 12–14 совпадений опорных звуков; у П. Вяземского – 14–15,5; А. Грибоедова – 19; Е. Баратынского – 10–14; Ф. Тютчева – 17–23. В «Евгении Онегине» Пушкина опорные звуки входят в рифменные созвучия только в 17 случаях из 100, а в стихах 1824–1836 гг. – в 16².

Возьмем стихотворение Пушкина «Демон». В нем 12 рифм. Девять – строго заударные: нОвы – дубрОвы, бытИя – соловья, чУвства – искуСства, любОвь – крОвь, наслаждЕний –

гэний, взгляд – яд, искушáл – презирáл, свободе – природe, глядéл – хотéл. Они задают тон. Рифменных созвучий, которые состоят не только из заударных, но и предупредных согласных и гласных, втрое меньше: осЕНя – мЕНя, встРéчи – Рéчи, клеветóю – мечТóю.

Академик М. Гаспаров выполнил громадную статистическую работу, чтобы установить, как часто у русских поэтов совпадают опорные звуки в рифмующихся словах. Привлеченный материал охватил период в 250 лет – от А. Кантемира, В. Тредиаковского, М. Ломоносова и А. Сумарокова до Е. Евтушенко, Р. Рождественского, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной и О. Чухонцева.

Результаты своего труда М. Гаспаров представил в итоговом монографическом исследовании «Эволюция русской рифмы», описывающем рифменный строй нашей поэзии XVIII–XX вв., а также использовал в «Очерке истории русского стиха» [4].

Оба этих источника чрезвычайно важны для понимания того, как развивалась отечественная рифменная система, и какую роль играл в этом процессе Маяковский. В частности, из статистических таблиц «Эволюции русской рифмы» следует, что в 1910-е гг. накануне перестройки русского стиха рифмы с совпадающими опорными звуками, как и во времена Пушкина, оставались в меньшинстве. В среднем в 100 рифмах содержалось менее 30 пар созвучных опорных: в 1890–1905 гг. – 20,7 таких пар, а в 1905–1913 гг. – 27,6.

Например, у С. Надсона в 1880–1886 гг. на 100 рифм приходится в среднем 12 таких случаев, у З. Гиппиус в 1889–1909 гг. – 17,6; В. Брюсова в 1906–1909 гг. – 13,5; А. Блока в 1902–1907 гг. – 20; А. Белого в 1904–1909 гг. – 18; С. Черного в 1907–1912 гг. – 23,5. У поэтов следующего поколения картина примерно та же: А. Ахматова, 1909–1914 гг. – 27 пар созвучных опорных на 100 рифм; О. Мандельштам, 1908–1915 гг. – 15,5; М. Цветаева, 1917–1918 гг. – 23.

Исключением выглядели творческие опыты с предупредностью И. Анненского, Вяч. Иванова, Ю. Верховского, М. Кузмина, имевших в рифмах высокие показатели совпадающих опорных звуков: Анненский («Кипарисовый ларец», 1909 г.) – 40; Вяч. Иванов, 1904–1911 гг. – 43,5; М. Кузмин, 1906–1911 гг. – 44; Ю. Верховский, 1907–1916 гг. – 41.

Ситуация кардинально изменилась после того, как футуристы В. Хлебников, Маяковский, Б. Пастернак, Н. Асеев и др. дали в своих текстах неточной рифме равные права с рифмой точной, и чтобы компенсировать ослабление заударных созвучий, стали с высокой активностью использовать для рифмовки предупредные гласные и согласные, и в итоге сделали созвучными больше половины опорных согласных. В поэмах В. Хлебникова 1912–1919 гг. – на 100 рифм приходится 51 пара созвучных опорных, в стихах В. Каменского 1914–1918 гг. – 72 таких случая, у Б. Пастернака в сборнике «Сестра моя жизнь» (1917 г.) – 82.

Эксперименты футуристов с левизной и неточностью вывели русскую рифму из тупика, связанного с объективной ограниченностью ресурса точных заударных рифм, и как следствие – ростом числа рифм «многообразного пользования», когда за словом «любовь» неизбежно следует слово «кровь».

По мнению М. Гаспарова, переломным стал 1913 г., когда с шумным успехом вышел «Громокипящий кубок» И. Северянина, где 100 рифм содержали в среднем 55 созвучных опорных [4, с. 255, 259], 10,7 % неточных женских рифм от общего числа женских рифм и 10,6 % мужских открытых неточных рифм от общего числа мужских открытых рифм.

Маяковский, один из главных творцов «новой рифмы», предстал перед читающей публикой самым решительным и последовательным поборником «левого» принципа рифмовки и энергичного освоения предупредного пространства рифмующихся слов.

Он сразу, с самых первых шагов (1912–1913 гг.), почти вдвое (по сравнению со средне-статистической «нормой» русской поэзии 1905–1913 гг.) увеличил в своих стихах количество совпадающих опорных: 52,6 на 100 рифм. В 1916–1918 гг. в поэмах и драмах данный показатель достиг у Маяковского невиданной в русской поэзии величины – 106,5 созвучных опорных на 100 рифм.

МОТ^ИВЫ – локоМОТ^ИВЫ («Любовь», 1913 г.); НАС^ИЛОВАТЬ – грАС^СИ^РОВАТЬ («Кофта фата», 1914 г.); СЛОВА – гоЛОВА («Ничего не понимают», 1914 г.); С^УД – понеС^УТ («А все-таки», 1914 г.); ПО^ЕДЕМ – ПО^БЕДЕ («Война объявлена», 1914 г.); катоРЖ^АНЕ – РЖ^АНЬЕ («Гимн судьбе», 1915 г.); СМ^ЕРИТЬ ИХ – СМ^ЕРТИ («Никчемное самоутешение», 1916 г.); КА^ДЕТ – ОД^ЕТ, ГД^Е-ТО – КА^ДЕТА («Сказка о красной шапочке», 1917 г.).

В творческой практике Маяковского таких случаев тысячи. Глубокие рифменные созвучия, всегда приветствовавшиеся в русской поэзии, стали у поэта правилом, структурным принципом рифмообразования, превратились в визитную карточку его рифменной системы.

Уровень созвучных опорных оставался у Маяковского очень высоким и в 1920-е гг.: «Про это», 1923 – 84,5; «Стихи об Америке, 1925 – 87; «Хорошо», 1927 – 103,5; стихи 1928–1929 – 85,8.

Такое отношение Маяковского к предупредительно-ориентированным рифмам объясняется, по нашему мнению, тремя причинами.

Первая, как и у других поэтов, была связана с резко возросшей заударной неточностью его созвучий. Д. Самойлов писал: «За пять предреволюционных лет (с 1912 г.) Маяковский создал структуру стиха, где преобладающее место занимали неточные рифмы.

В его лирике 1912–1916 гг. неточных рифм – 51,6 %.

В поэме «Облако в штанах» (1914–1915 гг.) – 51,1 %.

В поэме «Флейта-позвоночник» (1915 г.) – 61,4 %.

Явление это поразительно. Никогда еще рифма не изменялась так решительно» [12, с. 276].

И «расшатанность» своих заударных созвучий поэт стал настойчиво компенсировать совпадением согласных и гласных, расположенных в левой части рифмующихся слов: УД^АРЕНН^ЫЙ – У Д^АРВИНА («Гимн ученому», 1915 г.); («КАЗ^АРМ – БАЗ^АРОМ («Анафема», 1916 г.); Ф^ЕТ – КАФ^Е, К^УЧЕ – СК^УЧЕН («Надоело», 1916 г.); БриСТОЛЕ – на СТОЛИК, УДА^Р – ТРУДА («Братья писатели», 1917 г.). Так он поступал и в 1920-е гг.: ИСПОКО^Н – ОБЕСПОКО^ЕН («Весна», 1923 г.); РЕЖИ^МА – РЕШИ^МОСТЬ («Фабрика бюрократов», 1926 г.); ДЕВА^ЕТЕ – ИЗДЕВА^ТЕЛЬСТВ («Февраль», 1927 г.); лиБЕРА^Л – БЕР^Я, ОРЛА^МИ – ПА^РЛАМЕН^Т («Хорошо», 1927 г.); МАХНО – сМАХН^ЕМ («Десятилетняя песня», 1928 г.); ПРОСТА^Я – РАСТА^ЯВ («Теоретики», 1929 г.); проВОРО^НИТЕ – ФРО^НТЕ, СКРЫ^ТНЕ^НЬКИЙ – СамоКРЫ^ТИКИ («Тревога», 1930 г.).

По мнению М. Гаспарова, именно благодаря Маяковскому этот метод получил вскоре широкое распространение: «До сих пор интерес к опорным созвучиям и интерес к неточной рифме не связывались друг с другом: в экспериментах Брюсова и Блока с неточными рифмами не больше опорных, чем в других их стихах. Первым связал эти две тенденции Маяковский» [4, с. 259].

В результате последовательно проводимой фонетической компенсации усеченные рифмы у поэта «не звучат приглушенно, потеря согласного либо мало заметна, либо щедро восполнена предупредительными созвучиями» [12, с. 279].

Вторая причина заключена в стремлении Маяковского максимально семантизировать рифму: осуществляя ее деграмматизацию (статистика М. Гаспарова говорит о том, что поэт здесь ушел едва ли не дальше всех [6, с. 301]); отказываясь от флективных конечных созвучий в пользу корневых (способных создавать паронимический эффект), переходя при первой возможности к рифмовке слова со словом, Предупредительность и неточность предоставляли исключительные возможности для смещения центра созвучий в середину рифмопар. Здесь для поэта примером был В. Хлебников, о котором он с едва ли не восхищением писал: «Для Хлебникова слово – самостоятельная сила, организующая материал чувств и мыслей. Отсюда – углубление в корни, в источник слова, во время, когда название соответствовало вещи. Хлебниковские строки – Леса лысы. Леса обезлосили. Леса обезлисили – не разорвешь – железная цепь» [10, с. 24].

Была и еще одна причина, из-за которой рифмы Маяковского отличались сверхвысоким уровнем предупредности. Это глубинное желание сделать их максимально звучными, запоминаемо-яркими, удивляющими, фонически совершенными – независимо от их точности или неточности.

На эту особенность его рифм указывали многие исследователи – В. Жирмунский, В. Тренин, М. Штокмар, Д. Самойлов, Б. Гончаров и др.

Рифменное созвучие являлось для поэта в определенном смысле краеугольным камнем создаваемого текста, без которого «стих рассыплется», как неумело возводимое здание. В своей разобранной на цитаты статье «Как делать стихи?» Маяковский объяснял: «Рифма возвращает вас к предыдущей строке, заставляет вспомнить её, заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держать вместе. <...> поэтому её материал должен быть ещё крепче, чем материал, пошедший на остальные строки». Поэтому в конец строки надо ставить «самое характерное слово» и находит «к нему рифму во что бы то ни стало» [9, с. 105, 106].

По нашим подсчетам в 1912–1914 гг. точные рифмы, которые формально не требуют компенсации, Маяковский усиливал созвучными парами предупредных согласных и гласных с такой же регулярностью, что и рифмы неточные. Точные рифмы, «усиленные» созвучными предупредными, составляют у Маяковского 63 % от общего числа точных рифм (то есть две из трех точных рифм поэта являются к тому же «богатыми» или «глубокими»).

Это:

- рифмы, в которых созвучные предупредные звуки совпадают полностью: ПУГáя – поПУГáя («Ночь», 1912 г.), вХóдов – пароХóдов («Порт», 1912 г.), Глáз – Гáз («Уличное», 1913 г.), плАЧéвен – хАрЧéвен («Вывескам», 1913 г.), грАФíшь – АФíш («Театры», 1913 г.), паРик – кРик («А все-таки», 1914 г.), ГлАЗéт – ГАЗéт («Мама и убитый немцами вечер», 1914 г.);
- рифмы, в которых есть предупредные гласные и согласные, образующие точные созвучия, и есть предупредные гласные и согласные, образующие приблизительные созвучия: (кО-Феен – ОВеен («Я!»: «Несколько слов о моей жене», 1913 г.), беЗРукий – маЗуРке («Мама и убитый немцами вечер», 1914 г.);
- рифмы, усиленные только приблизительно созвучными предупредными согласными и гласными: реШеткой – Четкой («Утро», 1912 г.), гЛазу – Вазу («Утро», 1912 г.), Будня – сТудня («А вы могли бы?», 1913 г.), Пашни – Башни («Из улицу в улицу», 1913 г.), Были – Пыли («Послушайте!», 1914 г.);
- а также рифмы, усиленные созвучными согласными и гласными, позиции которых в рифмующихся словах не совпадают. Стихovedы называют такие созвучия – созвучиями с перемещением («перевбросом», метатезой) звуков. Примеры: Пёсьей – Процéссий («Вывескам», 1913 г.), Бога – Порога («За женщиной», 1913), Наружно – Нужно («Послушайте!», 1914 г.).

На наш взгляд, несмотря на разные формы участия предупредных гласных и согласных в образовании рифм, не подлежит сомнению, что они так или иначе усиливают их суммарную звучность.

Думается, именно высокая требовательность Маяковского к звучности своих рифм как таковых: и точных (в том числе за счет левых частей рифмующихся слов), и неточных (наши подсчеты говорят о том, что поэт компенсирует неточность заударной части рифмы в 67 случаях из 100) в конечном итоге и привели к сверхвысокой предупредности, присущей рифменным созвучиям поэта.

Словно отталкиваясь от приведенных выкладок, известный теоретик и историк русского стиха Ю. Минералов так характеризовал рифму Маяковского:

«Она, нам кажется, явление уникальное. <...> Для Маяковского характерна тяга... к синтетическим созвучиям. Он старательно прорифмовывал слова “насквозь” – и в пред-

ударной и в заударной частях: не пачкая/нэпачка, врезываясь/трезвость, попаду/помпадур, медведь/медоветь и т.п.

Обновлять рифму так, как это делал Маяковский, – несомненно объективно труднее. <...> Поступать как он – значило наложить на свою рифмовку дополнительные технические условия, обречь себя на напряженный поиск «многозвучных» рифм, несравненно более редких в языке, чем двух-трехфонемное созвучие, в какой зоне структуры слов оно бы ни располагалось. <...> Поэзия “в массовом порядке” вряд ли могла пойти по его пути» [11, с. 104].

Соглашаясь с этим утверждением, мы не можем не согласиться и с другим, высказанным Д. Самойловым, – о значимости освоения поэтом предударного пространства: «продвигая созвучия влево, Маяковский открывал новый этап в развитии русской рифмы» [12, с. 318].

Едва ли не первым из специалистов на левизну и необычную глубину рифменных созвучий поэта обратил внимание В. Жирмунский в своей книге «Рифма, ее история и теория» (1923 г.). В главке «Маяковский» он констатировал: «Разрушение созвучности в *заударной части рифмы* в большинстве случаев сопровождается у Маяковского компенсацией в *предударной части слова*. И в этом отношении он *идет гораздо дальше* своих предшественников: его рифмы не только не могут быть названы акустически бедными, они, напротив почти всегда богатые и глубокие» (полужирный курсив мой. – А.З.) [7, с. 218–219].

В. Жирмунский указал и на то, что предударность рифмы поэта во многих случаях нельзя объяснить одним лишь разрушением созвучности заударных частей рифмующихся слов, так как «Этой системе рифмовки *предударных* подчиняются также *точные и приблизительные рифмы*...». Что позволило ему сформулировать далеко идущий вывод: у Маяковского «как бы *намечается новая система рифмовки*, в которой организующий ритмические ряды повтор-рифма *располагается по обе стороны ударной гласной*» (полужирный курсив мой. – А.З.) [7, с. 219].

На книгу В. Жирмунского откликнулся рецензией В. Брюсов. В ней он выступил в поддержку новаторских опытов с предударностью рифменных созвучий: «*Новую рифму*, которая отныне должна *противопоставляться классической*, подготовили символисты, но вполне разработали только футуристы (всех больше – Б. Пастернак и Н. Асеев). В этом большая заслуга нашего футуризма в области техники стихотворства» (полужирный курсив мой. – А.З.) [2, с. 117].

В статье «Левизна Пушкина в рифмах» (1924 г.) он развил свою мысль: «Из стихов В. Маяковского, особенно же Б. Пастернака и Н. Асеева, можно уже вывести определенную *теорию новой рифмы*. <...> Различие между рифмой «классической» и рифмой «новой» вполне явно. Классическая рифма, рифма преемников Пушкина, обращала исключительное внимание на тождество или сходство ударных гласных в двух словах и *тех звуков, которые за этими звуками следуют вправо*, то есть на конец слова. <...> Новая рифма, сохраняя требование тождества или сходства ударных гласных, допускает значительное несходство звуков, следующих за ними, то есть конца слова, но *зато требует совпадения или близкого сходства звуков*, стоящих *влево* от ударного, то есть звука, идущего непосредственно перед ударным, так называемого «опорного», а также и части звуков, предшествующих ему. <...> Иначе говоря, *новая рифма выдвинула в рифме значение до-ударных звуков*, стоящих влево от ударного. <...> *Господствующие определения рифмы должны быть изменены*» (полужирный курсив мой. – А.З.) [3, с. 81–82].

Обычно стиховеды, говоря о русской рифме XX в., обращают внимание на ее неточность. Нам кажется, что заударная неточность рифменных созвучий этого периода – лишь внешнее отражение внутренней функциональной перестройки и нарастающей семантизации рифменной системы русского стиха, которые стали возможны, прежде всего, благодаря завоеванию предударного пространства рифмующихся слов.

Если на первом этапе предударные созвучия чаще использовали для компенсации заударной неточности, то чем дальше, тем больше они стали служить семантической переключке рифмуемых слов.

М. Гаспаров, так много сделавший для изучения опорных звуков рифменных созвучий в стихах русских поэтов, подчеркивал «историческую» роль левизны рифмы: «...именно распространение этого приема помогло неточной рифме стать из экспериментов Брюсова и Блока массовым и общеупотребительным средством в русской поэзии» [5, с. 34].

Сдвиг созвучия влево от ударной гласной, превращенный Маяковским и другими поэтами в систему, в сочетании с неточностью заударной части рифмы был подхвачен многими. В уже цитированной статье «Левизна Пушкина в рифмах» В. Брюсов свидетельствовал, что новая рифма получает все большее распространение, усвоена большинством пролетарских поэтов и постепенно покоряет стихи других поэтов, футуризму по существу чуждых [3, с. 81].

Статистические данные подтверждает слова В. Брюсова о массовом увлечении «новой рифмой» и предударностью. В течении первых 20 лет после начала перестройки рифменной системы число опорных созвучий в рифмах постоянно увеличивалось. В промежутке между 1913 и 1920 гг. на 100 рифм приходилось уже 38,4 пары созвучных опорных (по сравнению с 1905–1913 гг. рост почти в полтора раза). «...а в 1920-х гг., – пишет М. Гаспаров, – когда влияние Маяковского распространяется на более младших поэтов, он [показатель] поднимается еще выше: если не каждая, то каждая вторая рифма этого времени снабжена опорным звуком» [4, с. 259]. В период с 1920 по 1930 гг. на 100 рифм приходилось 49,8 пар созвучных опорных (по сравнению с 1905–1913 гг. рост почти в два раза).

Интерес к «левой рифме» не прошел мимо самых разных поэтов, о чем говорят показатели созвучности их опорных. А. Белый: «Пепел», 1904–1909 гг. – 18; «Первое свидание», 1921 г. – 35,5. О. Мандельштам: стихи 1908–1915 гг. – 15,5; стихи 1935–1937 гг. – 28. М. Цветаева: стихи 1910–1915 гг. – 32,5; «Царь-девица», 1920 г. – 43. С. Есенин: стихи 1914–1915 гг. – 25; стихи 1914–1925 гг. – 34. Больше других увлекся «левой рифмой» В. Брюсов. В стихах 1922–1924 гг. он превзошел Маяковского, доведя показатель созвучности опорных до 113.

Во второй половине 1920 гг. речь уже шла не об отстаивании предударно-заударной рифмовки, активно используемой в творческой практике, а об осмыслении ее семантической функции и закреплении ее статуса в текущем литературном процессе. Этому была посвящена статья «Наша рифма» (1928 г.) Н. Асеева, одного из творцов «новой рифмы». Н. Асеев выступил против попыток поэтов нового поколения «вернуть реку речи вспять», обратиться к «достижениям прошлого, давно устаревшим и бездейственным» [1, с. 129]. Так, в рифмах Ильи Сельвинского, которого относил к лучшим представителям этого поколения, ему виделась бессильная смесь «древнего классического способа рифмовки с новыми, модернизированными и не доведенными до полноты звучания комплексами звуков» [1, с. 129]. В книге «Юго-Запад» Эдуарда Багрицкого он указывал на то же смешивание всех способов рифмообразования, «возвращение к старым методам», допускающим появление устарелых рифмопар типа: шаланду – контрабанду, тьме – корме, жилам – светилам, просторе – море, зной – вой, путей – гусей [1, с. 129–130].

Статья Н. Асеева «Наш рифма» (1928 г.), как нам кажется, являлась во многом справедливой реакцией на тогдашнюю низкую поэтическую культуру многотысячной армии пишущих стихи, и обусловленные этим общую бедность семантической функции рифмы, ее низкое фонетическое качество, невыразительность и банальность. По существу, Н. Асеев в статье выступил против всего того, с чем упорно боролся Маяковский.

Однако коренным образом изменить ситуацию можно было только путем перехода к новому качеству культуры и образованности, на что требовалось время. Также не следует забывать о государственной политике в области литературы и искусства, которая была на-

правлена против русского авангарда. Поэтому увлечение неточностью и левизной «новой рифмы», достигнув максимума к середине 1930-х гг., начало снижаться. Обновленная рифма предударная и неточная и ее экстремальные формы в 1930-е гг. теряют свою привлекательность. Набирает силу процесс возвращения к традиционным «пушкинским» формам стиха, которому оказались подвержены и зачинатели «рифменных переворотов». Например, у Б. Пастернака показатель созвучных опорных опустился с 70–80 в 1920 гг. до 35 в 1935–1941 гг. У Н. Асеева, по данным Д. Самойлова в «Семене Проскакове» (1927–1928 гг.) неточные составляли 55 %, а в поэме «Маяковский начинается» (1936–1939 гг.) их остался 31 %.

Как следствие – в рифме усиливается ее «классическая» флективность, ослабляется «корневое» начало и связанные с этим семантические возможности, теряется ее свежесть и звучность. И все-таки воздействие творцов «новой рифмы» было настолько глубоким, возможности, которые давали ее неточность, предударность и другие качества, – настолько очевидными, что ни в 1930-е гг., ни потом русская рифма не возвратится к своему «классическому» виду. О чем свидетельствуют статистические показатели созвучности опорных: 1930–1935 гг. – 56,5 (для сравнения: 1920–1930 гг. – 49,8), 1935–1945 гг. – 38; 1945–1960 гг. – 38; 1960–1975 гг. – 49,8.

В 1930–1950 гг., не лучшие для «новой рифмы», свое веское слово сказало наследие Маяковского и всего русского поэтического авангарда, которое было для нескольких поколений поэтов примером большой раскрепощающей силы. Молодых окрыляло стремление Маяковского к постоянному обновлению, отношение к творчеству как непрерывной «езде в неизвестное». Это касалось и «новой рифмы» с ее демонстративной левизной и неточностью.

В конце 1930-х принципы левой рифмовки Маяковского зримо проявились в стихах П. Когана, М. Кульчицкого, Б. Слуцкого, Б. Смоленского, где много предударных и неточных созвучий – естественных и органичных, ярких и неожиданных. Они говорят сами за себя. Кажется, что в них нельзя не услышать «голос» рифм Маяковского.

П. Коган: тени – сплетенье, задумчив – тучи («В этих строках все: и что мечталось...», 1934 г.); весне – во сне, зажали бы – жалобы («Весна разлилась по лужицам...», 1934 г.); грубы – забыть («Быть может, мы с тобой грубы...», 1935 г.); наверно – в таверны («Поговорим о счастье», 1936 г.); в поле жуть – подхожу («Звезда», 1937 г.).

М. Кульчицкий: клипер – гибель, Бордо – бедро, глаза – как залп, Петр – пот («Маяковский», 1939 г.); дыма – молодыми, всполошился – Белошицы, ворох – затоворы («Белошицы: Песня о Щорсе»); хромаете – романтик («Высокохудожественной строчкой не хромаете...»); знаках – запах, улиц – улыгнулись («Друг заветный!..», 1939 г.).

Б. Слуцкий: зловещий – вещи, лучи – заполучить, кости – хвостик («Конец: Абрам Шапиро»); обществе – ошупью («Золото и мы»); запахом – западом, жестоким – востоком, трупный – крупной («Деньги пахнут грозным запахом...»); лучших – колючей, до зари – говорит («В шесть часов утра после войны»); у танка – портянки, причина – кирпичина («Солдат и дорога»).

Б. Смоленский: ранит – вечерами, разве – праздник («Баллада памяти», 1938 г.); в днях – подняв, костенел – на стене («В тот год, когда, теряясь в днях...»); на стене – простыней («Ветренный день», 1939 г.); нагни – огни, сном – лесном («Как лес восстановить по пням?», 1939–1940 гг.); апрель – акварель, молодой – ладонь («Когда сквозь зимние недели...», 1939 г.).

В середине 1950 гг., когда рифма снова оказалась в центре горячих споров, Маяковский – уже как непререкаемая творческая традиция – опять помог новому поколению поэтов (Е. Евтушенко, Р. Рождественский, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина) возродить и развивать разработанные в эпоху Серебряного века принципы левой неточной рифмы. «То наиболее ценное, чем обогатилась рифма за последние годы, представляет собой продолжение и развитие принципов рифмовки, разрабатывавшихся Маяковским», – так критик и литературо-

вед Н. Калитин обозначил место поэта в новой перестройке рифмы, к сожалению, при этом не упомянув других творцов «новой рифмы» [8, с. 338].

В следующие два десятилетия левизна и неточность рифменного созвучия прочно утвердились в русской поэзии, стали, пусть и в разной степени, неотъемлемыми свойствами рифм как «поэтов-новаторов, так и «поэтов-традиционалистов».

Процент женских неточных рифм от числа всех женских рифм (статистика М. Гаспарова):

Для сравнения: Пушкин, стихи 1824–1836 гг. – 0 %; Лермонтов, 1836–1841 гг. – 0,3 %; Брюсов, 1906–1909 гг. – 6,3 %; Блок, 1908–1916 гг. – 5,1 %.

В. Боков, 1959–1964 гг. – 29 %; Ф. Федоров («Седьмое небо», 1959–1967 гг.) – 28 %; В. Соколов, 1960–1966 гг. – 19,8 %; А. Яшин, 1962–1968 гг. – 36,1 %; Н. Рубцов, 1962–1969 гг. – 27,9 %.

Е. Евтушенко, 1953–1955 гг. – 58,1 %; В. Соснора, 1960–1966 гг. – 84,9 %; Б. Ахмадулина, 1963–1965 гг. – 54,4 %; А. Вознесенский, 1964–1967 гг. – 73,7 %, Р. Рождественский, до 1970 г. – 82,4 %.

Количество пар созвучных опорных согласных и гласных на 100 рифм (статистика М.Л. Гаспарова):

Для сравнения: Пушкин, стихи 1824–1836 гг. – 16; Лермонтов, 1836–1841 гг. – 11,5; Брюсов, 1906–1909 гг. – 13,5; Блок, 1908–1916 гг. – 22,5.

В. Боков, 1959–1964 гг. – 55; Ф. Федоров («Седьмое небо», 1959–1967 гг.) – 33; В. Соколов, 1960–1966 гг. – 45,5; А. Яшин, 1962–1968 гг. – 21,5; Н. Рубцов, 1962–1969 гг. – 33,5.

Е. Евтушенко, 1953–1955 гг. – 63,5; В. Соснора, 1960–1966 гг. – 90; Б. Ахмадулина, 1963–1965 гг. – 61; А. Вознесенский, 1964–1967 гг. – 61,5; Р. Рождественский, до 1970 г. – 69,5.

На укороение левизны и заударной неточности в советской поэзии 1950–1970 гг. указал Д. Самойлов в «Книге о русской рифме»:

«...сравнивая отдельные элементы традиционного и новаторского стиха, можно сказать, что и в том и в другом важнейшие элементы претерпели сходные изменения.

Жар – лежал, жизнь – подпишись, убыль – губы, лучший – послушай, за день – присядем, суметь – смерть, слепые – пыли, осени – колесами, обратили – побратимы, этом – эхом и т.д.

Это рифмы из стихов «традиционного» Твардовского.

Широко – молоко, галдел – глядел, жгло – тяжело, лез – лес, устало – встала, полна – она, идет – берет, вдали – могли и т.д.

Это рифмы из «нетрадиционного» Р. Рождественского» [12, с. 36].

Таким оказался итог полувекового «усвоения» русской рифмой принципа предупредности, выведший ее в 1910-е гг. из фонетического и семантического тупика, принципа, для становления и распространения которого Маяковский сделал очень много.

Примечания

¹ Здесь и далее использованы статистические данные таблиц, опубликованных в работе М. Гаспарова «Эволюция русской рифмы» [6, с. 290–325].

² В «Эволюции русской рифмы» М. Гаспаров объяснил свою методику подсчетов опорных звуков. Приводим это объяснение, так как оно позволяет правильно интерпретировать статистические данные в таблицах М. Гаспарова: «Элементом точности является и показатель опорных звуков (оп. з.) – среднее на 100 строк количество совпадающих звуков влево от ударного гласного до первого резко не совпадающего согласного («нерезким несопадением» считались, например, *д* и *дь*, *д* и *т*, но *дь* и *т* – уже «резким несопадением»). Так, для рифмы ограда – отрада учитывался 1 опорный звук, для рифмы ограда – конокрада – 2, для рифмы ограда – мимо града – 3» [6, с. 295].

Библиографический список

1. *Асеев Н.* Наша рифма // Асеев Н. Дневник поэта: сборник статей. Л., 1929.
2. *Брюсов В.* О рифме // Печать и революция. 1924. Кн. 1. Январь – февраль.
3. *Брюсов В.* Левизна Пушкина в рифмах // Печать и революция. 1924. Кн. 2. Март – апрель.
4. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984.
5. *Гаспаров М.Л.* Фоника современной русской неточной рифмы // Поэтика и стилистика, 1988–1990: сборник статей. М., 1991.
6. *Гаспаров М.Л.* Эволюция русской рифмы // Гаспаров М.Л. Избранные труды. М., 1997. Т. III. О стихе.
7. *Жирмунский В.* Рифма, ее история и теория. Пг., 1923.
8. *Калитин Н.* Слово и время: о поэтическом мастерстве В.В. Маяковского. М., 1967.
9. *Маяковский В.* Как делать стихи? // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1961. Т. 12.
10. *Маяковский В. В.В.* Хлебников // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1961. Т. 12.
11. *Минералов Ю.* Современная русская рифма, ее теория и предыстория // Минералов Ю.И. Поэтика. Стиль. Техника. М., 2002.
12. *Самойлов Д.С.* Книга о русской рифме. М., 2005.
13. *Шенгели Г.* Техника стиха: Практическое стиховедение. М., 1940.
14. Энциклопедический словарь: в 82 и 4 доп. полутомах / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1899. Т. XXV а [52].

А.П. Зименков

*старший научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы
и литературы русского зарубежья*

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва

E-mail: zimvid@yandex.ru

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА В.В. МАЯКОВСКОГО КАК ЖИЗНЕТВОРЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ: ПРОЧТЕНИЕ ЧЕРНОВЫХ СТРОК ПОЭМЫ «V ИНТЕРНАЦИОНАЛ» В КОНТЕКСТЕ АДРЕСОВ И ТЕЛЕФОНОВ КРУГА ПОЭТА

Т.А. Купченко

Аннотация. Статья рассматривает ранее не публиковавшуюся в полном виде записную книжку В.В. Маяковского № 16, содержащую черновые строки неоконченной поэмы «V Интернационал». Они занимают два листа, остальные страницы заполнены записями адресов и телефонов. Записные книжки Маяковского представляют собой жизнетворческий документ, в котором разделение на творческое и бытовое условно. Напротив, анализ бытовых подробностей помогает лучше понимать творческие устремления поэта. Анализ записей адресов и телефонов в книжке № 16 позволяет распределить их по нескольким «сюжетам». Часть из них связана с литературной борьбой этого периода. Имеются пометы, обращенные к Л. Брик и финансовые расчеты. Выделяются адреса и телефоны людей круга театра и кино; иностранные адреса. На страницах книжки косвенно нашла отражение дискуссия о новом искусстве, начатая в связи с пятилетием революции. Она введена адресом и именем критика Г. Устинова. Положения его статей находим в черновых строках поэмы, записанных в книжку. Дискуссия косвенно вводит в текст полемику с А. Луначарским и В. Лениным в связи ранее написанной поэмой «150 000 000», неудача с которой потребовала написания «V Интернационала». Адреса и телефоны, зафиксированные в книжке, опознаются как принадлежащие переводчикам, поэтам, художникам, критикам, деятелям Тео Наркомпроса, сочетающим в работе искусство и партийную идеологию, направляющие силы на пересоздание искусства в русле народного театра, как В. Тихонович конструктивистского профессионального, как соратник Мейерхольда, И. Аксенов. Это творцы профессионального обучения искусству нового типа, как Равдель, несущие образ нового русского искусства за границу, как жена Г. Баланчевадзе Т.Л. Жевержеева; женщина-кинорежиссер, входившая в круг Л. Брик – Маяковского, Ю. Солнцева. Записи вводят в контекст творческой работы периода создания книжки новаторскую театральную деятельность Маяковского, а также его творчество как художника. В итоге показано, как имена и телефоны отсылают к проблематике, заявленной в поэме «V Интернационал», – центральному творческому документу всей книжки.

Ключевые слова: Аксенов, авангард 20-х гг., жизнетворчество, записные книжки, Маяковский, Мейерхольд, «V Интернационал», Устинов.

NOTEBOOK OF V.V. MAYAKOVSKY AS A LIFE-MAKING DOCUMENT: READING THE DRAFT LINES OF THE POEM «V INTERNATIONAL» IN THE CONTEXT OF ADDRESSES AND PHONES OF THE POET CIRCLE

Т.А. Kupchenko

Abstract. The article considers notebook of V. Mayakovsky № 16 unpublished previously, containing the draft lines of the unfinished poem «V International». They occupy two sheets, the rest of the pages are filled with records of addresses and phones. Mayakovsky's notebooks are a life-making document in which the division into creative and everyday is conditional. On the contrary, the analysis of domestic details helps to understand better the creative aspirations of the poet. Analysis of the records of addresses and phone numbers in book № 16 allows them to promote several «plots». Some of them are associated with the literary struggle of this period. There are notes addressed to L. Brik and financial calculations. The addresses and phones of the people of the theater and cinema are distinguished; Foreign addresses. On the pages of the book, the discussion started about the new art in connection with the five-year anniversary of the revolution,

was indirectly reflected. It is introduced by the address and the name of Critic G. Ustinov. The provisions of his articles are found in the draft lines of the poem recorded in the book. The discussion indirectly introduces into the text polemics with A. Lunacharsky and V. Lenin in connection with the previously written poem «150,000,000», the failure with which demanded the creation of «V International». Addresses and telephones recorded in the book are identified as belonging to translators, poets, artists, critics, figures of Theo People's Commissariat of People's Commissariats, combining art and party ideology in work, guiding forces to recalculate art in the channel of the folk theater, as V. Tikhonovich of constructivist professional, as a comrade Meyerhold, I. Aksenov. These are creators of vocational training in art of a new type, like Ravdel, carrying the image of new Russian art abroad, as the wife of G. Balachevadze T.L. Zheverzhev; A woman-register, who was part of the circle of L. Brik – Mayakovsky, Yu. Solntsev. The records introduce the innovative theatrical activity of Mayakovsky, as well as his work as an artist, into the context of the creative work in the period of writing the book. As a result, it is shown how the names and phones are referred to the problems stated in the poem V Interanational, the central creative document of the whole book.

Keywords: Aksenov, avant-garde of the 20s, life-making, notebooks, Mayakovsky, Meyerhold, V International, Ustinov.

Записные книжки В. Маяковского до сих пор не были полностью расшифрованы и опубликованы. Эта работа ведется в настоящее время для академического собрания произведений поэта в 20-ти томах. Записная книжка № 16¹ относится к одной из самых интересных и трудоемких для расшифровки среди сохранившихся книжек поэта. Записные книжки Маяковского представляют собой документ житнетворческого характера. В них находятся как черновики произведений, рифмы, наметки, так и беловики больших поэм, стихотворений, тезисы выступлений. В то же время книжки содержат большое количество бытового материала: расписок, адресов, телефонов, денежных подсчетов, рисунков. Довольно часто, особенно в заграничных поездках, в них ведутся записи рукой других лиц.

Записная книжка № 16 отражает работу над поэмой «V Интернационал». Строки этого, так и оставшегося недописанным, текста не имеются ни в каких других сохранившихся черновиках поэмы и дополняют основной ее текст, записанный в ЗК № 16. Она датируется маем-декабрем 1922 г.

Черновик «V Интернационала» занимают всего два листа – лл. 3 и 4. Остальные заполненные страницы (22 из 51 листа) представляют собой «нетворческие» записи. Но особенность подобных текстов, когда они принадлежат поэту, состоит в том, что любые бытовые вещи так или иначе связаны с творческим процессом и являются жизненным комментарием к нему. Это мы и попробуем показать на примере книжки № 16.

Блокнот в обложке из желтого бристольского картона с клапаном, небольшого размера (12 см х 8 см), с изящным рисунком, был, возможно, взят Маяковским в поездку в Берлин-Париж-Берлин, состоявшуюся 6 октября – 12 декабря 1922 г. На это могут указывать содержащиеся в ней записи трех иностранных адресов: берлинский адрес Пастернака (л. 2) и два нью-йоркских. Один на л. 11 об. – Марии Моравски, второй на л. 49 – Давида Бурлюка. Все остальные адреса – московские.

Все имеющиеся бытовые записи, поддающиеся на данный момент комментированию, распадаются на несколько «сюжетов»: связанные с литературной борьбой этого периода и отразившиеся в строках поэмы «V Интернационал»; записи, обращенные так или иначе к Лиле Брик; финансовые записи, по-видимому, возникшие на фоне попытки организации издательства «МАФ» – «Московский, в будущем – международной – ассоциации футуристов» с рижским коммерсантом В. Зивом, для чего большие усилия приложила Л. Брик; адреса и телефоны людей круга театра и кино; иностранные адреса. Остановимся на двух сюжетах: «литературная борьба» и «театр» [6].

Лл. 3, 4 содержат черновой автограф строк 496–520 и 520–529 поэмы «Пятый Интернационал», сделанный простым карандашом:

*Пролеткультцы не говорят/
не про Я не про личность./
Я для пролеткультца все-/
равно что неприличность/
и чтоб была поэзия коллекте-/
вистичней чем у футуриста/
в место я с то говорят мы с та/
А по моему/
если говорить мелкие/
вещи/
Сколько не заменяй /
Я/
Мы /
не вытацишься из лири-/
ческой ямы /
А я говорю Я /
и это я /
вот /
год за годом как карты в око /
с ~~высоты~~ с прошлых много-/
вековых высот (Л. 3)
видит высоты грядущих/
веков/
если подо мной/
и города муравейников менее/
То мне наплевать на вся/
кие местоимения/
Земля подо мной/
капель из под микроскопа/
загогулина и палочка и загогулина/
лежит \европа/ грудой раскопок/
гулом пушек обложенная огульно (Л. 4)*

Тема, которой посвящены эти строки, та же, что и тема черновых строк поэмы «150 000 000» (1921 г.), вычеркнутых из беловика: «Это Я/ Я, Я. /Я /Я /Я /Я / Земли вдохновенный ассенизатор» [7, с. 309]. Продолжая свои в «V Интернационале», Маяковский как будто бы восстанавливает свое право на «я». В незаконченной последней поэме «Во весь голос» вновь звучит этот важный мотив: «Я сам расскажу/ о времени/ и о себе.// Я, ассенизатор/ и водовоз...» [7, т. 10, с. 279].

Запись «2 25 – 28/ Устинов Изв. <естия>»² на обороте л. 4 представляет собой номер телефона сотрудника газеты «Известия» Г.Ф. Устинова (1882–1932 гг.). Он был журналистом, писателем, членом РСДРП. В 1918 г. являлся ответственным редактором газеты «В пути» (издавалась в бронепоезде Л. Троцкого). Заведовал лекционным отделом Центропечати, работал в газетах «Правда», «Известия», «Красная газета». Входил в группу «Пролеткульт», активно публиковался как литературный критик. В 1921 г. исключен из партии. Автор сборника рассказов «Пропавшие годы», (1926 г.) романа «Черный ветер (так!)» (1926 г.), агитброшюр

«В коммуне» (1918 г.), «Интеллигенция и Октябрьский переворот» (1918 г.), «Крушение партии левых» (1918 г.), «Российская коммунистическая партия (большевиков)» (1920 г.), «Трибун революции» (о Троцком), сборника критических статей «Литература наших дней» (1923 г.). Близкий друг С. Есенина, с которым тот провел последние дни своей жизни. Именно Устинов обнаружил тело в гостинице «Англетер».

В 1922 г., в пятилетие со дня свершения революции, на страницах газеты «Известия» и была развернута дискуссия на тему: удалось ли создать за прошедшие годы подлинно пролетарскую литературу? В ней принимали участие Георгий Устинов, нарком просвещения А.В. Луначарский, поэт Сергей Городецкий, критики и историки литературы П.С. Коган и Б.В. Гиммельфарб (который также упоминается в черновиках и беловиках поэмы «IV Интернационал» (см. ЗК№ 14. Л. 48)³, писатель Павел Логинов. По оценке Устинова, создавалось «до обидного мало действительно коммунистических произведений... Творили коллективно, полагая, что именно коллективное творчество и является признаком коммунистического произведения. ...И, однако, из всех этих затей ничего, кроме самодельщины, не выходило» (Известия. 1922. 11 января, цит. по: [11]). Как видим, Маяковский на предыдущем листе в черновиках поэмы практически этими же словами дает свой ответ главный вопрос дискуссии.

6 сентября 1922 г. в «Известиях» вышла статья Г. Устинова «Не с того конца», в которой он анализирует состояние литературы и отмечает творчество Вс. Иванова, Б. Пильняка, С. Семенова, Н. Никитина, М. Зощенко, Л. Лунца, К. Федина и др. С ним полемику ведет критик П. Коган в «Письмах о русской литературе» (июль 1922 г. – январь 1923 г.): «Не пришел поэт, который встал бы в уровень с революцией» (1922. 7 ноября, см. [11]). Можно представить, что Маяковский, стремившийся занять место поэта, представляющего революцию, являющегося в своем творчестве синонимом революции, был задет невниманием к своему творчеству. Ведь в 1921 г. он выпускает анонимную поэму «150 000 000» (М.: Гиз, 1921 г.), которая говорит устами самого революционного народа. Поэма, посланная В. Ленину, вызвала резкое неприятие последнего: «Как не стыдно голосовать за издание «150 000 000» Маяковского в 5000 экз.?

Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность.

По-моему, печатать такие вещи лишь 1 из 10 и не более 1500 экз. для библиотек и для чудаков.

А Луначарского сечь за футуризм» [7, с. 330–331].

Отзыв Ленина о Маяковском стал известен в литературной среде, что открыло возможность нападок на поэта, в частности была написана критическая статья Сосновского. «IV и V Интернационал», произведения «об искусстве через пятьсот лет» [9, т. 1, с. 26], должны были реабилитировать Маяковского.

Однако это сделала не вещь об искусстве, а стихотворение о бюрократии. 4 марта в «Известиях» 1922 г. Маяковский публикует стихотворение «Прозаседавшиеся» [8, т. 1, с. 166], которому, в отличие от поэмы «150 000 000» В. Ленин 6 марта 1922 г. в речи «О международном и внутреннем положении Советской республики» дал высокую оценку, после чего Маяковского стали печатать в центральных газетах: «Известиях», «Правде» и т.д.

Связь искусства с политикой, а, значит, с актуальным жизненным процессом, отражает и запись на обороте л. 48 : «*Остоженка, 7 кв. 82*».

Это адрес Елизаветы Севериановны Семеновой, работника Народного комиссариата земледелия, существовавшего в 1917–1929 гг. Наркомзем занимался в том числе и последствиями голода. Маяковский неоднократно выступал в пользу голодающих. Так, 19 февраля 1922 г. в Доме печати поэт выступил в пользу голодающих Поволжья, а антракте спектакля мастерской Фореггера провел аукцион, продав, в том числе и книгу «Все сочиненное Владимиром Маяковским» с инскриптом: «Отдавшему все для голодных сел/Дарит Маяковский свое «Все» [3, с. 548].

2 марта на выступление в Политехническом музее на вечере «Поэты – голодающим», «выйдя на усиленные вызовы публики, Маяковский заявил, что прочтет свою новую вещь «Пролог к четвертому Интернационалу» только в том случае, если публика хорошо пожертвует в пользу голодающих. В результате обхода аудитории Маяковским была собрана значительная сумма, которая вместе с пожертвованиями присутствующих поэтов составила 16 миллионов рублей, здесь же переданных члену комиссии Помгола» [3].

Также поэт создал тексты для агитплакатов в помощь голодающим Поволжья: «Товарищи! Граждане! Всех бороться с голодом зовет IX съезд Советов», «В РСФСР 130 миллионов населения», «Надо помочь голодающей Волге!», «Гужева повинность заменяется трудгужналогом».

Таким образом, поэма об искусстве должна была послужить практической пользе людей, переживших гражданскую войну.

Многочислены адреса и телефоны в книжке, которые отсылают к людям театра и кино. Театральное искусство, как и литература, пробует в это время дать образцы искусства нового типа, соответствующие новому типу жизни, который строится в социалистическом государстве. В 1918 г. Маяковский создал «Мистерию-буфф», постановщиком которой стал Вс. Мейерхольд, в дальнейшем разрабатывающий и осуществлявший на практике программу «Театрального Октября».

Л. 1 об. содержит запись «93–23/ Иван Алекс./ Аксенов». Иван Александрович Аксенов, поэт и переводчик, литературный и художественный критик, исследователь театра, член футуристической группы «Центрифуга», работал вместе с Вс. Мейерхольдом с начала 1920-х гг.: являлся первым ректором Высших Театральных мастерских (ГВЫТМ – ГВЫРМ, 1922–1923 гг., где преподавал Мейерхольд), вел курс «Английский театр»; вместе с Мейерхольдом и В. Бебутовым написал книгу «Амплуа актера» (1922). Также он создал нескольких критических статей о творчестве Маяковского [1].

В 1922 г. Аксенов сделал по заказу Мейерхольда перевода пьесы Кромелинка «Великодушный рогоносец» для новаторского спектакля с М. Бабановой и И. Ильинским в Театре актера. Действие происходило на конструкции, выполненной авангардистской художницей Л. Поповой.

Запись телефона Аксенова в книжке Маяковского, по-видимому, возникла в связи с подготовкой к диспуту о постановке «Великодушного рогоносца» 15 мая 1922 г., в котором поэт принял участие («Вечерние известия», 1922, 22 мая; «Эрмитаж», 1922, № 2.). Новаторская постановка в стиле конструктивизма требовала защиты: «...Луначарскому, естественно, не могут нравиться ни выстроенные Мейерхольдом конструкции, станки, лестницы, скаты и прочие сценические сооружения, ни прозодежда, в которую он облачил исполнителей.

– Анатолий Васильевич, – говорил Маяковский, – не только нарком, но еще и драматург, и в своих пьесах он чаще всего любит выводить на сцену венценосных королей и иных величественных и важных персонажей. А теперь представьте себе его негодование и ужас, – продолжал он, – если Всеволод Эмильевич вздумает нарядить этих царственных особ в прозодежду. Мало того, а вдруг ему придет фантазия заставить всех этих королей и героев кувыряться, карабкаться по лестницам или скатываться по этим скользким трапам... на собственной мягкой части тела! Как тут не вознегодовать? Это ли не плевок в душу» [5, с. 603].

К этому же диспуту, скорее всего, имеется отношение и запись на обороте л. 38 рукой неустановленного лица: «*Деж<урному>. адм<инистратору>./ Постоянно давать/_место Маяковскому/_МРаду <подпись>*». Но, возможно, записка имеет отношение и к выступлению поэта 18 августа в 3-й студии МХАТ на диспуте «Современные писатели и революционный народ».

Л. 51 содержит запись «*Равдель*». Возможно, речь идет о Ефиме Равделе. В 1920–1922 гг. он был директором ВХУТЕМАСа (1918–1930 гг.) – Высших художественно-технических

мастерских, возникших на базе Московского училища живописи, ваяния и зодчества и Строгановского училища – экспериментального института, обучавшего искусству на неклассических основаниях. Руководил закупками произведений художников-авангардистов для музеев в Екатеринбурге. Вместе с А. Грановским и Н. Альтманом оформлял московскую постановку «Мистерии-буфф» В. Маяковского для участников конгресса III Интернационала в Москве (июнь 1921 г.). Был дружен с О. Бриком. После отставки из ВХУТЕМАСа эмигрирует из России.

Телефон «16-71 171-07», записанный Маяковским чуть ниже, относится как раз к ВХУТЕМАСу.

Запись «57-40 Тихонович» также имеет отношение к работе по созданию нового типа театра. По-видимому, речь идет о Валентине Владимировиче Тихоновиче, члене Моссовета и Губернского профсоюза работников искусств, работавшего также ТЕО Наркомпроса (1918–1920 гг.), возглавляемого Вс. Мейерхольдом. В. Тихонович являлся историком и практиком народного театра еще до революции.

Новый подотдел исключал из своего ведения «очаги старой театральной культуры – профессиональные театры, чуждые пролетарским и крестьянским массам» [2, с. 9]. «Работа Подотдела и некоторых других подразделений Наркомпроса стала открытой площадкой для обсуждения путей развития массовых зрелищных форм и различных форм общественного быта: действ, политических манифестаций, самодеятельности и т.п.» [2, с. 9]. «Рабочие мероприятия отдела и проводимые им конференции стали в первые послереволюционные годы местом встреч и дискуссий Алексея Гана (теоретика конструктивизма, руководившего созданной осенью 1919 г. Секцией массовых представлений и зрелищ), Николая Львова, Платона Керженцева (от Пролеткульта), Валентина Тихоновича, Вячеслава Иванова, Всеволода Всеволодского-Гернгросса и многих других, как правило, скептически настроенных по отношению к профессиональному театру, однако отнюдь не всегда отвергавших преемственность в культуре и инициативы в области народного просвещения» [2, с. 9]. Тео работал над созданием нового революционного театра, нового репертуара, соответствующего идеологии нового государства.

Часть адресов имеет отношение к дореволюционным связям поэта.

Так, в словах «Ср. Кисловка/3 Пронин/31/1.» (л. 3 об.) бросается в глаза фамилия Бориса Константиновича Пронина (1875–1946 гг.), одного из основателей артистического кабаре «Бродячая собака» (1911–1914 гг.) и клуба «Привал комедиантов» в Санкт-Петербурге, где выступали все основные поэты эпохи, среди которых был и Маяковский и В. «Бродячей собаке» выступали главные поэты эпохи: М. Кузмин, А. Ахматова, Н. Гумилев, Р. Ивнев, Ю. Анненков, О. Мандельштам, Г. Иванов, Н. Клюев, И. Северянин, В. Маяковский, читал лекции Ф. Маринетти. Бывали художники Н. Альтман, М. Шагал, М. Григорьев, М. Добужинский, А. Бенуа.

Если в этой же записи Маяковского под «Ср. Кисловка» имеется в виду Средний Кисловский переулок, то, возможно, он отсылает к немецкому художнику, кинорежиссеру, сценаристу В.А. Тривасу (1896–1970 гг.), который работал в московском театре Госет с режиссером А. Грановским, поставившим в 1920 г. «Мистерию-буфф» для III Конгресса Коминтерна. Среди прочего, Тривас оформил спектакль по пьесе А. Луначарского «Медвежья свадьба» в Малом театре.

Запись на л. 41 «Больш. Молчановка / д. 18 кв. 5. / Там. <ара> Лев. <киевна> / Жеверж (Жеверж <еева>) / Эрталь» вводит сразу несколько имен, связанных с театром и культурой.

По указанному адресу находится бывший доходный дом Д. И и Е. Н. Тихомировых, в котором, согласно справочнику «Вся Москва 1925», проживала Ксения Александровна Аленева (1833–1977 гг.), известная драматическая актриса, певица, педагог, режиссер, общавшаяся с А. Блоком, Вс. Мейерхольдом, А. Грановским и др.

Тамара Левкиевна Жевержеева (Тамара Жева, 1907–1997 гг.) – дочь известного мецената, библиофила и коллекционера Л. Жевержеева, помогавшего в том числе и художникам-футуристам. Так, Л. Жевержеев был председателем художественного объединения «Союз молодежи», в его альбоме Маяковский сделал запись: «Вдвое больше б написал для Жевержеева, // каб не боялся попортить “Верже” его ...»⁴). Артистка балета, хореограф, актриса мюзикла и кино, Тамара Жевержеева в 1924–1926 гг. была женой хореографа Георгия Баланчивадзе (1904–1983 гг., Джорджа Баланчина). В 1924 г. в составе «Молодого балета» Баланчивадзе выехала на гастроли в Европу, танцевала в труппе С. Дягилева, вместе с «Летучей мышью» Н. Балиева в 1927 г. переехала в США.

«Эрталь» – по-видимому, так записана фамилия матери Т.Л. Жевержеевой – Тамары Николаевны Урталь (?–1965, 69?), известной кафе-шантанной актрисы. Общие с Л. Жевержеевым дети, Тамара и Анатолий, были рождены до брака, который был оформлен только в 1914 г. В 1943 г. после смерти супруга в блокадном Ленинграде Т.Н. была арестована и отправлена в лагерь, откуда вернулась в 1955 г. Жила в доме престарелых на Красноармейской ул.

Обращает на себя внимание запись на обороте л. 48. «*Остоженка после 4х./ Савеловский пер./ д 12 кв 82./ Юлия Ипполитовна/ Солнцева/ до 4. остож. 7 кв 82*». Юлия Ипполитовна Солнцева – (настоящая фамилия Пересветова, 1901–1989 гг.) – актриса, режиссер, жена кинорежиссера А. Довженко (1894–1956 гг.). Окончила Гитис, была актрисой Камерного театра в 1922–1924 гг. Исполнила роль Аэлиты в одноименном фильме Я. Протозанова по роману А. Толстого (1924 г.) и главную роль в фильме «Папиросница от Моссельпрома» (1924 г., режиссер Ю. Желябужский, авторы сценария Ф. Оцеп и А. Файко). Солнцева общалась с В. Брюсовым, А. Белым, К. Бальмонтом, дружила с А. Крученых и Н. Асеевым, В. Маяковским. Л. Брик упоминает о ней, как о женщине, входившей в их круг: «У нас в доме всегда бывали красивые женщины <...> Наташа Брюханенко, Клава Кирсанова, Галя Катанян – кто еще? Юлия Солнцева и Зинаида Райх, Нора Полонская и Розенель. Они всегда украшали компанию, на них приятно было смотреть [4, с. 87].

Солнцева упоминается в воспоминаниях Нато Вачадзе о гибели В. Маяковского: «14 апреля я вышла из дому по делу и, вернувшись, застала у себя в комнате Довженко, Солнцева, Шенгелая. По их лицам я поняла, что случилось что-то страшное, неповторимое» [10, с. 447].

Итак, как видим, черновые записи произведений и записи, раскрывающие иные аспекты жизни, в записных книжках Маяковского связаны друг с другом. Анализируя адреса и телефоны, записанные поэтом наряду с черновыми строками некозанченной поэмы «V Интернационал», мы видим, что круг людей, отраженных в них, отсылает нас к театральной, литературной работе поэта: участию в литературных и театральных дискуссиях о революционном искусстве, созданию произведений этого типа в разных сферах искусства, неустанному его продвижению, борьбу за его понимание и признание. Адреса и телефоны являются свидетельством связей с людьми разных взглядов, из разных сред, но так или иначе заинтересованных в авангардном искусстве и его воплощении в жизни. Этой же проблематике была посвящена и неоконченная поэма «V Интернационал», составляющая творческое ядро этой книжки.

Примечания

¹ Государственный музей В. Маяковского (в дальнейшем – ГММ), Р–195.

² Подчеркивания повторяют подчеркивания Маяковского в тексте записной книжки. В угловых скобках восстанавливается полное слово.

³ ГММ, Р–191.

⁴ Беловой автограф карандашом на 1 л. 1 с. 22,8x31. Сделан в альбоме Л.И. Жевержеева. Датируется: 17 декабря 1918 г. по дате, проставленной в автографе // *Санкт-Петербургский* государственный музей театрального и музыкального искусства. 6641. Л. 247.

Библиографический список

1. *Аксенов И.* Почти все о Маяковском // Новая Россия. 1926. № 3.
2. *Золотухин В.В., Лидерман Ю.Г., Склез В.М.* Социокультурное моделирование новых сообществ в театре XX–XXI вв. М., 2018.
3. *Катанян В.А.* Хроника жизни и деятельности. М., 1985.
4. *Катанян В.В.* Лиля Брик. Жизнь. М., 2002.
5. *Крыжицкий Г.* Страницы из ненаписанной книги. // Встречи с Мейерхольдом. М., 1967.
6. *Купченко Т.А.* Поэмы «IV Интернационал» и «Пятый Интернационал» в записных книжках В. Маяковского. URL: // <http://nrgumis.ru/articles/2239/> (дата обращения: 09.11.2023).
7. *Ленин В.* О литературе и искусстве. М., 1986.
8. *Маяковский В.В.* Полное собрание произведений: в 20 т. М., 2013.
9. *Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1955–1961.
10. Маяковский глазами современниц. Воспоминания. Дневники. СПб., 2014.
11. *Сагалаева М.В.* Литературные материалы в газете «Известия ВЦИК» // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2012. Т. 12. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 4.

Т.А. Купченко

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва

E-mail: tkupchenko@gmail.com

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В РОССИЙСКОМ ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ: ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Ю.Ю. Суханов

Аннотация. В статье рассмотрены языковые и стилистические средства создания образа будущего в предвыборных программах трёх основных российских партий, «Единой России», КПРФ и ЛДПР, на выборах 10 сентября 2023 г. Выявлено, что в программах оппозиционных партий для создания образа будущего гораздо активнее применяются средства, нацеленные на эмоциональное воздействие на избирателей: стилистически сниженная лексика, метафоры, восклицательные и эллиптические предложения, многокомпонентные ряды однородных членов, а также канцелярит советского времени в программе КПРФ. В избирательной программе партии «Единая Россия» стилистические и языковые нормы официально-делового стиля соблюдаются более строго. Здесь отдаётся предпочтение средствам, нацеленным на логическое воздействие: стилистически нейтральной и официальной лексике, инфинитивным предложениям и др. Делается вывод, что образ будущего, созданный «Единой Россией», способен вызвать у избирателей большее доверие; в документе удалось подчеркнуть способность партии реализовать задуманное, её единство с народом.

Ключевые слова: политический дискурс, предвыборный дискурс, образ будущего, лексические средства, синтаксические средства, категория личности.

IMAGE OF THE FUTURE IN THE RUSSIAN PRE-ELECTION DISCOURSE: LANGUAGE MEANS OF REPRESENTATION

Y.Y. Sukhanov

Abstract. The article examines the linguistic and stylistic means of creating an image of the future in the election programs of the three main Russian parties, United Russia, the Communist Party of the Russian Federation and the Liberal Democratic Party, in the elections of September 10, 2023. It has been revealed that in the programs of opposing parties, to create an image of the future, means are much more actively used, aimed at the emotional impact on voters: colloquial vocabulary, metaphors, exclamatory and elliptical sentences, multi-component rows of homogeneous members, as well as Soviet-era clerical words in the Communist Party of the Russian Federation program. In the election program of the United Russia party, the stylistic and linguistic norms of official business style are observed more strictly. Here, preference is given to means aimed at logical impact: stylistically neutral and official vocabulary, infinitive sentences, etc. It is concluded that the image of the future created by United Russia can inspire greater confidence among voters. The document managed to emphasize the party's ability to realize its plans and its unity with the people.

Keywords: political discourse, election discourse, image of the future, lexical means, syntactic means, category of personality.

Участие в выборах, проходящих на самых разных уровнях, от муниципального до федерального, стали реальностью жизни современного гражданина России. Готовясь осуществить выбор, россияне опираются на многие факторы, в том числе на предвыборные выступления и предвыборные программы кандидатов. В российском языковом и политическом пространстве сформировался и продолжает действовать предвыборный дискурс – особая разновидность политического дискурса, направленная на оказание политическими деятелями воздействия на избирателя в период избирательной кампании. Данный дискурс имеет особый статус

в рамках политического дискурса, поскольку «именно в период предвыборной кампании ярче всего проявляются лексико-семантические изменения в политическом языке и возрастает значимость выбора и употребления адекватных цели языковых средств» [9, с. 4]. Предвыборный дискурс – структурно сложное явление; он «включает в себя речевую деятельность, имеющую место в процессе политической коммуникации, а также её продукты – совокупность текстов» [7, с. 5]. Предметом нашего анализа стали такие тексты.

Исследователи стремятся выявить способы воздействия на адресата в предвыборном дискурсе, отмечая среди них оценочные метафоры [2], средства создания комического [8], разнообразные средства грамматической репрезентации оппозиции «свой – чужой» [1] и т.п. Обращается внимание и на такой приём, как создание в предвыборном документе образа будущего, который должен оказывать воздействие на избирателей, направляя их к выбору того или иного кандидата. В.С. Комаровский и Р.В. Савенков останавливаются на предлагаемых политиками содержательных составляющих образа будущего и выявляют отсутствие в предвыборных программах российских политиков «представления нового оригинального проекта ближайшего будущего» [3, с. 21]. О.Н. Кондратьева и А.В. Жегло концентрируют внимание на создаваемом политиками образе «светлого будущего» и обнаруживают преимущественное использование «стратегии прогнозирования, ориентированной на создание позитивного образа региона» [4, с. 55]. Конкретные языковые и выразительные средства реализации образа будущего в предвыборных документах затрагиваются лишь эпизодически.

Цель данного исследования – рассмотреть образ будущего, который формируют кандидаты в своих предвыборных программах, выявить его особенности и языковые средства его репрезентации. Материалом для исследования стали тексты предвыборных программ кампании 2023 г. (выборы депутатов разного уровня состоялись 10 сентября). Были отобраны предвыборные программы трёх наиболее популярных в России партий и их представителей: «Единая Россия» – «Народная программа Единой России» (<https://er.ru/party/program>), КПРФ – «За социалистическую Москву! Программа Московского городского отделения КПРФ на выборах Мэра Москвы в 2023 г.» (<https://msk.kprf.ru/2023/07/11/240473/>), ЛДПР – «Программа ЛДПР на выборах 10 сентября 2023 года» (<https://kostroma.ldpr.ru/event/301964>). (Далее цитаты из данных документов поясняются с помощью сокращений, соответственно, ЕР, КПРФ, ЛДПР).

Именно образ будущего является основным содержательным элементом предвыборных программ кандидатов (партий и персоналий), которым важно показать, как они планируют построить свою деятельность в случае избрания. С целью создания образа будущего в программах перечисляются теоретические положения и конкретные практические шаги, которые партия и её представители собираются предпринять, если избиратели окажут им доверие. Во всех проанализированных избирательных программах едины сферы, на основе описания которых создаётся образ будущего: экономика, образование, медицина, экология, улучшение условий жизни людей, работа с молодёжью, социальная сфера, культура, транспорт и т.п. Все политические субъекты стремятся показать, что они будут хорошо, компетентно, активно развивать каждую из этих сфер в своей будущей государственной деятельности. При этом ими используются определённые языковые средства, с помощью которых формируется образ будущего и происходит убеждение адресатов. От успешного выбора языковых средств во многом зависит эффективность предвыборной агитации.

Лексические средства создания образа будущего в предвыборных программах используются в современном политическом дискурсе достаточно редко и преимущественно в программах оппозиционных партий. В качестве примера приведём метафору: «*Местом создания новых производств станут реанимированные промзоны столицы*» (КПРФ). То же самое можно сказать о введении в текст стилистически сниженной лексики, которая по определению не должна быть характерной для предвыборного дискурса, функционирующего в рамках

официально-делового стиля. Создаётся нарушающее стилистический канон стилистическое смешение средств официально-делового и разговорного стилей: «*Ограничение количества посредников, **накручивающих** цены при каждой перепродаже товаров и продуктов*» (КПРФ), «*Это вернёт из-за границы **огромные** деньги – до 8 годовых бюджетов*», «*...не ждать от государства **жалких** подачек*» (ЛДПР).

Очевидно, авторы предвыборных текстов, содержащих программы оппозиционных партий, испытывают потребность в повышении выразительности высказываний, с тем чтобы привлечь внимание к создаваемому именно ими образу будущего. Именно с такой целью, а также для установления языковой связи с политическими текстами советского периода в предвыборной программе КПРФ применяется канцелярит советского времени: «***Снова гордо зазвучит имя человека труда, рабочего на производстве, всех наёмных работников материальной и нематериальной сферы***» «***Капиталистические акулы никогда не наедятся, если мы их не остановим***» (КПРФ). Такие языковые средства представляют собой стёртые метафоры; к ним нередко прибегают политические ораторы оппозиционного толка [5, с. 152], и выразительность данной лексики вызывает большое сомнение. С помощью советского канцелярита в тексте предпринимается попытка оживить образ политической партии, каким он был в прошлом; в результате этот образ выглядит как устаревший, несовременный.

Стилистически сниженную лексику, канцелярит можно охарактеризовать как проявления языковой небрежности, пренебрежения языковыми нормами. Ещё одним видом подобных нарушений является тавтология: «*Открытие для отечественных **производителей, производящих** продукцию социальной направленности, возможности аренды площадей по сниженным ставкам*» (КПРФ). Наиболее полно литературные нормы русского языка соблюдаются в программе «Единой России». Здесь, в соответствии со стилистическими требованиями предвыборного дискурса, используется преимущественно официально-деловая или стилистически нейтральная лексика, а также языковые средства, нацеленные не на эмоциональное, а на логическое воздействие на избирателей.

Основные языковые средства, с помощью которых в агитационных предвыборных документах создаётся образ будущего, – синтаксические, формируемые на уровне предложения.

Значимым синтаксическим средством являются ряды однородных членов, использование которых в предложении служит градации, оказывает эмоционально-экспрессивное воздействие на адресата благодаря множеству смыслов, объединяемых посредством таких рядов. Выявлено, что к длинным и, значит, претендующим на прагматическую эффективность рядам прибегают оппозиционные политические партии. Например: «*Законом определим в качестве приоритетных такие отрасли индустрии, как **производство средств производства (группа А), медицинской техники, тонкие химические технологии, оборонная промышленность, электроника, автомобилестроение и новый экологичный транспорт, производство лекарств, биотехнологии, робототехника, станкостроение, инструментальная***» (КПРФ). Отметим, что в приведённом примере использование однородных членов нельзя назвать грамматически безупречным: в одном ряду употреблены словоформы, стоящие в разных падежах, осталось без определяемого слова прилагательное *инструментальная* и т.п. В программе «Единой России» длинные ряды однородных членов практически не встречаются, здесь в предложения вводятся 2–4 объекта, на которые направлено внимание политиков: «*Разработать программу помощи в трудоустройстве людям с ограниченными возможностями здоровья, решив вопросы **создания для них рабочих мест, организации обучения и повышения квалификации***» (ЕР), и предлагаемые такими конструкциями шаги выглядят более конструктивными, точными, продуманными.

Инфинитивные предложения в избирательной программе «Единой России» являются основным средством представления избирателям конкретных шагов, которые планирует

предпринять партия в различных сферах жизни общества: *«Обеспечить гарантированный контроль за соблюдением прав работников предпенсионного возраста»* (ЕР). Таким образом подчёркивается уверенность политического субъекта в том, что обещанное будет обязательно выполнено (уверенность должна передаться адресатам), а всей программе обеспечивается логичность и стилистическое единство. В избирательных программах других партий к инфинитивным предложениям прибегают только эпизодически: *«Восстановить обеспечение максимальной занятости трудоспособного населения, особенно молодёжи, выпускников вузов»* (КПРФ), *«Включить в число таких мер отмену НДС и налога на прибыль и развитие доступного промышленного кредита»* (ЛДПР).

Эллипсис как средство эмоционального лозунгового изложения видения будущего наиболее активно используется в программе ЛДПР: *«Людам – деньги, бизнесу – свободу!»*, *«Пенсионерам и инвалидам – помощь и защиту!»* (ЛДПР). Эпизодически такие предложения встречаются и в документах других партий, причём в программе «Единой России» – без восклицательного знака: *«Особое внимание – сельской медицине»* (ЕР). Лозунговость оказывается присущей в первую очередь оппозиционным предвыборным программам; она противостоит ровному, убедительному тону программы «Единой России».

Ярким средством придания тексту эмоциональности выступают восклицательные предложения. К ним активно прибегают, излагая свой взгляд на будущее, оппозиционные политики: *«Мэрия должна отстаивать интересы москвичей, а не застройщиков (строительной олигархии)!»*, *«Социальная справедливость должна вернуться в Москву!»* (КПРФ), *«Не врать и не бояться! С этим историческим, проверенным лозунгом ЛДПР вступает в суровый сезон выборов 2023 года»* (ЛДПР). В избирательной программе «Единой России» восклицательные предложения встречаются только один раз – в заключительной фразе: *«Мы сделаем всё для благополучия наших граждан, для процветания нашей любимой Родины! Мы вместе – за Россию!»* (ЕР), причём даже эти предложения, по сути, являются не лозунгом, а выводом. В документе данной партии делается акцент не на эмоциональность, а на логику, содержание.

Политиками активно и разнообразно используются средства категории персональности, с помощью которой «говорящий передаёт информацию о себе, своё понимание собеседника и своё представление о других лицах, так или иначе задействованных в общении» [6, с. 15]. Во всех рассмотренных программах кандидаты выбирают в качестве основного средства выражения персональности личное местоимение *мы* (и соответствующее ему притяжательное *наш*), но при этом используют его по-разному, с различной эффективностью.

Для кандидатов «Единой России» важно создать в восприятии избирателей образ «своей», близкой партии, сформировать чувство единения, для чего и применяются местоимения *мы*, *наш*: *«Нам предстоит радикально решить проблему вредных выбросов в атмосферу, проблему чистой воды, отходов и свалок»*, *«Наша задача – существенно повысить достаток российских семей, доходы наших граждан»* (ЕР). Создаётся впечатление искренней заботы политиков об избирателях, с которыми они считают себя одним целым. Личное местоимение *мы* может служить, напротив, отдалению от избирателей и созданию образа сильного коллектива, который стоит за партией и способен самостоятельно обеспечить прекрасное будущее, выполнение обещаний. Это обнаруживается в избирательных программах оппозиционных партий: *«Поэтому мы предоставим малому бизнесу налоговые льготы»*, *«Мы намерены решить эту проблему»* (КПРФ), *«Мы выступаем за повышение зарплат в системе здравоохранения и предлагаем пути решения проблемы нехватки медицинских кадров»* (ЛДПР). При этом ощущение единения отсутствует, даже если содержательно высказывание побуждает к нему: *«Мы призываем всех, кто готов действовать, объединиться перед общим врагом, оставив политические распри»* (ЛДПР). Очевидно, такие отличия в использовании

местоимения *мы* связаны с тем, что «Единая Россия», будучи партией власти, уже ощущает большую поддержку со стороны избирателей, чувствует моральное право вербально обозначать единение с ними.

Итак, в современном предвыборном дискурсе с целью воздействия на выбор избирателей кандидатами формируется образ будущего, для чего приводится перечень планируемых нововведений, мер, шагов в сферах образования, медицины, экономики, внешней политики и т.п. Языковые средства формирования образа будущего являются очень значимыми, поскольку с их помощью политические партии (деятели) имеют возможность организовать более эффективное воздействие на избирателей, побудить их воспринимать именно изображённый ими образ будущего как реальный, а значит, проголосовать за эту партию. Для «Единой России» характерно внимание к средствам языка, обеспечивающим логическое воздействие на избирателей (официально-деловая лексика, инфинитивные предложения, короткие ряды однородных членов и др.), а для оппозиционных политических партий – к единицам и конструкциям лозунгового типа, ориентированным на эмоциональное воздействие, апелляцию к чувствам избирателей (метафоры, лексика разговорной стилистической окраски, канцелярит советского времени (КПРФ), восклицательные предложения, многокомпонентные ряды однородных членов, эллипсис и др.). Интересно оперирование средствами категории персональности: в предвыборной программе «Единой России» с их помощью удаётся создать атмосферу единения с народом. В целом предвыборная программа правящей партии более стилистически выверена, нейтральна, в ней отсутствует языковая небрежность, более строго соблюдаются литературные нормы. «Единой России» удаётся выстроить рациональный образ будущего, воплощение которого представляется более реальным. Стремление оппозиционных политиков выйти за рамки официально-делового стиля указывает на их эмоциональную вовлечённость в процесс предвыборной агитации, мешающую выстраивать образ будущего конструктивно, логично и убедительно.

Исследование избирательного дискурса имеет большие перспективы, поскольку развитие демократического государства во многом определяется ходом выборной деятельности, активностью избирателей в её ходе и совершаемым ими выбором. Необходимо сконцентрировать внимание на различных образах, создаваемых в предвыборном дискурсе (образах противника, власти, государства, избирателя и др.) и выявить языковые и стилистические средства их репрезентации.

Библиографический список

1. Гридина Т.А., Коновалова Н.И., Красноперова Е.С. Грамматика воздействия: коммуникативные стратегии моделирования образа «свой–чужой» в сфере предвыборного политического дискурса // Политическая лингвистика. 2021. № 6 (90).
2. Каменева В.А., Иванова Е.А. Оценочные метафоры предвыборного дискурса (лингвоперсоналогический подход) // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 6 (428).
3. Комаровский В.С., Савенков Р.В. Политическая повестка и образ будущего в предвыборных документах политических партий на выборах депутатов Государственной думы 2021 г. // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 2.
4. Кондратьева О.Н., Жегло А.В. Тактика создания «светлого будущего» региона в предвыборном дискурсе Кемеровской области // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74).
5. Крылова М.Н. Способы использования современными политическими ораторами ресурсов русского языка (В.В. Путин, Г.А. Зюганов, С.М. Миронов) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 1.
6. Крылова М.Н. Сравнительные конструкции как средства выражения категории персональности // Русистика без границ. 2020. Т. 4. № 2.

7. Левшина Н.Г. Косвенные речевые тактики в предвыборном дискурсе: На материале выборов Главы Администрации Псковской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.
8. Халина Е.Е., Миронова Д.М. Виды и формы комического в политическом дискурсе (на материале предвыборной речи кандидатов в президенты России) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11. № 4.
9. Яппарова В.Н. Функционирование наименований лица в современном предвыборном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010.

Ю.Ю. Суханов

кандидат филологических наук

преподаватель кафедры 32 (английского языка (основного))

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва

E-mail: ngeru@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПРЕЗИДЕНТОВ ФРАНЦИИ ЭММАНУЭЛЯ МАКРОНА И ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ

А.Ю. Ермина

Аннотация. В статье рассматривается роль когнитивной метафоры в политическом дискурсе на примере речей президентов Франции Эммануэля Макрона и Шарля де Голля. Исследование акцентирует внимание на историческом развитии концепции когнитивной метафоры, начиная с работ Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона в 1980-х гг. Основное внимание уделяется анализу метафор, используемых в политической риторике, как они отражают политические взгляды, стратегии и контексты эпох. Особое внимание уделяется тому, как метафоры формируют общественное мнение и восприятие политической реальности. Статья также подчеркивает роль метафор в стратегической коммуникации и их влияние на эмоциональное взаимодействие с аудиторией. Подчеркивается значимость когнитивных метафор в контексте политической коммуникации и их роль в понимании механизмов политической динамики.

Ключевые слова: когнитивные метафоры, политический дискурс, Шарль де Голль, Эммануэль Макрон, риторика, французский язык.

COGNITIVE METAPHOR IN THE POLITICAL DISCOURSE OF FRENCH PRESIDENTS EMMANUEL MACRON AND CHARLES DE GAULLE

A. Y. Ermina

Abstract. The article examines the role of cognitive metaphor in political discourse on the example of speeches of French presidents Emmanuel Macron and Charles de Gaulle. The study emphasizes the historical development of the concept of cognitive metaphor, starting with the works of George Lakoff and Mark Johnson in the 1980s. The focus is on analyzing metaphors used in political rhetoric, how they reflect the political attitudes, strategies, and contexts of the eras. Particular attention is paid to how metaphors shape public opinion and perceptions of political reality. The article also emphasizes the role of metaphors in strategic communication and their impact on emotional interaction with audiences. The significance of cognitive metaphors in the context of political communication and their role in understanding the mechanisms of political dynamics is emphasized.

Keywords: Cognitive metaphors, political discourse, Charles de Gaulle, Emmanuel Macron, rhetoric, french language.

Эксплорация когнитивной метафоры в политическом дискурсе привлекает внимание не только лингвистов, но и политологов, а также ученых из различных смежных дисциплин. Концепция когнитивной метафоры, являющейся риторическим устройством, которое воплощает метафорическое сравнение для демонстрации абстрактных концепций, активно привлекает академическое внимание начиная с 1980-х гг. В данной статье представлен анализ исторического развития когнитивной метафоры, особое внимание уделено школе, заложившей основы данного направления. Далее, на примере когнитивных метафор, применяемых президентами Франции Эммануэлем Макроном и Шарлем де Голлем в ходе их президентских полномочий, демонстрируется практическое применение данной концепции в политической риторике.

В отношении теоретической разработанности темы можно отметить, что данная область изучения заслуживает глубокого анализа. В контексте политической коммуникации когнитивные метафоры играют значимую роль в формировании общественного мнения и влияют на процесс принятия решений. Исследования в данной области предлагают разнообразные методологические подходы для анализа метафор в политическом дискурсе, исследуя их функциональные и когнитивные аспекты. Неоспоримо, что дальнейшее теоретическое и эмпирическое исследование когнитивных метафор в политическом дискурсе способствует более глубокому пониманию механизмов политической коммуникации и роли языка в политической динамике.

История когнитивной метафоры. Концепция когнитивной метафоры берет свое начало в работе Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона, которые опубликовали свое фундаментальное исследование «Метафоры, которыми мы живем» в 1980 г. [1]. Они утверждали, что метафоры – это не просто лингвистические выражения, а скорее, они являются основополагающими для наших концептуальных систем и того, как мы понимаем окружающий мир [1]. Работа Лакоффа и Джонсона породила новую область лингвистики, известную как когнитивная лингвистика, которая изучает то, как язык отражает и формирует наши ментальные процессы.

После публикации книги «Метафоры, которыми мы живем» сформировалось несколько научных направлений, сосредоточенных на изучении когнитивной метафоры. Предметом изучения этих научных направлений стали концептуальная теория метафоры, разработанная Лакоффом и Джонсоном, и теория концептуальной интеграции, разработанную Жилем Фоконье и Марком Тернером [3].

Концептуальная теория метафоры представляет собой одно из ключевых направлений в когнитивной лингвистике, рассматривающее метафору не как простой стилистический прием, но как фундаментальный механизм человеческого мышления [2]. Согласно этой теории, метафорическое мышление базируется на переносе смыслов из конкретной, часто физической, области опыта в абстрактную область. Таким образом, абстрактные понятия и идеи становятся понятными и доступными благодаря их ассоциации с более конкретными и знакомыми концепциями. Пример метафоры «время – деньги» иллюстрирует, как абстрактное понятие времени может быть интерпретировано через призму конкретного и знакомого нам ресурса – денег.

Теория концептуальной интеграции, разработанная Жильем Фоконье и Марком Тернером, представляет собой радикальный подход к пониманию метафорического мышления. Основная идея заключается в том, что в процессе когнитивного взаимодействия двух или более различных концептуальных областей происходит их интеграция, в результате которой формируется новое, гибридное концептуальное пространство. Этот процесс позволяет создавать новые смыслы и понимания, которые не могли бы возникнуть в рамках каждой из областей по отдельности. Пример метафоры «разум – компьютер» демонстрирует, как две отдельные концептуальные области – человеческий разум и компьютерная технология – могут быть интегрированы для создания нового, более сложного понимания функционирования разума в современном технологическом контексте [3].

Проанализируем интервью с президентом Франции Э. Макроном из Новой Каледонии на использование в его речи когнитивной метафоры [4]:

Метафора «строительства»:

«*bâtir l'avenir*» (строить будущее) (Здесь и далее перевод наш. – А.Е.): подчеркивается идея активного создания желаемого будущего, что предполагает коллективные и планомерные усилия;

«*bâtir une stratégie*» (построить стратегию): акцентируется внимание на идее методичного создания плана или стратегии.

Метафора «путешествия»:

«ouvrir des chemins d’avenir» (прокладывая дорогу в будущее): это метафорическое выражение предполагает создание новых возможностей или направлений, что влечет за собой исследование и движение к неизвестному.

«Грамматическая» метафора:

«un point-virgule» (точка с запятой): Макрон интегрирует концепции пунктуации и времени. Использует эту метафору для символизации паузы перед продолжением, что предполагает, что прошлые действия не являются заключительными.

Метафора «гонки»:

«On ne peut pas faire *des rallyes* avec des voitures d’auto-école où il y a une double commande» (нельзя участвовать в ралли на учебных автомобилях с двойным управлением): иллюстрируется идея необходимости большей автономии при одновременном желании большего внешнего контроля, что противоречиво и неэффективно.

Метафора «борьбы»:

«Il n’y a pas de gagnants et de perdants» (Победителей и проигравших нет): эта метафора упрощает политические дискуссии до уровня игры или соревнования, где обычно есть победитель и проигравший, используются для представления конкуренции и соперничества, а также для выявления противоречий и конфликтов.

Метафора «уборки»:

«Beaucoup avant moi *avaient poussé* la poussière sous le tapis» (Многие до меня заметали пыль под ковер): эта метафора иллюстрирует идею избегания или скрытия проблем, а не их решения. Проблемы, как «пыль», которую можно скрыть.

Метафора «книги»:

«*pages heureuses et malheureuses*» (счастливые и несчастливые страницы): рассматривает историю как последовательность событий, записанных на страницах книги, подчеркивая идею анализа и рефлексии.

Метафора «размера»:

«éviter d’être *trop petit* dans un monde bousculé par de *trop grandes* puissances» (не допустить превращения в нечто слишком маленькое в мире, который содрогается под влиянием слишком большого числа великих держав): эта метафора подчеркивает идею незначительности или уязвимости перед большими державами, предполагая необходимость усиления и защиты.

Представленные когнитивные метафоры обогащают политическую речь Эмманюэля Макрона, предоставляя визуальные образы, которые облегчают понимание проблем и предложенных решений.

Рассмотрим несколько примеров когнитивных метафор в политическом дискурсе президента Шарля де Голля на материале речей, произнесенных в Ренне, 27 июля 1947 г. [5] и на Алжирском форуме, 4 июня 1958 г. [6]:

Метафора «дороги»:

«Je vois que *la route* que vous avez ouverte en Algérie, c’est celle de la rénovation et de la fraternité» (Я вижу, что курс, который Вы выбрали в Алжире, – это курс на возрождение и братство): В данном примере «курс» представляет собой путь/дорогу или направление, по которому движется алжирский народ. Шарль де Голль использует эту метафору, чтобы подчеркнуть перемены, развитие и движение к новому будущему Алжира, как путешествие по дороге.

«Au milieu de la confusion d’une vie tourmentée, rien n’importe plus au peuple français que de regarder en face les causes profondes de son inquiétude, afin d’y voir clair sur *la route* qu’il lui faut suivre» (Среди неразберихи беспокойной жизни для французского народа нет ничего важнее, чем взглянуть в лицо глубинным причинам своего смятения, чтобы ясно увидеть путь,

которого он должен придерживаться): «путь» представляет собой дорогу или направление движения. Эта метафора отражает идею пути к прогрессу и ясности.

«...Voilà *la route* et le devoir...» (Вот он наш путь и долг): «путь» символизирует дорогу или направление, которое следует принять для достижения определенной цели. Концепция пути и направления интегрируются с идеей стратегического планирования.

Метафора «держаться за руки»:

«...quelles que soient leurs communautés, *communient* dans la même ardeur et se tiennent par *la main*» (...независимо от своей принадлежности к той или иной группе, разделяют один и тот же пыл и держатся за руки): рука в руке символизирует единство, солидарность и сотрудничество. Это подчеркивает идею общности и поддержки.

Метафора «движущей силы»:

«L'armée française a été sur cette terre *le ferment*, le témoin, et elle est le garant, du mouvement qui s'y est développé» (Французская армия была движущей силой, свидетелем и гарантом движения, которое разворачивалось на этой земле): армия описывается как «движущая сила», что заставляет задуматься о ней, как об инструменте, провоцирующем или стимулирующем к изменениям. Движущая сила представляет активный элемент или катализатор преобразований

Метафора «потока»:

«Elle a su endiguer *le torrent* pour en capter l'énergie» (Ему (Алжиру) удалось остановить бурный поток и использовать его энергию): «поток» представляет собой череду конфликтов и беспорядков в Алжире. Шарль де Голль использовал образ реки или потока воды, как символа проблемы или вызова, с которым нужно справиться, чтобы описать способность армии страны преодолеть трудности и превратить их в положительную энергию.

Метафора «открыть двери»:

«moi, de Gaulle, à seux-là, *j'ouvre les portes* de la réconciliation» (Я, де Голль, открываю перед этими людьми двери для примирения): это выражение подчеркивает готовность к примирению, как предоставление возможности или начало нового этапа.

Метафора «соль на рану»:

«le parti dont il s'agit ne cesse de *jeter du sel* sur chacune de nos plaies» (партия, о которой идет речь, непрестанно сыплет соль на наши раны): данный образ иллюстрирует действия, которые усугубляют ситуацию или проблему, делая её ещё более болезненной.

Метафора «подрыв авторитета»:

«*saper* l'autorité de la France» (подорвать авторитет Франции): действие «подрыв» используется для иллюстрации ухудшения или ослабления авторитета или позиции.

Метафора «глубокий разлом»:

«*la faille profonde* dont, par leur fait, est menacée l'unité française» (глубокая трещина, из-за которой их действия угрожают единству Франции): трещина или разлом используется для описания серьезной угрозы или проблемы.

Основное различие в применении когнитивных метафор между Эммануэлем Макроном и Шарлем де Голлем, в первую очередь, определяется разнообразием политических контекстов, в рамках которых каждый из них функционировал и осуществлял свои президентские обязанности во Франции. Это различие также коррелирует с их уникальными коммуникативными стилями.

Шарль де Голль, будучи военным лидером и убежденным националистом, уделял первостепенное внимание сохранению статуса Франции как великой мировой державы. Его когнитивные метафоры часто акцентировали внимание на неотъемлемой необходимости силы, стабильности и национального суверенитета. В своей риторике он регулярно прибегал к военным метафорам для демонстрации своего стратегического видения будущего страны.

С другой стороны, Эммануэль Макрон, имея прошлое инвестиционного банкира и позиционируя себя как политик-центрист, акцентирует внимание на критической необходимости экономических и социальных реформ во Франции. Когнитивные метафоры, которыми он пользуется, часто подчеркивают приоритетность процессов изменений и модернизации. Стоит отметить, что, несмотря на различия в выборе когнитивных метафор, оба лидера были единодушны в стремлении подчеркнуть ключевую роль Франции на глобальной арене и использовали метафоры для того, чтобы приблизить свои идеи к народу, делая их понятными и значимыми для каждого гражданина.

Дополнительное различие между этими двумя президентами проявляется в характере их метафор: когнитивные метафоры Э. Макрона обычно более специфичны и конкретны, в то время как метафоры де Голля часто носят более обобщенный и абстрактный характер.

Интеграция когнитивных метафор в дискурс может существенно повлиять на восприятие и отношение аудитории, поскольку метафоры служат инструментами упрощения сложных концепций, создания эмоционального взаимодействия и укрепления существующих убеждений. Это, в свою очередь, может отразиться на том, как аудитория воспринимает рассматриваемые вопросы. Использование метафор, которые резонируют с преобладающими убеждениями и ценностями аудитории, может позволить политическим фигурам усилить лояльность граждан к своей персоне и создать ощущение общей идентичности.

Применение когнитивных метафор в политическом дискурсе имеет долгую историю и продолжает оставаться центральным элементом стратегической коммуникации для политиков и лидеров, позволяя артикулировать сложные идеи и сообщения в доступной форме для своей аудитории. Теоретические рамки, такие как концептуальная теория метафоры и теория концептуальной интеграции, предоставили значимую основу для исследования механизмов функционирования метафор и того, как они формируют наше понимание мира. Эти теории подчеркивают процессы когнитивного взаимодействия, которые лежат в основе метафорического мышления, и показывают, как метафоры могут служить мощными инструментами для формирования социального восприятия и политического взаимодействия.

Таким образом, когнитивные метафоры являются неотъемлемым инструментом в руках политиков и лидеров, способствуя созданию более глубокой эмоциональной связи с аудиторией, усилению социальной когезии и формированию общественного мнения в отношении ключевых политических и социальных вопросов.

Библиографический список

1. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
2. *Лиходкина И.А.* Категория образности в лингвокогнитивном пространстве художественного текста французского, русского, английского и итальянского языков в аспекте перевода: дис. ... д-ра филол. наук. Мытищи, 2019.
3. Georgopoulos, Apostolos P. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities.* 2003.
4. Интервью Эммануэля Макрона TF1 из Новой Каледонии. URL: https://youtu.be/LhST6dMKsog?si=NEJ_cohXw4nDIE2I (дата обращения: 28.08.2023).
5. Речь в Ренне, 27 июля 1947 г. URL: <https://www.charles-de-gaulle.org/wp-content/uploads/2017/03/Discours-de-Rennes.pdf> (дата обращения: 23.08.2023).
6. Выступление на Алжирском форуме, 4 июня 1958 г. URL: <https://www.charles-de-gaulle.org/wp-content/uploads/2017/03/Discours-du-forum-dAlger.pdf> (дата обращения: 29.07.2023).

А.Ю. Ермина

адъюнкт кафедры французского языка

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва

E-mail: aleksandra100492@yandex.ru

МИФ О БРАТЬЯХ ПО ОРУЖИЮ И ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ АРМИИ США

Е.В. Бабушкина

Аннотация. Статья посвящена анализу профессионального образа мира американского военнослужащего в гендерном ракурсе. В качестве научного исследования избрана система аксиосфера военного социума США. Предметную область исследования составляют гендерные стереотипы, выраженные в речевых феноменах неформальной коммуникации. Работа нацелена на эмпирическое выявление гендерных стереотипов, эксплицированных в знаках языка и культуры, речевых практиках неформального общения представителей военного социума США.

Ключевые слова: вооруженные силы США, гендер, гендерный стереотип, военный подъязык, профессиональный социолект.

THE BROTHERS-IN-ARMS MYTH AND THE US MILITARY GENDER STEREOTYPES

E.V. Babushkina

Abstract. This article focuses on American service members' professional world image through gender. The object of this study is the system of professional values of the US army subculture expressed in the military sublanguage. The subject of the study is speech forms of gender stereotypes realization in nominative units of the social-group dialect. The aim of the study is to support the thesis that the official and unofficial registers of the military sublanguage reflect the realities of military service in different ways. The work is aimed at the empirical identification of gender stereotypes expressed in the signs of language and culture, speech practices of informal communication of representatives of the US military society.

Keywords: US Armed Forces, gender, gender stereotype, military sublanguage, professional sociolect.

Вооруженные силы – социальный институт, в котором доминируют мужчины. Именно поэтому воинское служение рассматривается как мужская социальная роль, социум мужской работы. Глубоко укоренившийся в военном социуме «культ маскулинности» или андроцентричность предписывает нормы, модели поведения и ценности. Возвеличивание вооруженных сил составляет важную часть национального нарратива лингвокультуры США. Независимо от половой принадлежности в коллективном языковом сознании, включает Й. Файнштайн, защитник национальных интересов США по праву пользуется статусом «наиболее почетного гражданина нации» [10, р. 4]. Однако в воинском коллективе мужчины и женщины воспринимаются по-разному. «Особое отношение» к прекрасному полу обусловлено историческим, демографическим, культурным и, не в последнюю очередь, гендерным факторами.

В отличие от термина *sexus*, означающего пол биологический, английский термин *gender* подчеркивает социокультурную природу межполовых различий [2, с. 8]. Под гендерными стереотипами понимаются суждения о качествах и поведенческих моделях представителей обоих полов. Регламентирующие социальные роли стереотипы напрямую связаны с выражением оценки (в диапазонах «правильно/неправильно», «приемлемо/неприемлемо») и ожиданием определенного типа поведения [1, с. 55]. Гендерные стереотипы, по А.С. Романову, представля-

ют собой схематичные оценочные представления коллективного обыденного сознания «относительно поведенческих, социально-ролевых, интеллектуальных, профессиональных свойств и характеристик, приписываемых данным обществом мужчинам и женщинам [5, с. 208].

В профанном массовом сознании рядового американца морские пехотинцы воплощают высокий профессионализм и стойкость духа. Недаром женщин-морпехов гордо именуют «львицами» (*lionesses*). Однако внутри армейского социума, и по сей день пропитанного социальными стереотипами, к женщинам особое отношение. Как отмечает М. Маккензи, в армейской среде «женщин нередко воспринимают как тех, кто портит военную культуру» (*women as spoiler of the military culture*). Активная интеграция женщин в вооруженные силы и в особенности предоставление доступа к боевым военно-учетным специальностям «способствуют феминизации» и ослаблению армии США [11, р. 2–3]. Политика исключения женщин из боевых воинских формирований, проводимая Конгрессом и Пентагоном до 24 января 2013 г., в многом основывалась на гендерном стереотипе о том, что (а) женщина – не является воином от природы (*women are not natural soldiers*), (б) женщина уступает мужчине в физическом отношении (*women are physically inferior to men*), (с) женщина подрывает братские узы, необходимые для выполнения боевых задач (*women ruin the bonds necessary for combat missions*) [11, р. 3]. МакКинзи приходит к выводу о том, что миф о братской дружине (*the band of brothers myth*) раскрывает три ключевые «истины». Во-первых, братская связь основана на доверии, гордости, чести и верности между мужчинами. Особые отношения доверия исключительны и не поддаются описанию. Во-вторых, узы доверия братьев по оружию – необходимый элемент упорядоченного, цивилизованного общества. И, наконец, в-третьих, мужские воинские формирования элитарны в силу социальных связей и физического превосходства [11, р. 2–3].

Доценты университета Канзаса А. Доан и С. Портилло выделяют ряд гендерных стереотипов, распространенных в мужской среде армии США: (а) физическая сила и выносливость – природные свойства мужского организма (*physical strength and endurance*), (б) мужской рационализм противопоставлен женской эмоциональности (*rational thinking and emotions*), (с) в отличие от женщин-военнослужащих, командные и лидерские качества мужчинам присущи (*leadership*), при этом роль хранительницы семейного очага и привязанность к детям естественны для женщин, (d) в армейской андроцентричной среде институт наставничества (*mentorship*) преимущественно представлен мужчинами, (е) романтические отношения с женщиной на службе неизбежно влекут за собой репутационные издержки по причине возможных обвинений в непристойном поведении (*favoritism and sexual harassment*) [8].

Ядерным компонентом военного социума США выступает культ маскулинности. Традиции, история строительства вооруженных сил, демографический фактор способствовали утверждению андроцентричности, возводящей мужские нормы, идеалы, ценности и модели поведения в абсолют. Гегемония воинствующей маскулинности (*the combat masculine-warrior paradigm*), по К.О. Дунивину, мыслится критерием оценки профессиональной зрелости воина [9, р. 533]. Под андроцентричностью военного социума понимается стандарт, нормативность мужского начала и девиантность женского.

Несмотря на социокультурную обусловленность, гендерные стереотипы находят выражение в речевой практике. Армейская субкультурная среда иерархична, консервативна, патриархальна. По мнению ряда исследователей, в глазах общественности образ идеального солдата соотнесен с мужчиной, что ставит сестер по оружию в подчиненное положение. Идеал воина в мужском облике метафорически отождествляет мужчину с образом войны. В качестве иллюстрации послужат такие номинативные единицы армейского социолекта, как *a son of Mars* – ‘Сын Марса’, *a good soldier never leaves a man behind and defines brotherhood among other kind* – ‘хороший солдат никогда не оставит товарища в беде и помнит о своей

принадлежности к воинскому братству’, *Captain Jack u Mr Army* – ‘мифические образы идеального военного, воплощающего силу духа и профессионализм’ [4, с. 64–65, 161]. Солдат в женском облике, с другой стороны, бросает вызов общепринятым представлениям о том, что значит быть воином.

Признаки андроцентричности военного социума наглядно прослеживаются в номинативных единицах современного профжаргона, реализующих гендерные стереотипы. Как отмечает К. Браунсон, в армейской среде различают следующие категории женщин-военнослужащих: «*favored*», «*slackers*» and «*whiners*» – ‘фаворитки’, ‘бездельницы’ и ‘нытики’ и «*bitches*», «*sluts*» or «*dykes*» – ‘стервозные дамы’, ‘доступные женщины’ и ‘мужеподобные женщины’ [3, с. 96; 7, р. 778].

Гендерные стереотипы, подчеркивающие низкий уровень профессионально-должностной, боевой, строевой и общей физической подготовки женщин наглядно прослеживаются в следующих примерах профессионального социолекта. Ср.: *a crack troop* – ‘слабо подготовленное в военном отношении подразделение, «отборные войска»’ (от сущ. *crack* – ‘трещина, щель, треск’). Словосочетание, как правило, ассоциируется с подразделением, в составе которого есть женщины. Профессиональные качества *GI Jane* нередко ставятся под сомнение, о чем свидетельствует устойчивое речение *a hollow bunny* – ‘некомпетентный специалист’. Аналогичным примером послужит диминутивное изречение *he is from the 4th battalion* – ‘парень из четвертого батальона’, содержащее гендерно мотивированную аллюзию к Корпусу морской пехоты (КМП) США. Под «четвертым батальоном» понимается учебно-тренировочный центр КМП на о-ве Пэррис-Айлэнд, предназначенный для подготовки будущих морских пехотинцев-женщин. Стилистически сниженное устойчивое словосочетание *a Power Point bitch* – ‘канцелярский работник, делопроизводитель’ может быть адресовано представителям обоих полов. Согласно негласным армейским канонам испытанием на прочность во времена служило участие в бою. Прошедший боевое крещение (*baptism of fire*) становится полноправным членом воинского коллектива. Административная, канцелярская работа считается малопрестижной. Подтверждением сказанному послужат жаргонные словосочетания *desk jockey* – ‘канцелярский работник’, *chair borne commando* – ‘канцелярский спецназ’, *Chair Force (US Air Force)* – ‘кабинетно-воздушные силы’ (BBC США), *pencil pusher* – ‘писарь’ и др. (Taylor, 2010), (Axelrod, 2013).

Парадигма воинствующей маскулинности – одна из базовых характеристик военного социума США. Патриархальность военного социума, пронизанного гендерными стереотипами, обусловлена демографическим, историческим, культурным факторами. Поскольку гендерный стереотип представляет собой феномен социокультурного порядка и мыслится как частный случай реализации социального стереотипа, он обнаруживает все его свойства: *эмоциональность, оценочность, согласованность, неточность, устойчивость, однозначность*. Невзирая на то, что гендер выступает понятием социокультурного порядка, его содержание раскрывается через анализ структур языка. В неформальном регистре военного подъязыка запечатлено все то, что лежит за пределами официального дискурса. Важно отметить, что гендерные стереотипы, вербализованные в профессиональном социолекте, отражают подлинные социальные практики армейского кластера порождающей гражданской культуры. В номинативных единицах армейского социолекта запечатлено все то, что выходит за рамки политеса. Профжаргон отражает гендерные стереотипы, двойные стандарты, сексизм.

Библиографический список

1. Денисова А.А. Словарь гендерных терминов. Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М., 2002.

2. *Кирилина А.В.* Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. М., 2005.
3. *Романов А.С., Клименко М.Б., Мурог И.А.* Военный социум США в контексте гендерной стереотипизации (на материале номинативных единиц профжаргона) // Вестник МАСИ. 2023. № 2.
4. *Романов А.С.* Стереотипизация субкультурных констант в аксиологии социально-группового диалекта (на материале ценностей и реалий военной службы в языковой культуре США): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2020.
5. *Романов А.С.* Гендерный аспект стереотипизации армейской субкультуры США // Политическая лингвистика, 2015. № 1 (51).
6. *Axelrod A.* Whiskey tango foxtrot: the Real language of the modern American Military. N.Y., 2013.
7. *Brownson C.* The battle for equivalency: female us marines discuss sexuality, physical fitness, and military leadership // *Armed Forces & Society*. 2014. Vol. 40. Issue 4.
8. *Doan A., Portillo S.* Entrenched stereotypes keeping women from military front lines, professors' new book says. URL: <https://news.ku.edu/2019/06/18/profs-cite-organizational-obliviousness-book-about-stereotypes-keeping-women-military> (дата обращения: 25.10.2023)
9. *Dunivin K.O.* Military culture: change and continuity // *Armed Forces and Society*. 1994. Vol. 20. Issue 4.
10. *Feinstein Y.* The thin line between «Crazy» and «Hero»: exploring the multiple statuses of US veterans in a work-therapy program // *Armed Forces & Society*. 2015. Vol. 41 (1).
11. *MacKenzie M.* Beyond the band of brothers: The U.S. military and the myth that women can't fight. Cambridge, MA, 2015.
12. *Taylor E.K.* America's army and the language of grunts. Understanding the army lingo legacy. Bloomington, Indiana, 2010.

Е.В. Бабушкина

преподаватель 33 кафедры английского языка (второго)

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва

E-mail: flexo5636@yandex.ru

ЖАНР КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

Ж.А. Микаелян

Аннотация. Статья посвящена термину «жанр» как лингвистическому понятию.

Ключевые слова: жанр, определение, лингвистика.

GENRE AS A LINGUISTIC CONCEPT

J.A. Mikaelian

Abstract. The article is devoted to the term «genre» as a linguistic concept.

Keywords: genre, definition, linguistics.

В современных лингвистических исследованиях актуальным направлением является исследование речевой деятельности во взаимосвязи с процессами социального взаимодействия. Одним из основных понятий данного направления является понятие жанра. Термин «жанр» как лингвистическое понятие до сих пор не является твердо утвердившимся среди терминов лингвистики. Яркое свидетельство этого – отсутствие термина и соответствующего определения жанра в современном лингвистическом энциклопедическом словаре [5].

Интерес к изучению речевых жанров породила статья М.М. Бахтина «Проблема речевых жанров», написанная в 1953 г. В этой статье М.М. Бахтин обращает внимание на то, что мы не просто говорим какими-либо текстами, но любое наше высказывание относится к определённому жанру: «Мы говорим только определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого. Мы обладаем богатым репертуаром устных (и письменных) речевых жанров. <...> Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык...» [3]. При этом одни жанры стандартизованы, и их использование сводится к механическому воспроизведению, другие являются более гибкими. Понимание особенностей того или иного жанра является необходимым условием коммуникации, создания и интерпретации текстов. Правда, как и в случае с речевыми актами многоуровневый текст относится к определённому жанру на макроуровне. М.М. Бахтин относит такие сложные тексты к вторичным речевым жанрам [3], так как такие тексты содержат в себе множество речевых жанров. Так, художественный текст, например роман, включает в себя множество конкретных жанров, возникающих в коммуникации персонажей и т.д.

Проблема жанровой организации речи является актуальной и продолжает дискутироваться в лингвистике текста, в функциональной лингвистике, в прагмалингвистике, в теории дискурса. Экстраполяция литературоведческого и искусствоведческого термина «жанр» в лингвистические исследования не всем представляется оправданной. Так, Р.А. Будагов полагает, что «... смешение лингвистического понятия языкового стиля и литературоведческого понятия жанра нежелательно и неправомерно» [2; 4]. В настоящей статье содержится попытка представить жанр с точки зрения его характеристик как одного из семиотических концептов, широко используемых в лингвистике.

Диалогичность речи является общепризнанной функциональной семантико-стилистической категорией современной лингвистики. Диалогической является не только речь коммуникантов, состоящая из вопросно-ответных реплик диалога, но и речь, в которой отсутствует вербальная реакция адресата на речь адресанта. В таких случаях реакция адресата (например, читателя художественного произведения) на речь адресанта, автора художественного произведения, выражается не вербальными средствами, а паралингвистическими средствами (например, мимикой или жестами), самой ситуацией общения, или даже обстоятельствами, не имеющими непосредственного отношения к данному речевому акту. Таким образом, речь (устная или письменная), будь то диалог или монолог, как реализация семиотической системы языка всегда диалогична. Любой письменный или устный текст, в том числе и художественный текст, который, на первый взгляд, является монологическим по форме, на самом деле представляет собой диалог, адресантом которого является автор художественного произведения, а адресатом – читатель/слушатель. Адресант, то есть автор текста, целенаправленно продуцирует семиотический знак (текст) и направляет его по каналу связи своему адресату (читателю /слушателю). Целенаправленность определяет не только связь отдельных реплик диалога между собой, но и направленность коммуникации в целом, то есть тип жанра речи.

Следовательно, целенаправленность речи на конкретного адресата, является определяющим фактором, формирующим жанр текста: жанр текста сказки для детей отличается от жанра художественного произведения, жанр текста научной статьи отличается от жанра художественного, разговорно-обиходного и от жанров других типов текста.

Каждый жанр обладает своими особенностями: структурными, семантическими, стилистическими, композиционными и т.п. Исключением является художественный текст, который может быть как моножанровым, так и полижанровым. В художественном тексте речь отдельных героев может быть представлена текстами различных жанров в зависимости от прагматических условий, таких как: объем текста, тип адресанта и адресата, тип героя, возрастных, социальных, профессиональных, психологических и других характеристик героя/героев. Таким образом, жанр является неотъемлемой категорией, обязательным компонентом любого речевого акта, который реализуется средствами языка как семиотической системы. Поэтому количество жанров речи, так же, как и количество речевых актов, не ограничено; жанр речи является одним из основных и неотъемлемых концептов языка как семиотической системы; являясь таковым, сам жанр также представляет собой одно из семиотических понятий.

В коммуникативно ориентированных лингвистических исследованиях анализируются типы (модели) жанров, в рамках которых формируются структуры, характерные для коммуникации (предложения, сверхфразовые единства, тексты). Так, Н.Д. Арутюнова предлагает следующую общую схему жанров общения: 1) информативный диалог (make-know discourse); 2) прескриптивный диалог (make-do discourse); 3) обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины (make-believe discourse); 4) диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений (interpersonal-relations discourse); 5) праздноречевые жанры (fatic discourse): а) эмоциональный; б) артистический; в) интеллектуальный [1, с. 650].

Жанр как лингвистическое понятие реализуется только в тексте /дискурсе. В современной лингвистике сформировалось понятие дискурса как текста, погруженного в ситуацию общения. Общепринятой является предложенная Н.Д. Арутюновой формулировка текста как речи, погруженной в жизнь. В свете данной формулировки дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте... Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [2, с. 136–137]. Поскольку жанры всех типов реализуются в речи в различных типах (моделях) дискурса, следовательно жанр как лингвистическое понятие имеет дискурсивный характер.

Дискурс в широком смысле – это ситуативно, социально и культурно обусловленный коммуникативный семиотический феномен, то есть знак, имеющий двустороннюю сущность, поэтому необходимо выделить его формальные и содержательные признаки. М.М. Бахтин указывал, что речевые жанры характеризуются триединством тематического содержания, композиции (формы) и стиля. Имея в виду эти характеристики дискурса, М.М. Бахтин определял речевой жанр как относительно устойчивый тип высказывания, выработанный определенной сферой использования языка [3].

Применительно к **форме** дискурса как языкового знака принято говорить о трехуровневом понимании формы знака. На первом уровне (фонетические или графические знаки) выделяются чувственно воспринимаемые сигналы. На втором уровне – это сигналы сигналов, то есть значение как знак, для которого содержание оболочки превращается в форму (сюда относятся слова, словосочетания и автосемантические высказывания, взятые вне контекста). На третьем уровне происходит усложнение знаковых характеристик языковых единиц, которые становятся единицами общения. В таких единицах-высказываниях значение приобретает статус смысла, привязанного к ситуации и участникам речевого акта. На этом уровне происходит контекстуализация формы и содержания знаков, которые переходят на высшую ступень – ступень формирования дискурса. Дискурс как контекстуализированный знак открыт для восприятия и осмысления: можно установить его значение как абстрактного конструкта и определить его форму, содержание и жанр.

Что касается **содержания** жанра, оно определяется на контекстуальном уровне дискурса, то есть на основе вербального текста и признаков ситуации, которые позволяют понять этот текст в его конкретном воплощении. Поэтому жанр речи, рассматриваемый как семиотическое явление, с точки зрения формы и содержания реализуется в речи как дискурсивный контекстуализированный знак, имеющий определенную форму и содержание. Количество жанров, так же, как и количество состоящих из речевых актов дискурсов, не исчислимо.

Таким образом, абстрагируясь от конкретных текстов и обобщая ситуативные характеристики коммуникации, можно выделить основные определяющие признаки речевого жанра: семиотический характер жанра, дискурсивность, целенаправленность, целостность и завершенность, связь жанра с определенной сферой речевого общения.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. I–XV.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002.
3. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (датаобращения: 23.01.2023).
4. Будагов Р.А. Понятие о литературном языке // Литературные языки и языковые стили. М., 1967.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 2002.

Ж.А. Микаелян

кандидат филологических наук, доцент

Московский информационно-технологический университет – Московский

архитектурно-строительный институт

E-mail: Zhmik@yandex.ru

ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В СПЕЦИАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ

Е.В. Черных

Аннотация. Специальный перевод представляет собой особый вид перевода, характеризующийся повышенной востребованностью в современном мире, направленный на точность воспроизведения информации с одного языка на другой и охватывающий различные сферы профессиональной коммуникации. Разносторонность и жанровое разнообразие специальных текстов требуют от переводчика использования особых прагматико-ориентированных подходов к их переводу, которые могут подразумевать сохранение и перенос элементов исходного языка в текст на языке перевода. Данный подход к переводу мы рассматриваем как практическую реализацию явления межъязыковой интерференции в переводе в виде интерферентного перевода, направленного на сохранение смысловых, функциональных и коммуникативных особенностей оригинала. В рамках данной статьи на примере текстов на английском и русском языках военной и юридической направленности нами проанализированы основные функции, реализуемые интерферентным переводом в специальных текстах, а также особенности их практического применения.

Ключевые слова: межъязыковая интерференция, интерферентный перевод, специальный перевод, функции перевода, взаимодействие языков.

PRACTICAL IMPLEMENTATION OF CROSSLANGUAGE INTERFERENCE IN SPECIALIZED TRANSLATION

E. V. Chernykh

Abstract. Special translation is a type of translation in high demand in the modern world that aims at accurate transfer of information from one language into another and covers various spheres of professional communication. The versatility and genre diversity of special texts require the translator to use special pragmatic approaches to their translation. Some of them may include the preservation and transfer of source language elements into the target language texts. We consider this approach to translation as a practical realization of the phenomenon of crosslanguage interference in translation in the form of interference translation aimed at preserving semantic, functional, and communicative features of the original texts. In this article we analyze the main functions of interference translation in special texts and the peculiarities of their practical application on the example of military and legal texts in English and Russian.

Keywords: crosslanguage interference, interference translation, special translation, translation functions, language interaction.

Когда речь заходит о процессе перевода, его способах и стратегиях, на ум зачастую приходит образ переводчика, работающего над очередной художественной книгой и пытающегося донести до читателей оригинальный замысел писателя. Это и не удивительно, ведь до сих пор согласно данным ЮНЕСКО самой переводимой книгой является Библия, а автором – Агата Кристи [10]. Вместе с тем рамки перевода не ограничиваются художественными произведениями. Расширение торговых, деловых, военных и дипломатических связей, массовое распространение интернета и глобализация обозначили необходимость в переводе самых разных устных и письменных текстов – от экскурсий и инструкций к бытовому прибору, до между-

народных конференций и межгосударственных договоров. Кроме того, наблюдается активная тенденция к увеличению количества произведений жанра нон-фикшн – нехудожественной, прикладной литературы. Так, согласно Всероссийскому книжному рейтингу за 2023 г. в ТОП-50 бестселлеров за I полугодие 2023 г. доля нон-фикшн произведений увеличилась на целых 52 % по сравнению с прошлым годом [4].

Приведенные данные свидетельствуют о повышенном спросе на специалистов в области нехудожественного, специального перевода, характеризующегося специфичной терминологией, жанровыми и стилистическими особенностями и затрагивающего различные сферы общения и отрасли знания. Отличительной чертой специального перевода является его направленность на максимально точную передачу информации с одного языка на другой и ориентирование на языковые стили в их жанровых разновидностях в сфере профессиональной коммуникации [1, с. 32]. Кроме того, мы, вслед за отечественным лингвистом М.В. Полубояровой, считаем, что «специальный перевод ... – это перевод, ограниченный лингвориторической функцией (лингвориторическими принципами построения текста), осуществляемый без учета органично присущей тексту лингвопоэтической функции. Смысловой доминантой здесь являются прагматические (в когнитивном и коммуникативном аспектах) задачи речи. Лингвостилистическая составляющая учитывается лишь формально – на уровне общих стилистических и жанровых совпадений» [8, с. 80].

Приведенная специфика указывает не только на смысловые и структурные различия художественного и специального переводов, но также на разницу подходов к осуществлению прикладной деятельности по их осуществлению с точки зрения работы переводчика. Нацеленность на точность воспроизведения информации может привести специалиста к необходимости сохранения отдельных элементов исходного языка в языке перевода с целью передачи смысловых, функциональных и коммуникативных особенностей исходного текста, то есть к тесному контакту с явлением межъязыковой интерференции в переводе. В предыдущих работах [9, 10] мы уже подчеркивали, что, вопреки распространенному мнению, данное явление может играть в переводе не только отрицательную, но и положительную роль. На наш взгляд, именно в специальном переводе она реализуется наиболее наглядно, поскольку данный вид перевода допускает искажения норм и узуса языка перевода, если это требуется для передачи контекстуально важных особенностей информации.

Межъязыковая интерференция в переводе не является отдельным способом или методом перевода. Она находит свое отражение в различных языковых явлениях и приемах, направленных на перенос особенностей языка оригинала в язык перевода, например в таких, как транслитерация, калькирование, синтаксический и структурный перенос и других. Все данные способы мы объединяем понятием «интерферентный перевод», под которым понимаем совокупность методов и приемов перевода, направленных на намеренное искажение норм и узуса языка перевода, и переноса в него элементы языка оригинала в целях обеспечения потребностей перевода и сохранении смысловой, функциональной и коммуникативной нагрузки исходного текста, а также сам язык перевода, наполненный интерферентными элементами.

Важно отметить, что мы считаем интерферентный перевод одним из способов перевода, но никак не единственно возможным или единственно верным. Интерферентный перевод реализуется в рамках определенных условий и выполняет специфичные функции, которые будут рассмотрены нами ниже. Необходимо помнить, что область специального перевода сама по себе неоднородна и включает в себя самые разные сферы человеческой деятельности и общения: юриспруденцию, науку, армию и многие другие, которые в свою очередь подразделяются на жанры, различающиеся по тематике, композиционному построению и стилю. Согласно приведенному в Толковом переводоведческом словаре Л.Л. Нелюбина определению специального перевода он включает в себя даже «темы повседневного речеязыкового

общения» [6, с. 208]. Очевидно, что в повседневной коммуникации интерферентный перевод далеко не всегда будет уместным, так как разговорный стиль языка, во-первых, у каждого человека обладает собственной спецификой, а, во-вторых, часто наполнен идиоматическими выражениями, фразеологизмами и сленгом, буквальная трактовка которых может привести к значительному затруднению коммуникации.

В рамках нашего исследования мы в большей степени концентрируем свое внимание на военном и юридическом переводах, поскольку данные сферы общения характеризует «большая терминологичность и предельно точное, четкое изложение материала при относительном отсутствии образно-эмоциональных выразительных средств» [6, с. 23].

Всего в процессе исследования мы выделили пять основных функций интерферентного перевода, реализуемых им в специальных текстах: функцию промежуточного текста, функцию передачи безэквивалентной лексики, функцию форенизации, функцию сохранения нормативной силы текстов и функцию критерия оценки перевода. Рассмотрим каждую из них.

Функция промежуточного текста связана с переводом как процессом, набором определенных действий и операций, выполняемых переводчиком для достижения своей цели. В ходе работы над переводным текстом специалист в ходе понимания фрагмента исходного текста и формулирования фрагмента текста перевода как этапов создания текста перевода [7, с. 9] может первично создать промежуточный текст, который все еще наполнен элементами языка оригинала и будет в дальнейшем отредактирован. В этих целях может также использоваться и машинный перевод, который хоть и далек от идеального и не всегда может различать смысловые оттенки тех или иных понятий, вполне может дать общее представление о тексте. На наш взгляд промежуточный текст позволяет ускорять процесс перевода, так как сначала переводчик создает черновой вариант, целью которого является ознакомление со смысловой и функциональной спецификой оригинала, а уже потом доводит его до ума в соответствии с нормами и узусом языка перевода на этапе саморедактирования. При таком подходе переводчик сразу получает готовый текст и знакомится с его терминологическими и стилистическими особенностями целиком, а не поабзацно, и может сразу выделить сложные моменты, требующие более глубокой проработки. В рамках военного и юридического переводов преимуществом такого подхода является то, что данные тексты обладают ограниченным спектром грамматических приемов и сконцентрированы вокруг терминологии, на которую переводчик сможет переключить основную часть своего внимания.

Функция передачи безэквивалентной лексики является, наверное, самым распространенным случаем использования интерферентного перевода. Различия не только в культурной, но и политической, социальной и юридической системах разных государств приводят к формированию большого количества понятий, не имеющих аналогов в других языках. Попытки поиска эквивалента могут привести к утрате тех или иных семантических особенностей слова. В этом случае возможно использование транслитерации, калькирования или прямого переноса понятия. Необходимо отметить, что передача формы слова не приводит к переводу его содержания, поэтому могут потребоваться дополнительные комментарии и разъяснения со стороны переводчика, однако такой способ позволяет подчеркнуть смысловую, культурную и нормативную специфику понятия и сохранить его функциональную нагрузку.

Так, в военном переводе с английского языка на русский можно встретиться с такими понятиями, как «*mobile defense*» или «*process debriefing*». Каждое из них характеризует ту или иную особенность, свойственную зарубежным армиям и не имеющую аналогов ни в русском языке, ни в российских военных реалиях. «*Mobile defense*» относится к особому виду организации обороны, подразумевающему намеренное завлечение наступающего противника в удобные для последующего уничтожения районы совместными действиями различных видов и родов войск; «*process debriefing*» – это способ организации подведения

итогах, при котором основной упор делается на оценку психологических качеств и состояний участников, а не только на анализ их действий. Как видно, каждый из этих терминов отражает определенную специфику, вследствие чего интерферентный перевод видится адекватным способом их передачи на русский язык в виде таких понятий как «*мобильная оборона*» и «*процессуальный дебрифинг*».

Кроме того, необходимо отметить, что специальные тексты, в частности военные и юридические, в основном ориентированы на специалистов, знакомых с терминологией и реалиями, а также с имеющимися между странами и языками различиями и особенностями организации текстов, поэтому подобные интерферентные элементы не будут вызывать у них затруднений понимания.

Функция форенизации близка к предыдущей рассмотренной функции, однако ее особенность заключается не только в исключительно языковой специфике передачи понятий, но и в общем восприятии переводных текстов реципиентами. Так, когда, например, в русском тексте используется термин «*легкая пехота*» (от англ. «*light infantry*») в современном значении, мы сразу понимаем, что речь идет о разновидности пехоты именно армии США, а понятие «*STANAG*» (иногда встречается в более русифицированной версии «*СТАНАГ*», от англ. «*Standardization Agreement*» – «*соглашение по стандартизации*») относится только к стандартизированным документам НАТО. Форенизация в данных случаях направлена не только на перевод понятий, но и на создание определенной культурной, политической, социальной и прочей дистанцированности текста. Было бы странно, если бы в переводных текстах, описывающих действия зарубежных армий, использовались российские военные реалии, которые по умолчанию в них отсутствуют. Подобное отчуждение позволяет создавать смысловое разграничение и заполнить имеющиеся лакуны интерферентными понятиями, переносящими из исходного языка не только форму, но и оригинальное содержание. Как уже отмечалось, данное содержание может требовать дополнительных разъяснений, однако в таком виде оно в полной мере сохраняет свою «иностранность» и создает у реципиентов требуемое для восприятия смысла представление.

Функция сохранения нормативной силы текстов в большей степени относится к регламентирующим документами и нормативно-правовым актам, несущими не только информационный смысл, но и регулируемыми ту или иную сферу человеческой жизни. Важной особенностью подобных документов является то, что при переводе на другой язык они не должны приобретать двусмысленность толкования и полностью совпадать содержательно и структурно, то есть являться языковым вариантом текста, а не его переосмыслением и трансформацией. Наглядным примером реализации данной функции являются международные договоры, издающиеся на нескольких языках, которые, во-первых, зачастую имеют собственную особую терминологию, а, во-вторых, подразумевают одинаковое соблюдение буквы и духа документа всеми государствами-участниками. Рассмотрим на примере Венского документа 2011 г. В тексте можно встретить данный пункт:

«Photographs of armoured personnel carrier look-alikes and armoured infantry fighting vehicle look-alikes will include a view of such vehicles so as to show clearly their internal configuration illustrating the specific characteristic which distinguishes each particular vehicle as a look-alike» [2],

который в русском варианте звучит следующим образом:

«Фотоснимки бронетранспортеров-подобных и боевых машин пехоты-подобных включают такой вид этих машин, чтобы ясно показать их внутреннюю конфигурацию, иллюстрирующую особую черту, которая выделяет каждую данную машину как подобную» [2].

В русском варианте текста мы наблюдаем ряд интерферентных элементов от лексических (термины «БТР-подобный» и «БМП-подобный») отсутствуют в русском языке и даже в англий-

ском варианте специфичны только для данного договора) до синтаксических (порядок слов и общий способ построения предложения). На примере данного отрывка не только наглядно иллюстрируются функции передачи безэквивалентной лексики и форенизации, но и то, как интерферентный перевод служит сохранению нормативной функции всего документа. Как видно, структурно оба абзаца являются идентичными, что позволяет одинаково «считывать» их на обоих языках, сохраняя прескриптивное значение.

Последняя из указанных нами функций – функция критерия оценки перевода – тесно связана с классификациями межъязыковой интерференции и ее подразделением на коммуникативную [3], структурную (лингвистическую) [1] и косвенную [5]. Подробно сущность каждой типологии мы разбирали в статье «Межъязыковая интерференция в переводе как единство процесса и результата» [9], однако в ходе исследования мы пришли к выводу, что данные классификации могут служить не только способом разграничения различных видов межъязыковой интерференции, но и выступать в роли критериев оценки интерферентных переводов. Коммуникативная классификация позволяет оценивать то, насколько интерферентные элементы влияют на степень восприятия текста реципиентами, структурная – выделять данные элементы на различных уровнях языка, а косвенная – оценивать степень «отчужденности» текста от норм и узуса языка перевода. Совместное использование данных критериев позволяет проследить то, каким образом использованное переводчиком искажение норм и узуса языка перевода влияет на смысл и понимание переводного текста.

Так, в уже приведенном отрывке из Венского документа мы можем выделить со структурной точки зрения лексическую, синтаксическую и стилистическую межъязыковую интерференцию, с точки зрения косвенной – высокую степень отчуждения текста, а с коммуникативной – минимальное воздействие на восприятие реципиентами, так как текст создан для специалистов, был одобрен в результате межгосударственных консультаций и согласований и функционирует в определенных довольно узких рамках, в результате чего его интерферентность не затрудняет понимание.

Таким образом, рассмотренная специфика позволяет рассматривать интерферентный перевод и подразумеваемый им перенос элементов исходного языка в текст на языке перевода как особый метод передачи смысловых, функциональных и коммуникативных особенностей специальных текстов, в частности военной и юридической направленности. Выполняемые интерферентным переводом функции свидетельствуют о том, что в определенных случаях, определяемых целями и задачами перевода конкретного текста и его жанра, искажения норм и узуса языка перевода являются необходимым средством для сохранения семантики и прагматики текста. Помимо этого, функции промежуточного текста и критерия оценки перевода выступают в роли методологического инструмента, расширяющего возможности саморедактирования перевода и его последующего анализа. Указанные особенности позволяют уйти от понимания межъязыковой интерференции как явления, несвойственного переводу, и рассматривать ее как особый случай безтрансформационного преобразования текста с одного языка на другой с сохранением как содержательной адекватности, так и структурной эквивалентности перевода.

Библиографический список

1. Алимов В.В. Интерференция в переводе (на материале профессиональной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации): дис. ... д-р. филол. наук. М., 2004.
2. Венский документ 2011 года о мерах укрепления доверия и безопасности. Переиздан согласно Решению Форума по сотрудничеству в области безопасности о переиздании Венского документа

(FSC.DEC/14/11), принятом на 665-м специальном заседании Форума ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности в Вене 30 ноября 2011 года // Официальный сайт ОБСЕ. URL: <https://www.osce.org/ru/fsc/86600> (дата обращения: 14.09.2023).

3. Вишневская Г.М. Билингвизм и его аспекты. Иваново, 1997.
4. Всероссийский книжный рейтинг // официальный сайт Российского книжного союза. URL: https://bookunion.ru/news/vserossiyskiy_knizhnyu_geyting_2023/ (дата обращения: 13.09.2023).
5. Клауди К. Косвенная (посредственная) интерференция при переводе с иностранного языка на родной язык // *Interferenz in der Translation*. Herausgegeben von Heide Schmidt. Leipzig, 1989.
6. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М., 2003.
7. Погосов А.А. Динамика переводческого процесса: критерии лингвокогнитивного описания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
8. Полубоярова М.В. Структурные уровни эквивалентности в специальном переводе: на материале англо-русского публицистического перевода: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
9. Черных Е.В. Межъязыковая интерференция в переводе как единство процесса и результата // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 4.
10. Черных Е.В. Онтология и методология межъязыковой интерференции в переводе (на примере русского и английского языков) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 38. № 1.
11. Index Translationum. UNESCO. URL: <https://www.unesco.org/xtrans/bsstatlist.aspx?lg=0> (дата обращения: 13.09.2023).

Е.В. Черных

адъюнкт

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва

E-mail: alzom.elizabeth@yandex.ru

В ПОИСКАХ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ: ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ ПЕРЕВОДЧИКА И ПРИЕМЫ РАБОТЫ С НИМИ

И.А. Мурог

Аннотация. Статья посвящена вопросам использования электронных ресурсов в образовательном процессе и их роли на пути профессионального становления переводчика. Автор приводит классификацию и дает краткий обзор наиболее востребованных электронных ресурсов, от словаря лексической сочетаемости до национального корпуса. В статье последовательно изложены преимущества и недостатки каждого ресурса, а также подробно раскрываются приемы работы с ними, в результате которых формируются устойчивые навыки поиска, обработки и анализа полученной информации в режиме реального времени, что играет значимую роль в профессиональной деятельности переводчика. В качестве направления дальнейшего исследования предполагается экспериментальным путем выяснить, насколько последовательное обучение работе с электронными ресурсами влияет на качество выполняемого перевода, оценив работу студентов по показателям адекватности и времени, затраченного на ее выполнение.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, электронные ресурсы, поисковые системы, коллокации.

IN CONSTANT SEARCH OF COLLOCATIONS: MODERN E-TOOLS FOR TRANSLATORS

I.A. Murog

Abstract. The paper is devoted to online linguistic resources in the classroom and teaching students how to use them in search of collocations. The author gives the classification and a brief overview of the most popular search engines, websites, and language corpora, analyzes their advantages and disadvantages, and also reveals the effective ways of dealing with different types of resources. An experiment on how consistent training in working with online resources may affect the quality of the translation performed is provided as the direction of further research.

Keywords: corpus linguistics, online resources, search engines, collocations.

В последнее десятилетие корпусная лингвистика находится в зените научного интереса, ряд работ посвящен практическому использованию корпусов в лингвистических исследованиях, при подготовке словарей и грамматик [1; 2; 3], некоторые исследователи делают акцент на использовании современных методов корпусной лингвистики при анализе текста [6; 7], определенный круг работ рассматривает электронный корпус текстов в качестве эффективного инструмента для работы переводчика [4; 5]. Несмотря на активный интерес со стороны ученых и глубокую теоретическую проработку, проблема внедрения и использования электронных ресурсов в образовательном процессе и профессиональном становлении переводчика остается мало исследованной.

В условиях набирающего популярность лексического подхода к обучению иностранным языкам, а также все более широкого распространения информационных технологий и относительной доступности технических средств обучения все большую актуальность приобретает использование электронных ресурсов переводчика на занятиях и обучение студентов приемам работы с ними.

Так, по мнению Д.Ю. Груздева, корпуса текстов представляют собой «важный источник лингвистической информации. Они призваны помочь пользователю решить проблемы лексико-грамматической сочетаемости, преодолеть орфографические, пунктуационные, лексические трудности и трудности, связанные с выбором оптимальной грамматической конструкции» [4, с. 4]. Наиболее репрезентативной и развитой отраслью корпусной лингвистики является национальный корпус, так как он в определённой мере может рассматриваться как «полное отражение национального языка» [7, с. 236], это связано с тем, что национальный корпус включает в себя все виды письменных и устных текстов, требуемый уровень репрезентативности достигается за счет его внушительного объема (сотни миллионов сочетаний) и постоянной пополняемости из аутентичных источников.

Рассмотрим работу с национальным корпусом на примере Британского национального корпуса (*British National Corpus*) и Корпуса современного американского языка (*Corpus of Contemporary American English*). В обоих случаях требуется регистрация, которая не занимает много времени, в случае с Корпусом современного американского языка (*COCA*) при указании места работы в высшем учебном заведении становятся доступными дополнительные функции, такие как параллельный фильтр по годам и отраслям употребления искомого словосочетания или фразы. Оба корпуса дают исчерпывающую информацию о частотности употребления, источнике, предоставляют расширенный контекст, позволяют сузить поиск до определенных функциональных стилей, устного или письменного типа речи. *COCA* имеет встроенный модуль озвучки и перевода, в некоторых случаях предоставляет ссылку на видео фрагменты с искомой фразой или выражением. Однако, следует оговориться, что работа с национальными корпусами требует большого количества времени, вдумчивого анализа и критической обработки полученной информации. В связи с чем, В.В. Мамонтова отмечает, что «национальный корпус в первую очередь предназначен для обеспечения научных исследований широкого спектра, составления авторитетных академических словарей, научных описаний грамматического строя. Пользователями национальных корпусов в основном являются лингвисты различного профиля, литературоведы, историки и представители других областей гуманитарного знания» [7, с. 237]. Для решения более мелких, прикладных и конкретных задач существуют другие, более доступные и быстрые источники получения информации.

На наш взгляд, в современных условиях задача педагога заключается не только в том, чтобы продемонстрировать широкий спектр возможностей корпусной лингвистики, но, в первую очередь, привить обучающимся навыки и сформировать привычку самостоятельного использования адекватных электронных ресурсов при выполнении разного вида заданий. Рассмотрим пути решения этой задачи на примере поиска коллокаций и выяснения частотности употребления тех или иных словосочетаний отдельно и в определенных контекстах, функциональных стилях и регистрах общения.

Каждый преподаватель в своей педагогической практике сталкивается с неким сопротивлением со стороны студентов и уточняющими вопросами из разряда: «А что так нельзя?», «А почему это неправильно?», «А я точно это где-то слышал/видел/читал». Обычно подобные вопросы связаны с проблемой устойчивых выражений, сочетаемости слов и принадлежности их к определенной сфере употребления. Также эта проблема актуальна для обучения профессионально-ориентированному языку и в целом является значимой в условиях высокого темпа жизни, неизбежно сказывающегося на быстрых изменениях в языке.

Как было сказано выше, корпусная лингвистика призвана дать объективные и репрезентативные ответы на подобные вопросы, так как она представляет собой раздел лингвистики, использующий компьютерные технологии для изучения языка, представленного в виде выборки оригинальных текстов из различных источников [7, с. 230].

Рассмотрим приемы работы с электронными ресурсами по возрастающей (от уровня словосочетания до функционального стиля).

Самый простой и распространенный способ – поисковик **Google**, но он же самый недостоверный. Так как в результатах будут отображаться любые тексты и источники, в том числе взятые из неоригинальных и ненадежных источников. Однако и этот способ может оказаться полезным. Первое – вводим начало фразы и смотрим, что предлагает поисковик. В начале появятся наиболее частотные варианты. Второй способ, это в строку поиска внести словосочетание, выделив его кавычками. В этом случае поисковик не будет менять его форму, и вы увидите количество совпадений. Так, например, фраза «*it greatly influenced the development*» имеет более 10 тыс. совпадений. В то время как ее неправильный вариант, содержащий лишний предлог («*it greatly influenced on the development*») – всего два. Чтобы добавить надежности в поисковике внесите ограничение (во вкладке *More* выбираем *Books*) и он будет отображать результаты, источником которых являются только книги. Еще один способ быстрого и эффективного использования поисковика – добавление вопросительного знака (?). Предположим, мы ищем выразительное и уместное определение для этой фразы «*one of the most ? scientists*». Вносим ее в поисковик с вопросительным знаком на месте необходимого нам слова и сразу же получаем варианты «*famous*», «*accomplished*». Поиск занял не более 30 секунд.

Следующая группа ресурсов – это онлайн словари, рассмотрим наиболее любимые нами с точки зрения быстрого поиска или проверки сочетаемости слов. Классической академической словарь **Longman Dictionary of Contemporary English** [12] кроме привычной всем словарной статьи имеет еще и отдельный раздел *collocations*. Существуют также и отдельные словари сочетаемости слов, остановимся на двух наиболее доступных и интуитивно понятных в использовании: **Online Oxford Collocation Dictionary** [15], **OZDIC** [16]. В них возможные сочетания сгруппированы по значению слова и различным частям речи, с которыми это слово в данном значении используется. Рассмотрим на примере слова «*cause*», которое может быть и глаголом, и существительным. Возьмем значение «*причина*», к нему будут предложены варианты наиболее часто употребляемых прилагательных (*real, root, true, underlying, hidden,*

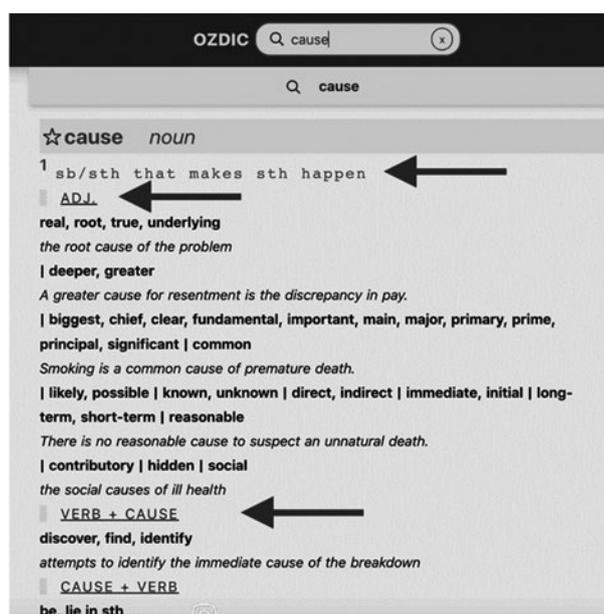

Рисунок 1. Результат поиска в словаре лексической сочетаемости слов Ozdic

social, etc.), 2 группы глаголов (использующиеся перед этим словом (*discover, find, identify*) и после него (*be, lie in sth*), а также устойчивые словосочетания (*cause and effect, the cause of death, due to/from/of natural causes*) (рисунки 1). Время, затраченное на поиск, около 2 минут. Если вы не нашли своего варианта среди обозначенных, можно выбрать близкое по значению и быть уверенным в его правильности.

Если, все же, ваш вариант не представлен в словаре и нет ничего схожего по смыслу, можно воспользоваться возможностями расширенного поиска. Эти опции представлены в учебном корпусе *SKELL* [17], добавляем слово в строку поиска и открываем вкладку «Word sketch2, она дает доступ к примерам употребления искомого слова в разнообразии его синтаксических и синтагматических связей. Например, в разделе прилагательных, употребляемых после глагола *cause*, мы находим дополнительные сочетания (*cause sudden/wild/excessive... etc.*), каждое из этих сочетаний сопровождается значительным количеством примеров, взятых из оригинальных источников, в некоторых случаях также доступна вкладка со словами близкими по значению. (рисунки 2). Работа со *SKELL* требует большего количества времени и сосредоточенности в поиске, зато как видно на примере нашего запроса данная система представляет более широкие возможности для поиска, включая устойчивые сочетания и синонимичные ряды.

Двигаясь в сторону усложнения и укрупнения источников, следует рассказать об электронных ресурсах, основанных на корпусах текстов, *Netspeak* [14] и *Ludwig* [13]. По определению самих разработчиков, *Ludwig* – «это лингвистическая поисковая система, которая позволяет искать и разрешать ваши лингвистические сомнения, помогать превращать ваши идеи в хорошо написанные тексты, делает вас более независимыми и уверенными в вашей работе» [13]. Она адресована в основном пользователям, для которых язык является частью профессии. Рассмотрим ее основные преимущества и приемы работы. Если вас интересует слово, которое употребляется в коллокации перед или после ключевого слова, то вы в строке поиска заменяете его вопросительным знаком. Рассмотрим на примере слова «*authorities*»,

adjectives with cause		modifiers of cause		words and	
1. many	caused many	1. potentially	, potentially causing	1. contribute	cause or contribute to
2. mild	can cause mild	2. thereby	thereby causing	2. exacerbate	caused or exacerbated by
3. excessive	can cause excessive	3. likely	likely caused by	3. aggravate	caused or aggravated by
EXAMPLES show all ☐ <p>In most patients, this causes excessive tearing.</p> <p>The motive: medical conditions that cause excessive, unnecessary itching.</p> <p>Prolotherapy should not cause excessive, severe pain.</p>		☐		4. worsen	cause or worsen
SIMILAR WORDS show all ☐ <p>considerable ● extreme ● excess ● unnecessary ● minimal ● substantial ● much ● extra ● less ● constant</p>		☐		5. permit	cause or permit
11. sudden	cause sudden,	11. eventually	eventually cause	6. allege	caused or alleged to be caused
12. respiratory		12. usually	is usually caused by	7. allow	any person to cause or allow
13. liquid		13. directly	directly caused by	8. effect	to cause and effect
14. abdominal		14. often	often caused	9. attempt	cause or attempt to cause
15. several	caused several	15. indirectly	indirectly caused	10. incite	
				11. perpetuate	
				12. trigger	
				13. result	
				14. suffer	cause and suffer from
				15. induce	

Рисунок 2. Результат поиска в учебном корпусе SKELL

Рисунок 1. Результат поиска в словаре лексической сочетаемости слов Ozdic

мы ищем слово, которое можно употребить перед ним. Ставим вопросительный знак в строке поиска и изучаем полученные результаты. Отличие этого ресурса от предшествующих заключается в том, что он сразу приводит данные по частотности употребления, так словосочетание «*local authorities*» встречается в более 5 млн источниках, в то время как «*municipal authorities*» в 300 тыс. **Ludwig** дает возможность сопоставить два варианта, добавив между ними в строке поиска *VS*. Например: «*local authorities VS municipal authorities*» соотношение 97 процентов к 3. Большим преимуществом данной системы является то, что в примерах сразу даны отсылки на источник. Корпус текстов для **Ludwig** в основном пополняется из наиболее авторитетных зарубежных печатных и электронных изданий (The Guardian, The Economist, The New York Times, The New Yorker, etc.). Среди минусов данного ресурса следует отметить ограниченное количество поисковых запросов в сутки (три – для всех, пять – для зарегистрированных пользователей).

Для обучающихся с высоким уровнем владения языком, а также для преподавателей существует еще один полезный ресурс – **Word Neighbors** [18]. Как следует из названия, данная поисковая система позволяет найти слова, соседствующие друг с другом, то есть снова речь идет о коллокациях. Но, в отличие от предыдущих поисковых систем, данная позволяет уточнить запрос, выставив количество слов (1–4) перед или после ключевого, также в данной программе можно настроить поиск по сферам употребления (публицистика, разговорная речь, художественная литература т.д.) (рисунок 3).

Еще раз обратим внимание на то, что данный ресурс рассчитан на пользователей с высоким уровнем владения языком, т.к. здесь человеку самому предстоит определять какой частью речи в том или ином примере является ключевое и/или искомое слово и, в целом, объем полученной информации может быть адекватно воспринят и правильно истолкован пользователями с уверенным уровнем В2 и выше. Итак, **Word Neighbors** позволяет искать слова и словосочетания отдельно или с добавлением максимального количества (до 4 слов) до и после ключевого, регулировать области поиска и просматривать интересные резуль-

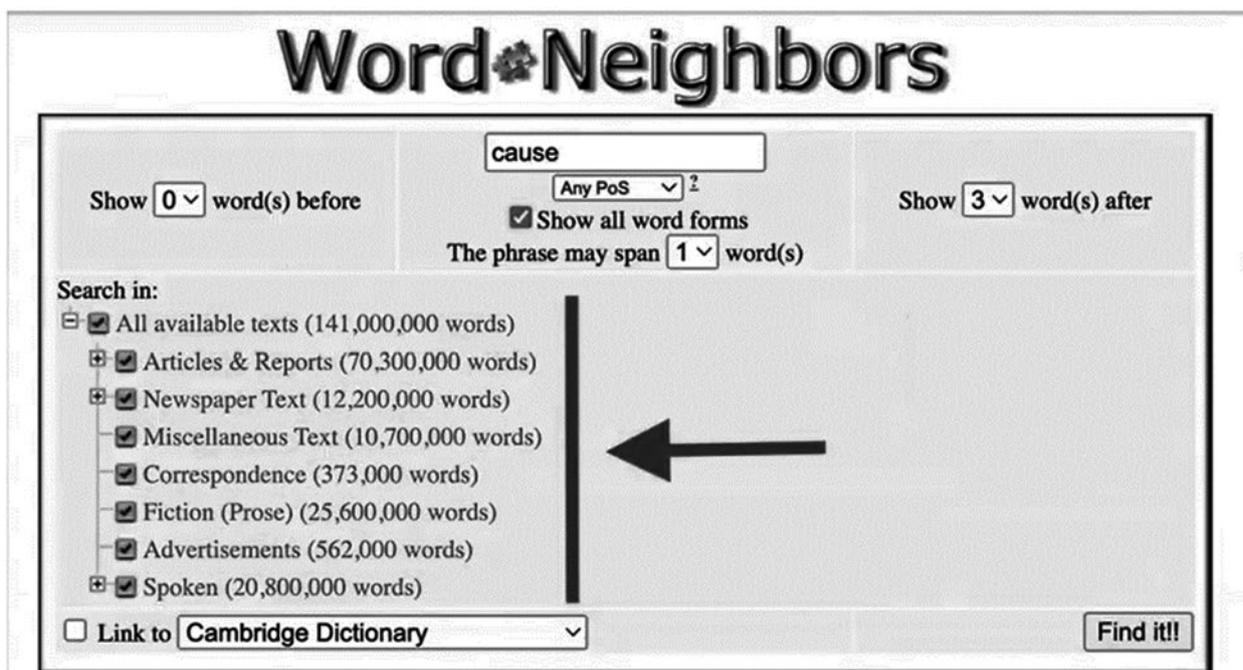

Рисунок 3. Уточнения поискового запроса в Word Neighbors

таты в контексте с отсылкой на источник. Такой функционал скорее всего будет востребован преподавателями (для уточнения спорных вопросов), переводчиками (на тапе редактирования), а также теми, кто работает с академическими текстами и исследованиями в области лингвистики.

В завершении представим краткий обзор еще одной категории электронных ресурсов. Строго говоря, они не являются официальными и в полной мере достоверными источниками, зато дают быстрый и своевременный ответ на вопрос, который преподаватель слышит изо дня в день: «А так говорят?» Один из ресурсов так и называется *Do People Say* [10], его основу составляет корпус текстов из *Reddit* (американская социальная сеть), следовательно, это лучший и наиболее актуальный источник для поиска разговорных оборотов, сленга и фразеологизмов. При этом он также содержит в себе опцию расширенного контекста, при выборе которой вы сможете ознакомиться с абзацем, из которого взята фраза, целиком. Что очень важно для сленгизмов, шуток и неформальных фраз, которые, как правило, очень тесно привязаны к ситуации общения.

По такому же принципу работает ресурс *Fraze It* [11], его отличие заключается в том, что корпус текстов составлен на основе англоязычной популярной прессы (*Forbes*, *USA Today*, etc.), данный сайт также позволяет выбрать сферы для поиска интересующих коллокаций (*Fashion*, *Celebrities*, *Presidents & Royalty*, etc.) и даже дает возможность выбрать типы интересующих предложений (утвердительное, восклицательное и т.д.).

Перейдем к рассмотрению приемов работы с электронными ресурсами в ходе образовательного процесса, которые будут способствовать выработке устойчивого навыка поиска, анализа и отбора требующихся словосочетаний. Первый принцип, который широко применим в условиях дистанционного обучения, это поиск интересующей информации в режиме реального времени. Ничто так не убеждает студентов в необходимости использования дополнительных источников информации, как преподаватель, эффективно использующий эти приемы на занятиях. Следующим шагом (при условии отсутствия ограничений) можно предложить обучающимся самим найти ответ на спорный вопрос, используя ресурсы, предложенные педагогом, а потом организовать небольшое коллективное обсуждение результатов поиска. Как правило, с течением времени, студенты сами привносят в этот процесс еще и элемент состязательности.

Для знакомства с более затратными по времени ресурсами (такими как *Word Neighbors* или *Ludwig*) более целесообразно предложить задания в качестве самостоятельной работы. Например, так называемые *collocation forks* (трезубцы сочетаемости), когда к трем или более словам предлагается подобрать одно, образующее с каждым из них лексически и стилистически верное сочетание. Также возможен вариант с подбором слов обратном порядке (*prompt 4*). Довольно эффективными являются подобные задания при отработке лексических сочетаний со схожими по смыслу словами (например, глаголы *spark*, *stir up*, *bring about*, *incite*, *give rise to* и *prompt*).

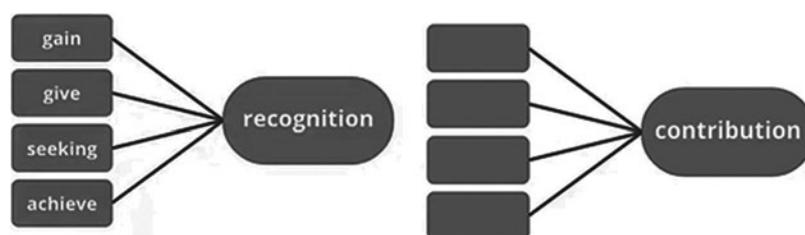

Рисунок 4. Пример задания по поиску сочетаемости слов

Еще одним, заслуживающим на наш взгляд внимания, является прием *knowledge gap* (пробел в знаниях), когда предваряющим заданием перед работой с неадаптированным научным или научно-популярным текстом становится упражнение на подбор сочетаний. Преподаватель предварительно выбирает 6–8 незнакомых, но значимых словосочетаний из текста, и убирает в каждом по одному слову, предлагая студентам сначала высказать свое предположение, проверить его правильность, используя электронный ресурс (например *Netspeak*) и, в ходе работы с текстом, сопоставить полученные данные. Удобнее всего оформить такое задание в виде таблицы (*gapped collocation – your guess – check on Netspeak – check in the text*), подобное упражнение при относительной простоте его подготовки, ставит студентов перед необходимостью несколько раз в относительно разных контекстах взаимодействовать со словосочетанием, что, безусловно, способствует его осмыслению и запоминанию.

Итак, мы рассмотрели ряд электронных ресурсов, которые могут быть использованы при поиске или проверке сочетаемости слов, частотности и уместности употребления тех или иных фраз в определенных контекстах и функциональных стилях. Выстраивая работу с данными ресурсами следует помнить, что они призваны облегчить, а не усложнить работу переводчика. В связи с чем, мы рекомендуем выбирать инструменты исходя из сложности поставленной задачи и двигаться по нарастающей. Для обработки большинства запросов достаточно воспользоваться онлайн словарем сочетаемости или одной из поисковых систем, которая наиболее понятна и привычна для вас. При этом следует помнить, что культуру и навыки поиска и анализа информации важно закладывать еще на начальном этапе профессиональной подготовки переводчика. Если работа с электронными ресурсами является частью профессиональной деятельности педагога, то эту привычку неизбежно перенимают и обучающиеся, что в долгосрочной перспективе будет способствовать не только их успешному овладению иностранным языком, но и совершенствованию навыков поиска, обработки и анализа полученной информации в реальном времени.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Компьютерная лингвистика. М., 2003.
2. Богданова С.Ю. Возможности корпусной методологии в решении лингвистических задач // Вестник ИГЛУ. 2012. № 2 (18).
3. Захаров В.П. Корпусная лингвистика. СПб., 2005.
4. Владимов Н.В. Корпусный подход к решению переводческих проблем (на материале письменных переводов с русского языка на английский): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
5. Груздев Д.Ю. Электронный корпус текстов как эффективный инструмент переводчика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
6. Райскина В.А., Дубнякова О.А. Современные методы корпусной лингвистики при анализе текста (на примере корпуса BFM) // Актуальные вопросы современной науки. 2015. № 40.
7. Мамонтова В.В. Корпусная лингвистика в современной языковедческой парадигме // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 12.
8. British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 29.03.2023).
9. Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca> (дата обращения: 29.03.2023).
10. Do People Say. URL: <https://dopeoplesay.com> (дата обращения: 28.03.2023)
11. Fraise It. URL: <https://www.fraise.it> (дата обращения: 28.03.2023).
12. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 29.03.2023).
13. Ludwig. URL: <https://ludwig.guru> (дата обращения: 30.03.2023)
14. Netspeak. URL: <https://netspeak.org> (дата обращения: 30.03.2023).

15. Online Oxford Collocation Dictionary. URL: <https://www.freecollocation.com> (дата обращения: 29.03.2023).
16. OZDIC. URL: <https://ozdic.com> (дата обращения: 28.03.2023).
17. SKELL. URL: <https://skell.sketchengine.eu/#home?lang=en> (дата обращения: 29.03.2023).
18. Word Neighbors. URL: <http://wordneighbors.ust.hk> (дата обращения: 30.03.2023).

И.А. Мурог

кандидат филологических наук

доцент кафедры английского языка основного

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва

E-mail: welkin2005@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СФЕРА СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ И ЕЁ СТРУКТУРНАЯ СПЕЦИФИКА В ЯЗЫКАХ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

В.В. Миколайчик, В.В. Белоконь

Аннотация. В отличие от русского языка, в котором в примыкающей к глагольному виду обширной семантической сфере способов глагольного действия в семантической дифференциации глаголов доминирующая роль принадлежит деривативной аффиксации, в дари и других западноиранских языках этот словообразовательный способ отсутствует полностью, глагольная лексика отличается крайней семантической недифференцированностью. Важнейшая роль в формировании лексико-семантических вариантов глаголов принадлежит формальным моделям словоизменительного уровня. К числу таких моделей в первую очередь авторы относят регулярные формы претерита и имперфекта. Помимо дифференциации глагольных действий по базовым видовым понятиям, что составляет их главную функцию в системе языка, эти две формы не менее активны также и в выражении тех значений, которые относятся к примыкающей к виду сфере способов глагольного действия. При этом претерит и имперфект взаимодействуют с определенными компонентами семантики оформляемых глаголов и аспектуально релевантными лексическими единицами, которые тоже входят в число основных выразительных средств области Aktionsart. К регулярным формализованным средствам выражения некоторых значений из области способов действия, в частности, начинательного образа действия, в дари относятся также устойчивые лексические сочетания с равноправными и неравноправными компонентами. Одним из центральных объектов анализа в статье выступают специализированные средства в виде факультативных глагольных форм для выражения трех значений из сферы Aktionsart – начинательного, поступательного и результативного действий. План содержания грамматической категории вида в дари помимо базовых признаков этой категории включает также признаки, относящиеся к способам действия, – окказиональные значения регулярных грамматических форм и те, что составляют семантику факультативных форм. Такое разнообразие элементов плана содержания грамматической категории вида не нарушает, по мнению авторов статьи, не нарушает их уровневой иерархии. Структура сферы Aktionsart в языке аналитического типа, где средства рассредоточены на разных языковых уровнях с ведущей ролью словоизменительных моделей, кардинально от аналогичной сферы в синтетически языках, где полностью доминирует деривативная аффиксация.

Ключевые слова: способы глагольного действия, регулярная форма, факультативная форма, план содержания, базовые видовые признаки, аспектуально-релевантные средства, окказиональный признак.

THE SEMANTIC SPHERE OF VERBAL ACTION METHODS AND ITS STRUCTURAL SPECIFICITY IN THE LANGUAGES OF ANALYTICAL TYPOLOGY

V.I. Mikolaichik, V.V. Belokon

Abstract. Unlike the Russian language, where in the vast semantic sphere of verbal action methods adjacent to the verb form, the dominant role in the semantic differentiation of verbs belongs to the derivative affixation, in Dari and other Western Iranian languages this word-formation method is completely absent, the verbal vocabulary is characterized by extreme semantic undifferentiation. The most important role in the formation of lexical and semantic variants of verbs belongs to the formal models of the inflectional level. By the authors, such models primarily include regular forms of Preterite and Imperfect. In addition to differentiating verbal actions by basic species concepts, which is their main function in the language system, these two forms are also no less active in expressing those meanings that relate to the sphere of verbal action methods adjacent to the species. At the same time, the Preterite and Imperfect interact with certain components of the

semantics of the verbs being formed and aspectually relevant lexical units, which are also among the main expressive means of the Aktionsart domain. The regular formalized means of expressing some meanings from the field of modes of action, in particular, the initial mode of action, in Dari also include stable lexical combinations with equal and unequal components. One of the central objects of analysis in the article are specialized tools in the form of optional verb forms for expressing three meanings from the sphere of Aktionsart – initial, progressive and effective actions. The content plan of the grammatical category of the species in Dari, in addition to the basic features of this category, also includes features related to modes of action – the occasional meanings of regular grammatical forms and those that make up the semantics of optional forms. Such a variety of elements of the content plan of the grammatical category of the type does not violate, according to the authors of the article, does not violate their level hierarchy. The structure of the Aktionsart sphere in an analytical language, where the means are dispersed at different language levels with the leading role of inflectional models, is radically different from the similar sphere in synthetically languages, where derivative affixation completely dominates.

Keywords: verbal action methods, regular form, optional form, content plan, basic species features, aspect-relevant means, occasional feature.

Примыкающая к категории глагольного вида обширна сфера способов глагольного действия в языках синтетического типа ввиду наличия развитой системы формальных деривативных моделей активно выступает объектом научного анализа как в рамках аспектологических исследований общего характера, так и специальных научных изысканий. В языках аналитической типологии, например, в западноиранских языках, где в этой области деривативная аффиксация отсутствует полностью, понятию «способы глагольного действия» сколь-нибудь заметного прямого внимания не отмечено. Между тем, проблема представляется весьма важной в первую очередь с прагматической точки зрения, так как прямо связана с решением проблемы трансформаций в процессе поиска эквивалентных соответствий русских полисемантических глаголов при переводе на западноиранские языки. Этим же фактором обусловлен и значительный теоретический интерес к данной проблеме. Ведь способы глагольного действия охватывают значения, отражающие реальные внутренние свойства обозначаемых глаголами процессов, а, значит, средства для их выражения должны найтись в языках любой типологии.

Универсальным ресурсом для выражения всех значений является лексика. Но этим уровнем выражение значений, входящих в обширную семантическую область **Aktionsart**, как показывают наши исследования, не ограничивается. При отсутствии формализованных моделей на словообразовательном уровне их можно найти на других уровнях – словоизменительном (морфологическом) и синтаксическом. В последнем случае нас в первую очередь интересует уровень словосочетания, потому что здесь возможны типовые формальные модели. В то время как синтаксические структуры ввиду открытого характера и универсальности редко могут быть отнесены к первичным номинациям.

Решению данного вопроса серьезно препятствует то обстоятельство, что до сих пор не определен точный список базовых понятий грамматической категории глагольного вида и функционально-семантической категории аспектуальности. По этой причине, например, не определена уровневая принадлежность семантики имеющихся в западноиранских языках факультативных формальных моделей морфологического уровня, предназначенных для выражения значений, относящиеся к области способов глагольного действия. По этой же причине семантика форм претерита и имперфекта, обладающих очевидными признаками видового плана, рассматривается в рамках грамматической категории времени. В результате получается какая-то гибридная категория, включающая формально не расчлененные признаки, относящиеся к разным понятийным сферам – глагольному виду и глагольному

времени. Такой подход вряд ли можно признать корректным, так как по крайней мере одна из этих двух категорий, а именно грамматическая категория глагольного времени, располагает достаточно определенной общепризнанной дефиницией, гласящей, что в смысловой основе этой категории лежит локация действия по отношению к моменту речи и другим дейксисам темпорального плана. Другие признаки, такие, например, как отмечаемые у имперфекта признаки длительности и многократности, к категории глагольного времени отношения не имеют. То же самое можно сказать о признаках краткости и однократности, отмечаемым в дефинициях претерита.

В ряде своих работ по тематике глагольного вида мы попытались обосновать положение о том, что видовой аспект двух широко употребительных универсальных видо-временных форм претерита и имперфекта включает признаки, которые есть все основания считать базовыми компонентами плана содержания грамматической категории глагольного времени и функционально-семантической категории аспектуальности. Они основаны на понятиях процессности/непроцессности и предельности/непредельности. Данные понятия не являются взаимно исключающими, проявляют лишь косвенную взаимообусловленность в том, что непроцессное действие всегда предельно, в то время как процессность к понятию предела индифферентно: этот факт наглядно демонстрируется глаголами длительно-ограничительного подвида совершенного вида (*поработать, посидеть, потанцевать*).

В работах по проблематике глагольного вида среди важнейших видовых значений фигурируют такие понятия, как длительность и краткость, однократность и многократность. Понятие длительности, неизменно следующее на первых местах в списке видовых сем, в иерархии базовых понятий аспектуальности мы не считаем определяющим понятием. Оно обусловлено ведущим процессности – процессное действие всегда длительно, в тот время как длительность вполне совместима и с непроцессностью. Краткость как антипод длительности и, соответственно, процессности, не совместима с непредельностью, хотя предельное действие может быть и длительным.

Признаки однократности и многократности тоже постоянно фигурируют среди основных видовых понятий. Но по иерархии они уступают главным базовым понятиям, так как квалификация по этому понятию касается лишь части глагольных действий, то есть не носит общего характера. Например, по этому понятию не характеризуются непрерывные действия.

Более конкретные признаки из числа внутренних свойств глагольных действий относятся к примыкающей к виду обширной семантической области способов глагольного действия.

Среди важных видовых понятий второго плана постоянно фигурирует значение результативности. Этот признак представляет собой наиболее распространенную разновидность предельных действий, хотя и не исчерпывает собой весь этот класс. О важном месте результативности в характеристике обозначаемых глаголами действий говорит тот факт, что для его выражения в современном языке дари активно используется целый набор языковых средств – регулярные грамматические формы, устойчивые модели лексико-синтаксического характера, а также специализированные факультативные формы. Это объясняется тем фактом, что большинство действий направлено на получение определенного результата. Таким результатом может быть становление другого действия или состояния: *Sarwis-e šahri harakat kard* – «Городской автобус поехал», *Češm-eš larzid* – «Его глаз задрожал», *Doxtar-e barâdaram xandid* – «Моя племянница засмеялась». Данная разновидность результативных действий, называемых начинательными, располагает для своего выражения в разных языках значительными средствами на разных системных уровнях.

Семантическая область «способов глагольного действия» рассматривается как сфера, примыкающая к глагольному виду, составляющая вместе с видовыми значениями общую функционально-семантическую сферу аспектуальности языка. В русском языке способы

глагольного действия рассматриваются как явления чисто лексического порядка, поскольку лежащие в их основе понятия охватывают более или менее ограниченные группировки глагольной лексики в отличие от видовых значений, которые носят всеобщий характер. Но в языке дари для выражения некоторых из значений, относящихся к области способов действия, развились морфологические средства в виде аналитических глагольных форм. То есть, некоторые из этих значений вошли в число грамматических элементов плана содержания функционально-семантической категории аспектуальности и грамматической категории глагольного вида. Хотя, конечно, различия в уровне абстрактности самих понятий, частотности их выражения в речи, совершенно очевидны. Поэтому сами эти аспектуальные понятия, несомненно, следует четко дифференцировать. То есть, следует признать, что грамматическая категория вида может включать значения разного уровня абстрактности, помимо базовых понятий в нее могут входить значения из области **Aktionsart**, для выражения которых в языке развились формальные модели словообразовательного, словоизменительного или синтаксического уровней.

Разнообразны также и способы выражения значений. Например, одним из способов выражения многократности в языке дари является выражение по типу окказионального значения имперфекта. Этот происходит регулярно при употреблении в имперфекте глаголов моментального действия, например: *Āhangar ĉakoš ba sandân mêzad* – «Кузнец бил молотом по наковальне».

Однократность входит в число окказиональных признаков претерита, хотя этот признак может выражаться и другими способами.

Глагольная лексика русского языке уже на уровне исходных (словарных) форм, содержит не только основное вещественное значение, заключенное в корневой морфеме, но и многие выражаемые деривационными аффиксами более абстрактные значения, в частности относящиеся к области глагольного вида и сфере **Aktionsart**. Те элементы смысла, которые характеризуют внутренние свойства процесса, то есть относящиеся к области вида и способов глагольного действия, у некоторых русских глаголов выражены в большом наборе: примерами таких слов могут служить такие глаголы, как *повыбрасывать*, *перепроверить*, *стукануть*, *поперезваниваться* и др.

Классификация способов глагольного действия в русском языке по Н.С. Авиловой содержит два десятка классов и подклассов разного уровня конкретности. В этом отношении русский язык может по праву служить своего рода эталоном, который чрезвычайно удобно использовать при исследовании данной проблемы в языках другой типологии.

По степени семантической дифференциации глагольной лексики на уровне исходных форм язык дари находится на противоположном полюсе. Здесь глагол в исходной (словарной) форме является носителем лишь основного вещественного значения, абстрактным смысловым остовом без детальных признаков, на который все эти дополнительные смысловые детали «монтируются» уже в речи, с использованием различных языковых средств. Крайняя семантическая недифференцированность глагольной лексики, способность глагола выражать действие как в процессе, так и в финальной стадии, частным случаем которого является результат, в наглядной форме может быть проиллюстрирована на примере так называемых глаголов состояния. Условность этой характеристики данных глаголов обусловлена тем, что выражение состояния является лишь одной из нескольких семантических функций этих глаголов. С помощью лексических и других конкретизаторов семантики глагол состояния *nešastan*, например, используется при выражении значений, обозначаемых в русском языке целой группой однокоренных глаголов разного способа действия: «садиться», «сесть», «присесть», «сидеть», «посидеть», «просидеть», «досидеть», «наседеться» и др. Главным средством формирования эквивалентов на дари этих лексико-семантических вариантов

глагола *nešastan* выступают лексические средства. Но не менее активны также и средства других уровней языка. В частности, глагольные формы претерит и имперфект являются важнейшими средствами реализации семантических вариантов, которые отличаются между собой признаками, входящими в семантическое поле глагольного вида, а также наиболее абстрактными значениями из сферы способов глагольного действия. Но глагольные формы принимают участие в реализации лексико-семантических вариантов, которые в понятийную сферу способов действия не входят. Не вписываются в аспектуальные рамки различия между глаголами *смотреть* и *видеть*, в реализации которых в дари могут решающую роль сыграть морфологические модели: *did* (претерит) – «увидел», *mêdid* (имперфект) – «смотрел».

Значение глагола «приподнажать», который по классификации Н.С. Авиловой можно отнести к количественно-смягчительному способу действия, на дари семантически эквивалентно может быть передано следующими лексическими конструкциями: *yak zara fešâr dâdan*, *kamê fešâr dâdan*, *yak zara mohkam gereftan*, *kamakwârê mohkam gereftan*. Это в основном – сочетания глаголов с наречиями и выполняющими их функцию предложно-именными сочетаниями.

Но в данной статье мы ограничили предмет исследования теми из способов глагольного действия, для которых в дари появились специализированные формальные конструкции на словоизменительном уровне или на синтаксическом уровне словосочетания. При этом, взяв за основу данное значение, рассматриваем весь комплекс средств, используемых для его выражения, оценивая их относительную значимость для системы языка.

Значение начинательности принадлежит к числу самых распространенных понятий из области способов глагольного действия. В русском языке глаголы этого способа действия составляют достаточно внушительную семантическую группировку, образованных с использованием соответствующих деривативных аффиксов: *запеть*, *затанцевать*, *двинуться*. В языке дари это значение может выражаться самыми различными способами.

В языке дари на морфологическом уровне появилось специализированное средство выражения начинательности действия. Кроме того, к формальным моделям выражения начинательности относятся некоторые устойчивые лексические сочетания. Среди них такие, в которых постоянный компонент начинает терять признаки знаменательной части речи, превращаясь в служебное слово деривативного типа. А значит, само это словосочетание начинает приобретать свойства аналитического слова. Выше мы отмечали признак начинательности как окказиональное значение формы претерита. Таким образом, мы установили, что в дари для выражения начинательности используется комплекс выразительных средств: помимо универсального лексического способа имеются формализованные средства в лице узко специализированной грамматической формы, в виде окказионального значения регулярной грамматической формы претерита, а также устойчивых синтаксических сочетаний. То, что некоторые из этих сочетаний эволюционируют в направлении аналитического слова, позволяет сказать, что в дари средство выражения начинательности формируется на словообразовательном уровне.

Есть также средства, относящиеся к идиомам: *Xâna râ âtes gereft* – «Дом загорелся», *Zan râ xanda gereft* – «Женщина рассмеялась». В число наиболее употребительных средств, используемых для выражения начинательности, находятся фразеологизмы *sar dâdan*, *ba râh andâxtan*.

Рассмотрим некоторые примеры выражения начинательности действия в языке дари. Свой анализ мы начнем из средства морфологического уровня. Оно не относится к числу главных, но представляет несомненный теоретический интерес как имплицитное проявление потенциальных возможностей развития глагольной системы языка на словоизменительном уровне.

Грамматическим средством выражения начинательности действия, не требующим содействия со стороны каких-либо других аспектуально релевантных средств, является гла-

гольная конструкция с вспомогательным глаголом *gereftan*, в самостоятельном употреблении имеющем значение «брат».

Форма имеет факультативный статус и не обладает сколько-нибудь значительной употребительностью, количество глаголов, встречающихся в этой форме, очень ограниченное. То есть, значение и роль ее в системе глагола не существенна. Но как морфологическое явление форма представляет значительный интерес.

Хрестоматийными примерами употребления формы с вспомогательным глаголом *gereftan* являются выражения *Asp dawidan gereft* – «Лошадь побежала», *Bâd wazidan gereft* – «Подул ветер», *Bârân bâridan gereft* – «Пошёл дождь».

Обычно в форме с вспомогательным глаголом *gereftan* используются глаголы, имеющие соответствующее лексическое значение, в частности дуративные, например: *Del-e mard tâpidan gereft* – «Сердце у мужчины затрепетало». *Abrahâ ba zudi motalâši gaštandufân bâd wa bârân sâket šod wa âftâb-e jahântâb dubâra bar âsmân-ê lâjwardi deraxšidan gereft* – «Вскоре тучи рассеялись, ураган и дождь стихли, и на лазурном небе вновь засияло дневное светило»; *Way bâ môtar-e xêš wahšatnâkê dar kenâr-e čap-e sarak yaltidan gereft wa bâ sadâ-ye wahšatnâkê môtar-e motazakkerâ âteš gereft* – «После страшного удара он со своим автомобилем закувыркался по правой обочине дороги; последовал ужасный звук, и автомобиль вспыхнул».

В выражении значения начинательности в форме с глаголом *gereftan* основная роль принадлежит этому служебному глаголу. Но следует также иметь в виду, что форма претерита тоже принимает участие в этом процессе. Эта форма прямо способствует выражению начинательности как разновидности результативности своим неустойчивым признаком не процессности и устойчивым признаком предельности, которые не только хорошо согласуются с начинательностью, но и входят в число признаков, образующих это сложное видовое значение. В любом из приведенных трех примеров замена претерита на форму имперфекта, например, приведет к полному изменению внутренних свойств действий и исчезновению значения начинательности.

Таким образом, есть основания утверждать, что равноправным участником формирования начинательности в факультативной форме с вспомогательным глаголом *gereftan* выступает и сам претерит. И, называя средство выражения начинательности морфологического уровня в языке дари, более точно будет сказать «факультативная форма с вспомогательным глаголом *gereftan* в претерите». Это – еще один вариант участия претерита в выражении этого способа действия, используемый применительно к глаголам определенных семантических группировок. Он дополняет также общий обширный спектр способов участия этой регулярной формы в формировании лексико-семантических вариантов глаголов в сфере **Aktionsart**.

К числу моделированных средств выражения начинательности относится определенное количество устойчивых словосочетаний, в которых это значение выражается постоянным компонентом. Область способов глагольного действия богата двучленными лексическими сочетаниями, в которых одно называет действие, а второе уточняет его конкретные признаки или способ совершения. Сочетания построены по синтаксическим правилам свободных сочетаний, но приобрели признаки устойчивых и несвободных. В некоторых из таких лексических сочетаний один из компонентов теряет статус знаменательной лексической единицы, приобретая признаки служебного слова. Для выражения значения начинательности используются устойчивые сочетания, в которых вторым компонентом постоянного характера выступают глаголы *âmadan*, в самостоятельном употреблении имеющим значение «приходить», *dar âmadan* – «входить», *oftâdan* – «падать», *âwardan* – «приносить», *dar âwardan* – «вносить», *andâxtan* – «бросать». Эти устойчивые словосочетания представляют собой наиболее распространенные сейчас в современном языке дари средство выражения становления глагольных действий.

В качестве переменных членов сочетания могут выступать различные имена существительные. В частности, достаточно обычными в качестве переменного (первого) члена конструкции употребляются имена действия, например, существительные, обозначающие движение: *ba parwâz dar âmadan* – «полететь», *ba harakat oftâdan* – «прийти в движение», «двинуться». Но свободно используются слова других семантических классов, например: *ba xanda dar âwardan* – «рассмешить», *ba ta'jjob dar âmadan* – «удивляться».

Постоянным конструктивным элементом конструкции является предлог *ba* – «в», «на», (обычно в направительном значении). Иногда вместо предлога *ba* используется предлог *dar* – «на», «в» (имеющий локальное значение).

Отличительной особенностью конструкций является устойчивость состава и определенное единство значения или прочная связь элементов семантики. В этих лексических конструкциях первый член в полной мере сохраняет свой статус знаменательной части речи. В отличие от свободных синтаксических словосочетаний эти конструкции воспроизводятся в готовом виде по определенной модели. Конструкции могут существовать вне контекста, то есть глагольный компонент может фигурировать в инфинитиве, что свидетельствует о большой как формальной, так и семантической спаянности компонентов, приобретении всем словосочетанием признаков самостоятельной номинативной единицы.

Рассмотрим несколько характерных примеров: *Mard xandid, do mard-e digar ham ba xanda dar âmadand* – «Мужчина засмеялся, двое других мужчин тоже начали смеяться»; *Dar in zamân pesarak-eš az xâb bêdâr šod wa ba gerya oftâd* – «В это время ее сынишка проснулся и заплакал»; *Wali âhesta-âheste pâhâ-yam ba larza oftâd* – «Однако постепенно мои ноги начали дрожать». Первый пример интересен тем, что здесь имеются два разных способа выражения становления одного и того же действия. В первом случае для этого глагол *xandidan* – «смеяться» поставлен в форму претерита, а во втором случае использована конструкция с глаголом *dar âmadan*.

Чаще всего постоянные компоненты встречаются в форме претерита, реже – перфекта. Обе эти формы хорошо приспособлены для выражения такого значения.

Вполне очевидна определенная тенденция к эволюции постоянных членов *âmadan*, *dar âmadan oftâdan âwardan dar âwardan andâxtan* от знаменательной части речи в сторону служебного компонента. На данном этапе эти глаголы еще нельзя воспринимать как служебные слова с деривативной функцией, но также мало оснований считать их полноценными знаменательными частями речи.

В других аналогичных словосочетаниях постоянными компонентами выступают другие глаголы, которые не теряют статуса знаменательной части речи, а это означает, что члены подобных лексических конструкций равноправны. К числу таких конструкций с равноправными компонентами относятся сочетания с постоянными членами *forô raftan* – «опускаться», «погружаться» и *yarq šodan* – «погружаться». «погружать»: *ba tafakkor forô raftan* – «погрузиться в размышления», *ba sokut yarq šodan* – «погрузиться «окупнуться в тишину».

Ввиду устойчивого характера и заметной употребительности подобные конструкции вполне закономерно рассматривать в числе моделированных средств выражения начинательности.

В дари имеются несвободные, устойчивые словосочетания с другими постоянными компонентами: *sar dâdan, dast dâdan, tan dar dâdan*. Но эти глаголы значение начинательности передают лишь при употреблении в форме претерита.

Для выражения начинательности используются синтаксические структуры с глаголами *mašyul šodan* и *masruf šodan* «заняться»: *Man az dawâzdahsâlagi ba ba'd ba dehqâni masruf šodam* – «С двенадцатилетнего возраста я занялся крестьянским трудом». Впрочем, эти конструкции, несмотря на то что нередко используются в числе средств для выражения

начинательности, к числу специализированных средств выражения этого способа действия не принадлежат, так как нередко встречаются и в другой роли: *Āandin sâl ba ejrâ-ye wazife-ye rasmi-ye xêš masruf šod* – «Он несколько лет занимался исполнением своих официальных обязанностей».

Таким образом, для выражения начинательности в дари в условиях полного отсутствия соответствующих деривативных аффиксов используются средства других языковых уровней. Помимо универсального лексического уровня активное участие в выражении этого способа действия используется видовой аспект грамматического значения регулярной грамматической формы претерита, взаимодействующего для этого с лексической семантикой глаголов и другими языковыми средствами. Среди важнейших средств выражения начинательности действия имеются также устойчивые лексические сочетания, причем некоторые из них ввиду потери постоянным компонентом уровня знаменательного слова проявляют тенденцию к превращению в единицы словообразовательного уровня языка.

Среди средств выражения начинательности имеется определенное количество фразеологизмов, которые входят в общий набор лексико-фразеологических ресурсов языка. В целом средства выражения начинательного способа действия имеются на лексическом, словообразовательном, словоизменительном уровнях и на синтаксическом уровне словосочетания.

В целом основным средством формирования лексико-семантических вариантов глаголов, соответствующих русским способам действия, в дари выступает лексика. Но немалая роль здесь принадлежит смешанному лексико-словоизменительному способу – в виде окказиональных признаков регулярных грамматических форм глагола, семантика которых взаимодействует с лексической семантикой стоящего в этой форме глагола: *sar dard kard* – «голова заболела», *dast larzid* – «рука задрожала», *gonješk parid* – «птичка полетела», *môtar harakat kard* – «автомобиль поехал», *âb jôšid* – «вода закипела», *bačča dawid* – «мальчик побежал», *ašk jôri šod* – «потекли слезы», *bârân bârid* – «пошёл дождь». В определенных случаях реализации лексико-семантического варианта глагола необходимо содействие контекста. Так, в определенном контексте, когда отсутствует связный план повествования, действие называется в ряду не связанных друг с другом событий, то есть когда действие имеет признаки «общефактического», без характеристики его внутренних свойств, выражение *bârân bârid* может означать «выпал дождь».

Значение начинательности легко нейтрализуется также обстоятельствами, не способствующими выражению этого признака, например: *Bârân nim câ'at bârid* – «Дождь шёл полчаса».

Еще одним значением из сферы способов глагольного действия, привлекающим внимание иранистов, является поступательно развивающееся действие, для выражения которого в дари появилась группа факультативных форм с вспомогательным глаголом *raftan*. Появление формализованного средства выражения данного способа действия, несомненно свидетельствует, что это значение относится к числу наиболее распространенных характеристик внутренних свойства глагольных действий.

Формы образуются с помощью вспомогательного глагола *raftan* (в самостоятельном употреблении имеющим лексическое значение «двигаться», «идти», «уходить»). Сам глагол *raftan* стоит в видо-временной форме, которая тоже принимает участие в выражении значения поступательности действия, хотя главным его выразителем является сам глагол *raftan*, сохранивший здесь от своего лексического значения абстрактный признак движения вперед.

Из форм с *raftan* наибольшее распространение получили две формы – с вспомогательным глаголом в настоящем времени и прошедшем длительном (имперфекте). В разговорном языке помимо этих двух форм достаточно часто используется форма с вспомогательным глаголом *raftan* в повелительном наклонении.

Действия, обозначаемые формой с вспомогательным глаголом *raftan* в форме презенса, по своим конкретным внутренним характеристикам обладают четко выраженными признаками поступательно развивающегося процесса: *Rôzhâ derâz wa šabhâ kutâh šoda mêrawad* – «Дни все увеличиваются, а ночи становятся короче». Эта характеристика не меняется даже в случаях, когда обозначаемое действие по своей природе не представляет цельного, единичного процесса. *Az ta 'dad-e in čadernešinha yauman-fi-yauman kasta gardida wa ba sor 'at maskun šoda mêrawand* – «Количество этих обитателей шатров день ото дня уменьшается, они быстро становятся оседлыми»; *In qaziya baraye man delčasptar šoda mêrawad* – «Это дело интересует меня все больше и больше»; *Ba har andaza-yê ke az maydan-e mazkur dur ša- wêm ba haman andaza az ta 'dad-e motarha, mod wa fêšan kasta šoda ba ta 'dad-e karači, haywanat-e barbar ašxas-e piyada wa bêkar afzuda šoda mê-rawad* – «Чем больше мы удаляемся от этой площади, тем все меньше становится автомобилей, модных и стильных вещей, все больше становится повозок, вьючных животных, пешеходов и праздных людей».

В первом из последних трех примеров значение поступательности подчеркивается обстоятельством *yauman-fi-yauman* – «день ото дня». Второй пример интересен тем, что для усиления требуемого признака в сложном глаголе смысловой компонент в лице прилагательного *delčasp* – «интересный» употреблено в форме сравнительной степени. В третьем примере общее впечатление динамики усиливается контекстом и синтаксической конструкцией. Хотя, в принципе, форма с вспомогательным глаголом *raftan* и сама в максимальной степени передают прогрессирующую динамику процесса и в общем в усиливающих этот признак средствах не нуждается. Просто, язык располагает богатыми возможностями обозначить поступательность действия, которые могут и вместе употребляться.

Такой же употребительностью обладает форма с *raftan* в имперфекте: *Wa az ta raf-e digar rôz-ba-rôz mardom-e afâanestâan ba naqsaha-ye este 'mari-ye englis pay borda wa sadâ-ye jombes dar har taraf boland šsoda mêraft* – «А с другой стороны, афганцы постепенно осознавали колонизаторские замыслы англичан, и голос протеста и сопротивления все более усиливался»; *Hawâa târik šoda bud sarmâa-ye šadid mardom râ waâ madâšt ke tonhtar ba sô-ye xânahâ-yešan berawand istgâh-e sarwis-e mirways maydân wa piyâdarawhâ-ye ânjà kam-kam xalwat šoda mêraft* – «Стемнело, сильный мороз вынуждал людей быстрее расходиться по своим домам, автобусная станция на площади «Мирвайс» и улица постепенно пустели».

Примеры свидетельствуют, что форма с *raftan* в имперфекте обозначает действия, которые в видовом отношении обладают точно теми же признаками, что и выражаемые формой с *raftan* в презенсе.

В разговорном дари, включая его литературный вариант, регулярно встречается форма с вспомогательным глаголом *raftan* в повелительном наклонении: *Newešta boro!* – «Пиши-пиши!»; *Daur dâda boro!* – «Крути-крути!».

По своим видовым признакам действие, выражаемое формой с *raftan* в повелительном наклонении, аналогично действиям, выражаемым формами с вспомогательным глаголом *raftan* в презенсе и имперфекте. Обычно формы с *raftan* в повелительном наклонении употребляются не для побуждения к совершению действия, а в ситуации, когда в процессе совершения необходимо стимулировать его темп.

Будучи факультативными и в общем малоупотребительными формы с вспомогательным глаголом *raftan* не являются основным средством выражения поступательного действия. Но представляя собой специфические морфологические средства с ярко выраженной аспектуальной семантикой, формы в эксплицитном виде демонстрируют видное место данного способов глагольного действия как в плане выражении, так и плане содержания грамматической категории глагольного вида и функционально-семантической категории аспектуальности языка дари.

Обратив наше внимание на сам способ поступательного действия, формы с вспомогательным глаголом *raftan* естественно побуждают нас хотя бы кратко перечислить другие

языковые средства выражения данного значения. Мы здесь отмечаем роль регулярных глагольных форм презенса и имперфекта. Об имперфекте мы должны сказать особо. Эта форма, как видим, будучи одним из важнейших средств выражения базовых видовых значений, активно используется также для выражения разнообразных значений из области способов глагольного действия.

Из регулярных грамматических форм, принимающих участие в выражении поступательно развивающегося действия, мы выше упоминали форму сравнительной степени прилагательных. Следует сказать, что ее *использование в этой роли имеет довольно регулярный характер*: *Hawâ sard o sardtar mêšod* – «Становилось все холоднее». Нередко эта грамматическая форма имени прилагательного выступает совместно с формой с вспомогательным глаголом *raftan*: *Hawâ garm o garmtar šoda mêraft* – «Становилось все теплее и теплее».

Большой арсенал выражения поступательного действия имеется на лексическом уровне, это – разнообразные наречия, предложно-именные и другие лексические сочетания, выступающие в роли обстоятельств образа действия.

Еще одной узко специализированной формой, предназначенной для выражения одного из значений из сферы **Aktionsart**, является факультативная специальная видовой формой для выражения результативных действий является факультативная форма прошедшего времени с префиксом *be-*. Форма редко употребительная, имеет некоторый архаичный оттенок и является строго маркированной стилистически, поскольку употребляется в текстах научного функционального стиля. Обозначает прошедшее действие с эксплицитно выраженным признаком результативности: *Ammâ ô râ ba hila gereftâr kardand wa dar zendân bekošand* – «Но его коварно задержали и в тюрьме прикончили»; *Nâder dar haqiqat az hamin waqt ke ba niyâbat-e saltanat rasid pâdešâh-e fârs šod wa jami'-e omur-e laškari wa kešwari râ dar dast-e xêš begereft* – «В действительности Надыр с того самого времени, когда он достиг поста наместника, стал правителем Фарса и прибрал к рукам все военные и гражданские дела».

Ввиду своей стилистической маркированности форма практически не встречается в языке повседневного общения и поэтому не может быть отнесена к выразительным средствам основного фонда языка. Основным средством выражения результативного способа действия в дари с его крайней семантической недифференцированностью глагольной лексики следует считать претерит, которому часто помогают соответствующие лексические показатели.

Таким образом, в языке дари на морфологическом уровне появились специализированные средства в виде факультативных глагольных форм для выражения трех значений из сферы **Aktionsart**: начинательное действие, поступательное действие и результативное действие. К формализованным средствам выражения начинательности относятся также устойчивые лексические сочетания с равноправными и неравноправными компонентами. Что касается последней разновидности устойчивых сочетаний, то при условии достижения постоянным компонентом статуса деривативного средства всем словосочетанием уровня аналитического слова в дари появится средство выражения начинательного способа действия на словообразовательном уровне.

Ввиду факультативного характера всех трех названных морфологических моделей они не входят в число главных средств выражения даже тех способов действия, которые составляют их семантику. К числу основных средств формирования способов глагольного действия в дари есть основания отнести регулярные формы, в первую очередь претерит и имперфект, которые активно участвуют не только в выражении признаков действия из числа базовых понятий грамматической категории вида и функционально-семантической категории аспектуальности, но не менее активны также и в выражении тех значений, которые относятся к примыкающей к виду сфере способов глагольного действия, взаимодействуя

при этом с определенными компонентами семантики оформляемых глаголов и аспектуально релевантными неграмматическими средствами контекста. К числу основных средств выражения значений из области **Aktionsart** выступают также средства лексического уровня языка в лице наречий образа действия, предложно-именных и других сочетаний, выполняющих роль обстоятельств образа действия.

В языке дари способы глагольного действия выражаются не в виде отдельных глаголов, а в основном в виде лексико-семантических вариантов глаголов, представляющих собой единицы речевого, а не языкового характера. В реализации этих вариантов активное участие принимают средства всех уровней системы языка.

Способы выражения различных внутренних признаков глагольного действия отличаются разнообразием и не зависят прямо от их иерархии. Например, признак многократности, принадлежащий к числу базовых видовых понятий в дари может выступать в отдельных случаях как окказиональный (имперфект глаголов моментального действия), хотя такой способ в целом характерен для значений из сферы **Aktionsart**.

Базовые признаки категории вида и функционально-семантической категории аспектуальности составляют основные компоненты плана содержания этих категорий в дари. Но помимо них в этот план входят также признаки, составляющие грамматическую семантику факультативных грамматических форм, а также окказиональные значения регулярных грамматических форм. Таким образом, план содержания грамматической категории вида может включать разные по уровню иерархии аспектуальные семы, а план содержания – выражающие их факультативные формы. Что, однако, не нарушает иерархии самых признаков как таковых.

В целом, как видим, структура сферы **Aktionsart** в языке аналитического типа обладает кардинальными отличиями от аналогичной структуры в синтетических языках. Здесь средства рассредоточены на разных языковых уровнях с ведущей ролью словоизменительных моделей и практически отсутствующими средствами словообразовательного уровня. А именно этот уровень практически полностью доминирует в сфере **Aktionsart** в языках синтетической типологии.

Библиографический список

1. *Авилова Н.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
2. *Арутюнова Н.Д.* О минимальной единице грамматической системы // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
3. *Бондарко А.В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1998.
4. *Всеволодова М.В.* Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // Вопросы языкознания. № 3, 2009.
5. *Головин Б.Н.* Введение в языкознание. М., 1966.
6. *Идеографические аспекты русской грамматики / под ред. В.А. Белошапковой и И.Г. Милославского.* М., 1988.
7. *Киселева Л.Н.* Язык дари Афганистана. М., 1985.
8. *Милославский И.Г.* Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.
9. *Милославский И.Г.* К определению основных понятий аспектологии // Известия АН СССР. 1987. Т. 46. № 4.
10. *Мучник И.П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.
11. *Общее языкознание. Внутренняя структура языка.* М., 1972.
12. *Островский Б.Я.* Вопросы грамматической семантики глагола языка дари. М., 2004.
13. *Рубинчик Ю.А.* Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
14. *Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой.* М., 1989.

15. *Эдельман Д.И.* Категория времени и вида // Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. II. Эволюция грамматических категорий. М., 1975.
16. *Черткова М.Ю.* Грамматическая категория вида в современном русском языке. М., 1996.

В.В. Миколайчик

доктор филологических наук, профессор

профессор кафедры средневосточных языков

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва

E-mail: mikolai4ik@yandex.ru

В.В. Белоконь

кандидат филологических наук

заместитель начальника кафедры средневосточных языков

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва

E-mail: vbelokon@yandex.ru

УДК 159.947.5

doi: 10.52470/2619046X_2023_4_141

ТРЕХМЕРНАЯ МОДЕЛЬ ПОБУЖДЕНИЙ

Е.А. Трухан

Аннотация. В статье представлена трехмерная модель побуждений с параметрами осознанности, реализованности и детерминированности. Отмечается малочисленность научных публикаций, сфокусированных на проблеме побуждений. Это связано в том числе с тем, что феноменология, охватываемая понятием «побуждение», часто заменена в современной психологии категориями «мотив» и «мотивация». Предлагается рассматривать побуждение как многомерный концепт в соответствии с фрейдовской структурой личности: 1) Оно / неосознанное – осознанное; 2) Я / потенциальное – актуальное; 3) Сверх-Я / спонтанное – императивное. Приведена характеристика шести основных форм побуждений: влечение – желание, намерение – стремление, хотение – долженствование.

Ключевые слова: побуждение, мотивация, мотив, влечение, желание, намерение, стремление, хотение, долженствование.

THREE-DIMENSIONAL MODEL OF MOTIVATION

E.A. Truhan

Abstract. The article presents a three-dimensional model of motivation with the parameters of consciousness, realization and determinism. There are a small number of scientific publications focused on the problem of motivation/побуждение. This is due, among other things, to the fact that phenomenology, covered by the concept of motivation/побуждение, is often replaced by the other categories in modern Russian-language psychology. It is proposed to consider motivation/побуждение as a multidimensional concept in accordance with the Freudian personality structure: 1) Id / unconscious – conscious; 2) Ego / potential – actual; 3) Super-Ego / spontaneous – imperative. The characteristic of six main forms of motivation/побуждение is given.

Keywords: motivation, model of motivation, forms of motivation.

Несмотря на теоретическую фундаментальность категории «побуждение» для исследования мотивации, она до сих пор употребляется в психологии скорее в житейском понимании, как имплицитно подразумеваемое значение слов «будить», «пробуждать», не оформленное в виде четкого научного понятия.

Для анализа дефиниций понятия «побуждение» можно обратиться к толковым словарям.

В Словаре Академии Российской 1789 г. ПОБУЖДЕНИЕ трактуется как «понуждение, поощрение» [17, т. 1, стб. 371].

В Словаре церковно-славянского и русского языка Императорской Академии наук 1847 г. ПОБУЖДЕНИЕ – это «дѣйствіе побуждающаго и побуждающагося», а ПОБУЖДАТЬ – «понуждать, склонять къ чему либо», ПОБУДИТЕЛЬНЫЙ – «побуждающій, понудительный; служащій къ чему либо поводомъ (побудительныя причины)» [20, т. 3, с. 236].

В толковом словаре живого великорусского языка В. Даля 1865 г. слова ПОБУЖДЕНЬЕ, ПОБУДКА объединены в значении «побуждающая сила, причина», а также как действие по глаголу ПОБУЖДАТЬ – «понуждать, склонять, понукать, заставлять дѣлать что». ПОБУДКА – это «врожденный всѣмъ животнымъ даръ, исполнять всѣ потребности свои безознательно. Въ побудкѣ животныхъ слиты въ одно умъ и воля, или думка и сердце, разрозненные въ человѣкѣ» [5, т. 3, с. 125].

В толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова 1939 г. ПОБУЖДЕНИЕ понимается как «желание или намерение сделать что-н.», а ПОБУДИТЬ – «заставить, вызвать желание сделать что-н., понудить чѣм-н. к какому-н. действию». ПОБУДИТЕЛЬНЫЙ означает побуждающий к какой-н. деятельности, активности, вынуждающий к каким-н. действиям (побудительный мотив); вызывающий желание чего-н., возбуждающий [21, т. 3, стб. 326].

Словарь современного русского литературного языка 1960 г. дает двойное определение слова ПОБУЖДЕНИЕ как: 1) Влечение, стремление к осуществлению чего-либо; потребность сделать что-либо; 2) Понуждение кого-либо к какому-либо действию, поступку. ПОБУЖДАТЬ, значит, понуждать, склонять к какому-либо действию, заставлять, вынуждать кого-, что-либо делать; торопить, погонять [19, т. 10, стб. 52–53].

В третьем издании Словаря русского языка под ред. А.П. Евгеньевой 1987 г. ПОБУЖДЕНИЕ рассматривается как «желание или намерение сделать что-л.», а также как действие по значению глаголов ПОБУДИТЬ, ПОБУЖДАТЬ [18, т. 3, с. 154].

В синонимических словарях русского языка упоминаются такие соответствия слову ПОБУЖДЕНИЕ, как *мотивация, мотив, мотивирование, инициация, желание, намерение, стремление, начинание, стимул, стимулирование, повод, основание, тенденция, поощрение, импульс, порыв, вдохновение, влечение, возбуждение, тяга, воздействие, понуждение, подстрекание, подталкивание, поползновение, внушение, упрашивание, агитация, провокация* и пр.

В своем исследовании И.В. Гочева рассматривает побуждение как кластерный концепт и доказывает с помощью методов когнитивной лингвистики, что языковые средства, репрезентирующие побуждение, отражают его концептуальные признаки. Изучение побуждения в контексте концептуального анализа позволило выделить ряд характеристик, отражающих систему знаний о нем и способов их передачи в русском и английском языках с учетом первичных и вторичных структур, то есть многообразия языковой картины мира. В широком смысле побуждение связано с желанием, намерением и потребностью субъекта действовать, осуществлять что-либо лично. С другой стороны, оно интерпретируется как понуждение кого-либо к совершению действия при волеизъявлении адресата, стимулирующем собеседника к определенному поведению [4].

Перечень концептуальных составляющих побуждения по И.В. Гочевой включает знания, касающиеся некоторой ситуации, которая задействует субъекта, объекта, их характеристики, основание побуждения и способ его осуществления:

1. Наличие источника (субъекта побуждения) и цели приложения энергии (объекта побуждения).
2. Желание, намерение субъекта сделать что-либо (волеизъявление, осознанная желательность со стороны субъекта). Эта характеристика реализуется за счет выбора конструкций, семантики и форм глаголов, отражающих активно-волевую специфику субъекта побуждения.
3. Стремление или потребность объекта к выполнению или осуществлению какого-либо действия.
4. Наличие основания побуждения, мотива/стимула (создание и усиление/ослабление мотивов). Мотивы и стимулы (то, что поощряет активность людей) могут быть внешними и внутренними.

5. Способ побуждения (требование, приказ, совет, просьба, предложение, предупреждение, принуждение, угроза и т.п.) [4].

В психологии к настоящему моменту существует мало публикаций, сфокусированных на проблеме побуждений.

Одно из немногих определений понятия «побуждение» в психологии было дано В.А. Иванниковым как «...конкретного ситуативного образования, последнего звена процесса мотивации, непосредственно инициирующего деятельность... именно такой формы и именно в данных конкретных условиях» [6, с. 115].

В более современном подходе И.В. Казаковой побуждение считается показателем мотивированности к выполняемой деятельности, связано со смыслообразованием и проявляется через качественный и количественный аспекты. Если качественный аспект побуждения проявляется в общей направленности деятельности, выборе способа действий в ситуации, то возникновение количественного аспекта побуждения (степени психического напряжения с важной эмоциональной составляющей) неразрывно связано с рефлексией и образованием частного смысла от базовой направленности человека [8].

Анализ литературных источников показал, что несмотря на общеупотребительность слов «побуждение», «влечение», «желание», «намерение», «стремление», «хотение», «долженствование», их научное содержание в категориально-понятийном аппарате психологии мотивации разработано недостаточно.

Если рассматривать ПОБУЖДЕНИЕ как многомерный концепт, то соотношение различных его проявлений можно представить в виде трехмерной модели в соответствии с фрейдовской структурой личности (рисунок 1):

1. Оно / осознанность / неосознанное – осознанное: ВЛЕЧЕНИЕ – ЖЕЛАНИЕ.
2. Я / реализованность / потенциальное – актуальное: НАМЕРЕНИЕ – СТРЕМЛЕНИЕ.
3. Сверх-Я / детерминированность / спонтанное – императивное: ХОТЕНИЕ – ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ.

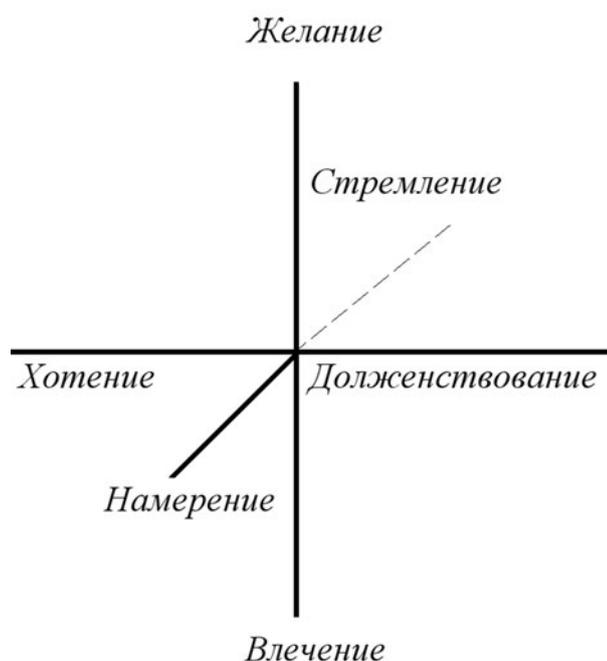

Рисунок 1. Трехмерная модель побуждений

Рассматривая мотивацию с точки зрения психоанализа, Т.Л. Шкляр отмечает, что источником напряжений на 90 % является Ид, Эго непосредственно удовлетворяет, а Супер-Эго контролирует способ удовлетворения. Основное предназначение Эго – реализовывать желания человека, учитывая особенности окружающей его среды. Воздействие общества – ограничивающее и контролирующее свободное выражение желаний человека в рамках общественных правил, законов и традиций – в топографической модели Фрейда находится в Супер-Эго [23].

Любое побуждение может находиться, отмечает В.Г. Асеев, в двух основных состояниях – удовлетворения или неудовлетворения. Состояние удовлетворения точнее трактовать как потенциальное, латентное состояние побуждения в отличие от состояния неудовлетворения как актуального. При этом, по его мнению, существенна не только эмоциональная характеристика этих состояний, но и характеристика в отношении активно-действенного момента. Поскольку актуальным является состояние реализации побуждения, включающее активно-действенный момент, постольку потенциальное состояние связано лишь с пассивным эмоциональным переживанием и не включает активно-действенного момента. Но активно-действенный момент отсутствует не только в случае удовлетворения побуждения, но и в случае нецелесообразности или невозможности его реализации, например, когда имеется более настоятельное и значимое побуждение либо не хватает времени, функциональных или иных ресурсов. Поэтому другим видом потенциальных состояний побуждений являются те, при которых человек эмоционально переживает значимость побуждения, но в силу обстоятельств не может приступить к его реализации [1].

Принцип реальности, согласно фрейдовской доктрине, может оказывать регулирующее воздействие на актуализацию и реализацию побуждений с учетом существующих условий и доступности средств.

Психологической природой побуждения является, по мнению И.В. Гочевой, своего рода двигательный импульс или эмоционально-волевое устремление, которое способно направить действие человека. Побуждение передает стремление индивида к выполнению или осуществлению какого-либо действия. Кроме того, в зависимости от источника побуждения, И.В. Гочева различает внешнее и внутреннее побуждения, указывая, что причиной для совершения действия может выступать как результат внешних процессов (призыв, убеждение), так и чувства, потребности самого субъекта [4].

Таким образом, можно постулировать существование шести основных форм побуждений:

1. ВЛЕЧЕНИЕ–ЖЕЛАНИЕ

В Словаре Академии Российской ЖЕЛАНИЕ – это «хотѣніе, изволеніе» [17, т. 2, стб. 1089]. ВЛЕЧЕНИЕ понимается как «тащеніе, дѣйствіе влекущаго», при этом ВЛЕКУ – «употребляя силу тащу, тяну; поражая чѣмъ чувства произвожу въ душѣ стремленіе, склонность къ чему; убѣждаю, побуждаю, склоняю кого къ чему» [17, т. 1, стб. 767].

Словарь церковно-славянского и русского языка ВЛЕЧЕНИЕ упоминает как «дѣйствіе влекущаго». ВЛЕЧЬ означает как «тащить; уносить силою», так и «производить въ душѣ сильное стремленіе къ чему либо» [20, т. 1, с. 133]. ЖЕЛАНИЕ – это и «чувствованіе, побужденіе желающаго», и «цѣлі желанія». ЖЕЛАТЬ, значит, «стремиться къ полученію чего либо, хотѣть; привѣтствовать изъявленіемъ желанія добра» [20, т. 1, с. 400–401].

В толковом словаре В. Даля указывается, что слово ВЛЕЧЕНЬЕ более употребительно в переносном значении действия по глаголу ВЛЕЧЬ – «волокти, волочь, тащить, силою уносить или утаскивать, как уносит вода, буря» [5, т. 1, с. 189]. ЖЕЛАНЬЕ трактуется двояко, как «чувство желающаго; жаданье, воленье, хотѣнье, стремленье» и «предметъ желаній, желаемое». ЖЕЛАТЬ чего, значит, «жадать, хотѣть, стремиться къ чему или призывать что; волиять, вожделѣть» [5, т. 1, с. 473].

В толковом словаре Д.Н. Ушакова ВЛЕЧЕНИЕ – это «непреодолимая склонность к кому-чему-н., сильное стремление» [21, т. 1, стб. 311]. ЖЕЛАНИЕ означает «внутреннее влечение, стремление к осуществлению чего-н., обладанию чем-н.; потребность удовлетворить половое влечение, вожделение, страсть» [21, т. 1, стб. 851].

В Большом академическом словаре значение слова ВЛЕЧЕНИЕ раскрывается как «повышенная склонность к кому-, чему-либо, сильное желание, стремление», а ВЛЕЧЬСЯ – как «стремиться, испытывать расположение к кому-, чему-либо; испытывать, чувствовать и т.п. влечение (о любви, расположении, склонности)» [19, т. 2, стб. 449–450]. ЖЕЛАНИЕ трактуется по-разному, и как «стремление, влечение к осуществлению чего-либо, к обладанию чем-нибудь», «пожелание (успеха, благополучия и т.п.)» и как «чья-либо просьба, воля» [19, т. 4, стб. 52].

Малый академический словарь ВЛЕЧЕНИЕ определяет как «сильное стремление, непреодолимая склонность к кому-, чему-л.» [18, т. 1, с. 185]. Под ЖЕЛАНИЕМ понимается «внутреннее стремление, влечение к осуществлению чего-л., к обладанию чем-л.; высказанное кем-л. стремление к осуществлению чего-л., к обладанию чем-л.; просьба, пожелание; любовное влечение, вожделение» [18, т. 1, с. 475].

Из всех форм побуждений в Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона включены статьи только для категорий «влечение» и «желание». *Влечения* как произвольные движения включают чувство удовольствия и неудовольствия, а также побуждение к деятельности, направленное на причину удовольствия или неудовольствия. Влечение считается зародышем волевых движений [24, т. 6а, с. 681]. *Желание* или вожделение – это «средняя степень воли, между простым органическим хотѣнием, съ одной стороны, и обдуманном рѣшеніем или выбором – съ другой». Само по себе желание – страдательное состояние души, связывающее область воли с областью душевных чувств или волнений, но субъект может относиться к этим состояниям деятельно, усиливая или ослабляя их напряженность [24, т. 11а, с. 739].

Рассматривая *влечение* как понятие на границе между душевным и соматическим, З. Фрейд называет его психическим представителем раздражений, исходящих из внутренних частей тела и проникающих в душу, а также мерилом работы, которая требуется от психики вследствие ее связи с физическим. Сущность влечения в происхождении из источника раздражения внутри организма и проявлении в виде постоянной силы, поэтому избавиться от его действия бегством невозможно [22].

Влечения как таковые слепы, констатирует Г. Олпорт, они не объясняют организацию и ориентацию посредством когнитивных установок, предвидения, кортикального контроля [15].

Влечение, отмечает В. Вундт, противопоставляется желанию – как туманное желание, при котором субъект не сознает желаемого объекта, или как низшее желание, которое относится к чувственным потребностям. *Желание* всегда в значительной части, по его мнению, сопряжено с интеллектуальным процессом [2].

Г. Гефдинг отмечает «...родство *влеченія* съ инстинктомъ и съ другими на половину или совершенно безсознательными наклонностями къ движению» [3, с. 273]. Влечение превращается в *пожелание*, когда представление делается очень отчетливым и соединяется с сознанием. Именно влечение включает в себе как чувство удовольствия или недовольства, так и позыв к деятельности, направленный на действительную или мнимую причину удовольствия или недовольства [3, с. 272].

Согласно Л.С. Рубинштейну, *влечение* является лишь начальным этапом отражения органической потребности в органической, interoцептивной чувствительности. По мере того как осознается служащий для удовлетворения потребности предмет, на который направляется влечение, а не только ощущается то органическое состояние, из которого оно исходит, влече-

ние необходимо переходит в *желание*. Тем самым влечение опосредуется и обуславливается всей совокупностью отношений данной личности к данному предмету или лицу [16].

Отражение в сознании объекта потребности К. Обуховский также называет желанием [13].

Таким образом, категории «влечение» и «желание» в психологии часто противопоставляются друг другу как неосознаваемое и осознаваемое.

2. НАМЕРЕНИЕ–СТРЕМЛЕНИЕ

Словарь Академии Российской НАМЪРЕНІЕ причисляет к группе глагола МЪРЮ и толкует как «мѣта или предположеніе въ умѣ произвести, сдѣлать что». НАМЪРЯЮСЬ означает «предприемлю, въ умѣ предполагаю, хочу, желаю что исполнить». С намерения, значит, «умысливъ напередъ», без намерения – «безъ умыслу, не предполагая о томъ прежде, не думавши» [17, т. 4, стб. 407]. СТРЕМЛЕНІЕ «...относительно къ душевнымъ свойствамъ и страстямъ значить пылкое, необузданное желаніе; сильное къ чему побужденіе». СТРЕМЛЮСЬ, значит, «быстро несуся, теку, сильное движеніе имѣю по извѣстному направленію; имѣю къ чему сильную склонность, разположеніе» [17, т. 5, стб. 873].

В Словаре церковно-славянского и русского языка НАМЪРЕНІЕ определяется двояко: как «предположеніе къ совершенію чего либо» и как «предметъ, цѣль, назначенное мѣсто». Сделать что-то без намерения, значит, нечаяно, а с намерением – с умыслом [20, т. 2, с. 388]. СТРЕМЛЕНІЕ означает «дѣйствіе стремящагося», а СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ – «дѣйствующій или производимый съ великою быстротою и силою». Указано переносное значение глаголов СТРЕМИТЬ (устремить) – «направлять съ усиліемъ къ какой либо цѣли; обращать къ чему либо», и СТРЕМИТЬСЯ – «имѣть къ чему либо сильную склонность» [20, т. 4, с. 233].

Толковый словарь В. Даля НАМЪРЕНЬЕ рассматривает как «умысль, замысль, предположеніе къ какому либо дѣйствію; хотѣнье, желанье исполнить что». Сделать что с намереньем – с умыслом, нарочно; без намеренья – без умысла, невзначай. Глагол НАМЪРЕВАТЬСЯ означает «хотѣть, желать, быть намерену, предполагать сдѣлать что, располагать, замышлять» [5, т. 2, с. 1032]. СТРЕМЛЕНЬЕ человека – это «склонность, воля, цѣли его», а также действие в состоянии по глаголам СТРЕМИТЬ (влечь, тащить, тянуть, увлекать, волокити силою, нести токомъ, рвать, двигать и направлять, обращать; вперять) и УСТРЕМЛЯТЬСЯ (быстро нестись, течь, направляться бѣгомъ, летомъ; влечься духомъ, хотѣть, желать, стараться достигь, порываться). СТРЕМЛИВЫЙ, значит, «склонный къ сильному стремленію, порывающійся къ чему; невоздержный, бурный, пылкій, нетерпѣливый» [5, т. 4, с. 309].

В толковом словаре Д.Н. Ушакова НАМЕРЕНИЕ – это «предположение совершить что-н.; план действий, умысел». Можно сделать что-нибудь с намерением (нарочно) и без намерения (нечаянно) [21, т. 2, стб. 382]. СТРЕМЛЕНИЕ определяется как «настойчивое влечение, решительная направленность к чему-н., к достижению какой-н. цели». СТРЕМИТЬСЯ, значит, быстро двигаться, направляться куда-н.; устремляться, хотеть попасть куда-н.; настойчиво добиваться, стараться достигь чего-н.; стараться что-н. сделать. СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ, значит, резкий и очень быстрый в движении, в развитии (стремительная речь), поспешный в действиях, решениях, энергичный (стремительный человек) [21, т. 4, стб. 556].

Большой академический словарь под НАМЕРЕНИЕМ понимает «предположение, желание сделать что-либо; замысел». Сделать что-либо с намерением – сделать нарочно, с целью, а без намерения – без какой-либо цели, помимо желания [19, т. 7, стб. 328]. СТРЕМЛЕНИЕ трактуется как «настойчивое влечение, тяготение, решительная устремленность к чему-либо», а также действие по глаголу СТРЕМИТЬСЯ – быстро двигаться, стремительно направляться куда-либо; обращаться, устремляться куда-либо мыслями, чувствами и т.п.; испытывать влечение к кому-, чему-либо (стремиться к кому-, чему-либо душой, сердцем, мыслью и т.п.); стараться попасть куда-либо, быть где-либо или стать кем-либо; стараться достигь чего-либо, настойчиво добиваться чего-либо; иметь ту или иную направленность в развитии, движении

и т.п. Употребление во множественном числе слова СТРЕМЛЕНИЯ означает помыслы, намерения, желания [19, т. 14, стб. 1038–1040].

В Малом академическом словаре НАМЕРЕНИЕ определяется как «замысел, желание, предположение сделать, совершить что-л.». Без намерения, значит, неумышленно, без определенной цели, а с намерением – умышленно, с определенной целью [18, т. 2, с. 371]. СТРЕМЛЕНИЕ рассматривается как «настойчивое влечение, тяготение, решительная устремленность к чему-л.», а также действие по глаголу СТРЕМИТЬСЯ – быстро двигаться, направляться куда-л., устремляться; стараться попасть куда-л., быть где-л. (стремиться на сцену); обращаться, устремляться мыслями, чувствами к кому-, чему-л., куда-л., испытывать тяготение, влечение к кому-, чему-л. (стремиться к добру); стараться достичь чего-л., настойчиво добиваться чего-л. (стремиться к известности) [18, т. 4, с. 287].

В психологии категория «намерение» получила более тщательную научную разработку, чем категория «стремление». *Намерение* может являться, отмечает В. Вундт, в двух формах: как первая ступень волевого действия, и как процесс, не ведущий ни к какому волевому действию и остающийся внутренним [2].

Согласно К. Левину, к намерению вынуждены прибегать тогда, когда нет естественной потребности в выполнении соответствующего действия, либо же когда существует естественная потребность противоположного характера. Динамически *намерение* определяется как возникновение квазипотребности, то есть состояния напряжения. Состояние напряжения, коренящееся в намерении, потребности или наполовину выполненной деятельности, направляется на определенный предмет, который обладает побудительностью, или событие, которое переживается как нечто привлекательное, так что именно эта напряженная система получает власть над моторикой. Порожденное актом намерения состояние напряжения может долго никак не проявляться, а существовать в *латентном* состоянии. Временами случаются прорывы этого латентного состояния напряжения в сознание в форме переживания *стремления* вернуться к первоначальной работе, к осуществлению намерения. Выполнение намерения часто начинается под влиянием внутреннего «нажима» без повода, побуждающего к этому извне. Основным моментом действительности намерения – в подготовке: на основании акта намерения образуется психическое поле, которое без этого намерения не существовало бы или существовало бы не в этой форме. На основе намерения определенные вещи или события, которые иначе были бы для данного лица нейтральными, безразличными, приобретают побудительность и непосредственно ведут к чисто полевым действиям. Всякий по своей сути подходящий повод может запустить осуществление намерения и «удовлетворение», насыщение квазипотребности. Намерение возникает только тогда, когда имеется известное предвидение (не обязательно отчетливый образ будущего). Одновременно с намерением и возникновением квазипотребности открывается принципиальный доступ к моторике, причем для этого нет необходимости в особом акте решения [10].

Намерение, отмечает Г. Олпорт, подразумевает «поддержание напряжения» и имеет сильную ориентацию на будущее. Намерение означает цель, эффективность сознательного планирования и «тягу», направляющую нынешнее поведение человека к его образу будущего. Использование понятия намерения помогает проследить динамику мотивации в направлении разворачивания жизни (в будущее). Намерения говорят о том, какого будущего старается достичь человек. Также понятие намерения позволяет, по его мнению, преодолеть противопоставление мотива и мысли. Намерение осуществляет отбор и подавляет противоречащие ему мотивы. Кроме того понятие намерения имеет ценность при указании на личностные диспозиции дальнего действия и отражает характерные интересы человека [15].

В системно-динамической модели М.Ш. Магомед-Эминова *намерение* имеет динамический и содержательный аспекты. Процесс мотивации реализации понимается как «динамически-смысловая» система, выполняющая функции опосредствования, регуляции процессов

реализации намерения и выполнения действия. Мотивационная тенденция действия на этапе исполнения превращается в динамический аспект намерения и в модели обозначается как «тенденция реализации намерения». Иниционная тенденция может редуцироваться, не развившись в тенденцию действия, если создаются сложности выбора или есть запаздывание с формированием намерения. Редуцированная иниционная тенденция может перейти в латентное состояние либо же сохраняться в плане удовлетворения в фантазиях, грезах. Хотя в динамически-энергетическом плане иниционная тенденция является интерактивным побуждением, она не может детерминировать действие до тех пор, пока не выработается тенденция действия, являющаяся динамическим выражением намерения. Формирование намерения предполагает выбор цели и принятие решения действовать определенным образом. Воплощение цели в намерение осуществляется как планирование действий. Выполнение актуализированного намерения следует за реализационным решением. Динамический план и двигает намерение, и сам находится в движении, изменении по ходу своего осуществления. При этом нужно отличать планирование действия, создающее намеренность, от конкретизации и коррекции плана при реализации намерения, сохраняющем при этом свою инвариантность [12].

В процессе формирования мотива по Е.П. Ильину выбор конкретной цели и формирование намерения ее достичь выражается в сознательном преднамеренном побуждении к действию [7].

Однако при наличии намерения у человека может не хватить решимости осуществить задуманное. Также намерение может быть и без активного действия, когда человек намерен что-то не делать.

Более или менее неопределенная динамическая тенденция превращается, согласно Л.С. Рубинштейну, в *стремление*, когда сколько-нибудь отчетливо вырисовывается та точка, к которой все направлено [16].

Актуализация и реализация намерения предполагает стремление к цели и завершающей реакции. Для этого *стремление* должно быть активным (К. Хорни, И.А. Фурманов), сознательным (Д. МакКлелланд, М.Ш. Магомед-Эминов), настойчивым (К. Обуховский).

3. ХОТЕНИЕ–ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ

Категории «хочу» и «должен» в психологии, как житейской, так и научной, обычно рассматриваются как два полюса некоего континуума либо две противоположности отношения к той или иной ситуации, между которыми следует найти определенный баланс. При этом категория «хочу» подразумевает спонтанность (от лат. *spontaneus* – самопроизвольный), свободное, искреннее выражение своих побуждений, вызванных внутренними причинами и самодетерминированных (от себя [14]), а «должен» – императивность (от лат. *imperativus* – требование, приказ, закон) навязанное, предписанное извне (от родителя [9]). Однокоренные слова «должник» и «должность» передают нюансы значения категории «долженствование».

В Словаре Академии Российской ХОТѢНІЕ трактуется как «желаніе, изволеніе» и причислено к группе глагола ХОЩУ (желаю чего, имѣю къ чему хотѣніе; имѣю намѣреніе) вместе со словами ОХОТА (желаніе, наклонность къ чему), ПОХОТЪ (желаніе, вожделѣніе), ПРИХОТЪ (желанія странныя, какихъ бы имѣть не надлежало или не нужно), ПОХОТѢНІЕ (пожеланіе) [17, т. 6, стб. 578]. ДОЛЖЕНСТВУЮ толкуется как «долженъ есмь, обязанъ» в группе слова ДОЛГЪ (должность или обязанность исполнять что, налагаемая законами, обычаемъ, честностію, дружествомъ и проч.) вместе со словом ДОЛЖНО (надлежитъ, надобно, потребно) [17, т. 2, стб. 719].

Словарь церковно-славянского и русского языка определяет ХОТѢНІЕ как «желаніе», а ХОТѢТЬ, значит, «имѣть къ чему либо охоту, желать чего нибудь; желать, имѣть намѣреніе, предпринимать что нибудь» [20, т. 4, с. 410]. ДОЛЖЕНСТВОВАТЬ трактуется как «быть обязану», а ДОЛГЪ как «обязанность исполнять предписанное; что либо данное, или взятое въ заемъ» [20, т. 1, с. 347].

В толковом словаре В. Даля ХОТѢНЬЕ рассматривается как состояние по глаголу ХОТѢТЬ – «желать, волишь, имѣть охоту, охотиться, стремиться, побуждаться къ чему, намѣреваться, собираться». В. Даль также указывает используемые в различных регионах версии слова ХОТЬ, ХОТѢНЫ, ХОЧЬ (сильное, страстное желанье; похоть, плотское стремление), ХОТѢНКИ (хотѣнье, желанье, воленье, охота), ХОТѢНКА (прихоть), ХОЧА (охота, хотѣнье, желанье, наклонность, поползновение; прихоть) [5, т. 4, с. 514]. ДОЛЖЕНСТВОВАТЬ (быть должну или быть обязану) означает то же, что и ДОЛЖНО – надлежить, надо, надобно, слѣдует, потребно, необходимо требуется, по долгу, по обязанности, должнымъ порядкомъ. «Общій долгъ челоуѣка вмѣщаетъ долгъ его Богу, долгъ гражданина и долгъ семьянина, исполненіемъ этихъ обязанностей онъ въ долгу, онъ составляютъ долгъ его, какъ взятыя у кого взаймы денги или вещи, или все то, чѣмъ обязанъ онъ, по обѣщанью или какому условію» [5, т. 1, с. 411].

Толковый словарь Д.Н. Ушакова трактует ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ как «необходимость чего-нибудь, вытекающая из нравственного закона; то, что должно быть, в противоположность тому, что существует; необходимость того, что должно совершиться». При этом отмечается, что ДОЛЖЕНСТВОВАТЬ (быть обязанным, должным что-н. сделать) является словом устаревшим [21, т. 1, стб. 756]. Под ХОТЕНИЕМ понимается «желание», а также действие по глаголу ХОТЕТЬ – иметь желание, охоту, ощущать потребность в чем-н.; испытывать любовное, половое влечение к кому-н.; иметь намерение (делать что-н.); стремиться к чему-н., добиваться осуществления, получения, приобретения чего-н.; искать, предполагать найти что-н. в ком-чем-н. [21, т. 4, стб. 1180].

Большой академический словарь как устаревшие рассматривает оба слова – и хотение, и долженствование. ХОТЕНИЕ имеет два значения: 1) желание, охота; 2) воля, изъявление воли, желания. Трактовка однокоренных глаголов вполне современная: ХОТЕТЬСЯ, значит, ощущаться как потребность, желание, стремление, а ХОТЕТЬ – иметь желание, охоту, ощущать потребность в чем-нибудь (в еде, отдыхе и т.п.); иметь желание ощутить, познать, испытать что-нибудь; испытывать потребность в обществе кого-нибудь, нуждаться в ком-нибудь; испытывать к кому-нибудь любовное влечение, страсть; иметь желание обладать чем-нибудь; стараться достичь чего-нибудь, стремиться к чему-нибудь; собираться, намереваться; иметь желание сделать что-нибудь, принять участие в чем-нибудь; иметь желание, чтобы что-нибудь произошло определенным образом [19, т. 17, стб. 409–413]. ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ лишь упоминается без пояснений, а ДОЛЖЕНСТВОВАТЬ определяется как «быть обязанным, должным» [19, т. 3, стб. 941–942].

Малый академический словарь про слово ХОТЕНИЕ указывает, что это «то же, что желание» [18, т. 4, с. 622], а ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ трактует как «необходимость совершения какого-л. действия» и состояние по значению устаревшего глагола ДОЛЖЕНСТВОВАТЬ (быть должным, обязанным) [18, т. 1, с. 423].

В психологии категории «хотение» и «долженствование» как самостоятельные понятия встречаются редко, в современных публикациях почти не упоминаются.

Согласно В. Вундту, чувствование представляет состояние, мыслимое только у существа, способного хотеть. Чувствование заранее предполагает *хотение*, а хотение наоборот – чувствование [2].

По мнению Л.С. Рубинштейна, общественно значимое, должное, закрепляясь в регулирующих общественную жизнь нормах права и нравственности, становясь личностно значимым, порождает в человеке динамические тенденции большой действенной силы, *тенденции долженствования* [16].

Долженствование, отмечает Е.П. Ильин, придает особую психологическую окраску и мотивации, и поведению человека, свидетельствует о его социальной зрелости, о формировании у него чувства долга. Долженствование может быть разной природы, как без поощрения извне, так и с воздействиями извне – приказами, требованиями, предписаниями.

Поведение по долженствованию обусловлено потребностями более высокого порядка, идущими от разума, нравственности человека (в уважении и самоуважении, альтруизме и т.д.). Они связаны с актуализацией той социальной роли, которая в данный момент заставляет подавлять другие потребности. Тогда нет преднамеренного воздействия, навязывания извне того или иного поступка. Ситуация скорее напоминает человеку о его обязанностях, о том, что ему надо сделать, а он сам организует свое поведение [7].

Таким образом, слова «побуждение», «влечение», «желание», «намерение», «стремление», «хотение», «долженствование» используются как синонимичные и взаимозаменяемые понятия, подтверждая тем самым внутреннее концептуальное единство.

В завершение следует отметить, что малочисленная и фрагментарная представленность категории «побуждение» в отечественных научных публикациях связана в том числе и с тем, что психологическая реальность и феноменология, охватываемая этим понятием, часто заменяется терминами «мотив» и «мотивация».

А.Н. Леонтьев прямо указывает: «Побуждение можно назвать иностранным словом «мотив». Это, собственно, и есть то, что движет, побуждает» [11, с. 418].

Конструкцию «побуждение/motivation» использует И.В. Гочева при описании результатов проведенного концептуального анализа комплекса знаний, стоящих за этими категориями в русском и английском языках [4].

Категории МОТИВ нет ни в Словаре Академии Российской 1789 г., ни в Словаре церковно-славянского и русского языка 1847 г. Примечательно, что в Словаре церковно-славянского и русского языка ИНСТИНКТЬ определяется как «внутреннее побуждение, врожденное животным, посредством которого они находят для себя полезное и избѣгают вреднаго; побудка» [20, т. 2, с. 133].

Новый словотолкователь 1803 г. Н.М. Яновского, содержащий встречающиеся в русском языке иностранные речения и технические термины, значения которых не всякому известно, включает МОТИВЪ как «...слово, употребляемое только композиторами въ техническомъ смыслѣ, значить первоначальную и главную мысль, на которой композиторъ основываетъ и располагаетъ свое сочиненіе» [25, т. 2, стб. 867].

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона 1897 г. также дает определение МОТИВЪ только в музыке и изобразительных искусствах, упоминая при этом происхождение слова «отъ лат. *movere* – двигать, побудительная причина, поводъ» [24, т. 20, с. 42].

В толковом словаре В. Даля 1865 г. уже приведено двойное определение МОТИВЪ как «побудительная причина» и как «напѣвъ, голосъ, погудка, наголоска». МОТИВИРОВАТЬ что, значит, «подкрѣпить доказательствами, подтвердить и объяснить доводами» [5, т. 2, с. 947].

Толковый словарь Д.Н. Ушакова 1938 г. содержит такие трактовки понятия МОТИВ [фр. *motif*], как: 1) побудительная причина, повод к какому-н. действию; 2) довод в пользу чего-н.; 3) простейшая единица сюжета; тема, сюжет произведения искусства; 4) простейшая ритмическая единица мелодии. Мелодия, напев. Включено также понятие МОТИВАЦИЯ как: 1) система доводов, аргументов в пользу чего-н., мотивировка; 2) совокупность мотивов, обуславливающих тот или иной поступок (псих.) [21, т. 2, стб. 266]. Последняя ремарка (псих.) означает, что это слово стало уже употребляться в психологическом контексте.

Большой академический словарь 1957 г. указывает такие значения слова МОТИВ, как: 1) основание, причина, повод (к какому-либо действию); довод в пользу чего-либо; 2) в музыке – простейшая ритмическая единица мелодии; мелодия, напев; 3) идея или тема произведения искусства; простейшая составная часть сюжета; 4) образец, отличительная особенность (рисунка, изображения); кружевной или вышитый узор. МОТИВАЦИЯ также трактуется более психологично, как «совокупность доводов, мотивов в пользу чего-либо, мотивировка; совокупность мотивов, побудительных причин, обуславливающих тот или иной поступок» [19, т. 6, стб. 1296–1297].

Следовательно, «мотив» как научное понятие представляет собой заимствованное слово, термин из сферы искусства (прежде всего музыки), который получил далее более широкое применение в психологическом контексте, фактически вытеснив из научного русскоязычного категориально-понятийного аппарата слово «побуждение» и некоторые его синонимы.

Подведём итоги:

1. Побуждение можно рассматривать как многомерный концепт в соответствии с фрейдовской структурой личности: 1) Оно / неосознанное – осознанное; 2) Я / потенциальное – актуальное; 3) Сверх-Я / спонтанное – императивное.
2. Трёхмерная модель побуждений включает параметры осознанности, реализованности и детерминированности и шесть основных форм: влечение – желание, намерение – стремление, хотение – долженствование.
3. Психологическая феноменология, охватываемая понятием «побуждение», часто заменена в современных русскоязычных научных публикациях категориями «мотив» и «мотивация».

Библиографический список

1. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976.
2. Вундт В. Очерк психологии. СПб., 1896.
3. Гефдинг Г. Очерки психологии, основанной на опыте. СПб., 1898.
4. Гочева И.В. Концептуальный анализ побуждения (на материале русского и английского языков) // Неопсихология. 2021. Т. 7. № 26.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1863–1866.
6. Иванников В.А. Формирование побуждения к действию // Вопросы психологии. 1985. № 3.
7. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2002.
8. Казакова И.В. Побуждение к действию как результат регуляции внутренней активности // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. № 1 (35).
9. Кузьминых К. Послушание или самодетерминация? // Mundo Eslavo. 2019. № 18.
10. Левин К. Намерение, воля и потребность // Динамическая психология: Избранные труды. М., 2001.
11. Леонтьев А.Н. Лекция 3 // Лекции по общей психологии. М., 2000.
12. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. М., 1998.
13. Обуховский К. Психология влечений человека. М., 1971.
14. Одинцова М.М., Москвичева Н.Л., Костромина С.Н., Зиновьева Е.В. Обыденные представления о самодетерминации личности: структура и феноменология // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Психология. 2023. Т. 13. Вып. 3.
15. Олпорт Г. Становление личности: избранные труды. М., 2002.
16. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. М., 1989. Т. II.
17. Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб., 1789–1794.
18. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985–1988.
19. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М., Л., 1948–1965.
20. Словарь церковно-славянского и русского языка Императорской Академии наук: в 4 т. СПб., 1847.
21. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.
22. Фрейд З. Влечения и их судьба // Основные психологические теории в психоанализе: сб. статей. М., 1923.
23. Шкляр Т.Л. Мотивация: ракурс из психоанализа // Лидерство и менеджмент. 2019. Т. 6. № 3.
24. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 86 полутомов с ил. и доп. мат. СПб., 1890–1907.
25. Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины: в 3 т. СПб., 1803–1806.

Е.А. Трухан

кандидат психологических наук, доцент

доцент кафедры общей и медицинской психологии

факультета философии и социальных наук

Белорусский государственный университет, г. Минск

E-mail: elenapsybsu@gmail.com

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ТЕРМИНА «МАНИПУЛЯЦИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

С.И. Шевцевленко, Л.Н. Бенелли, Е.Н. Скрипачева, А.А. Казначеева

Аннотация. В статье проводится анализ основных психологических исследований понятия «манипуляция». Манипуляция человеческим сознанием в настоящий момент является очень актуальной темой, так как окружает нас в повседневной жизни. Манипуляциями пронизаны все сферы общественной жизни: идеологическая, экономическая, социальная, духовная. Мы постоянно сталкиваемся с пропагандой, не лишены манипуляций политика и религия, воспитание и образование. Люди в процессе общения оказывают влияние друг на друга. С рождения начинают воздействовать и влиять на других.

Ключевые слова: манипуляция, психологическое влияния, способы управления, воздействия.

APPROACHES TO UNDERSTANDING THE TERM «MANIPULATION» IN DOMESTIC AND FOREIGN PSYCHOLOGY

S.I. Shevtsevlenko, L.N. Benelli, E.N. Skripacheva, A.A. Kaznacheeva

Abstract. The article analyzes the main psychological studies of the concept of «manipulation». Manipulation of human consciousness is currently a very relevant topic, as it surrounds us in everyday life. Manipulation permeates all spheres of public life: ideological, economic, social, and spiritual. We constantly face propaganda. Politics and religion, upbringing and education are not without manipulation. People influence each other in the process of communication. From birth, they begin to influence and affect others.

Keywords: manipulation, psychological influence, management methods, influences.

Манипуляция человеческим сознанием в современных реалиях является одной из важнейших тем. Термин «манипуляция» имеет большое количество значений – от отрицательного до нейтрального и положительного.

Рассмотрим определения «манипуляция»: в Большом психологическом словаре даётся следующее определение:

Манипуляция (от лат. *manipulus* – горсть, *manus* – рука).

1. Ручная операция, ручное действие, в частности демонстрация фокуса, основанного на ловкости рук.
2. Махинация, обман, жульничество, мошенничество.
3. Коммуникативное воздействие, способное пробудить у целевого объекта определенные психологические состояния (а также чувства, отношения и стереотипы), которые способствуют желаемому (прибыльному) поведению для лица, осуществляющего воздействие; без предположения, что это поведение обязательно должно быть непригодным для самого объекта воздействия [6].

Дабы избежать смешения понятий, необходимо четко понять, рассмотрим манипуляции, чем они отличается от других психологических явлений, таких как иллюзия, обман, воздействие и влияние.

Иллюзия представляет собой искаженное восприятие реальности, которое может быть как случайным, так и неосозанным. В отличие от манипуляции, иллюзия не всегда сопровождается умышленным воздействием.

Обман предполагает намеренное предоставление ложной информации или умолчание о фактах с целью ввести в заблуждение другого человека. Обман может быть частью манипуляции, но не исчерпывает всего спектра манипулятивных методов [7]

Воздействие и влияние могут включать в себя различные способы воздействия на других людей, но они могут быть как позитивными, так и негативными и не всегда означать манипуляцию.

Евгений Леонидович Доценко смог дать четкое определение манипуляции. Он указал на несколько ключевых особенностей манипуляции:

- родовой – суть в том, что она осуществляется путем психологического воздействия;
- манипулятор рассматривает другого человека как средство достижения собственных целей;
- он стремится получить одностороннюю выгоду от этого воздействия;
- факт манипуляции и ее направленность чаще всего остаются скрытыми;
- манипуляция характерна для использования психологических сил и игры на слабостях других людей.

И так, манипуляция может быть определена как умышленное воздействие на психологические или эмоциональные процессы другого человека с целью добиться определенных выгодных для манипулятора результатов. Она часто включает в себя использование ложных представлений, скрытых мотивов и психологических техник для достижения желаемого результата. Данное влияние может быть как этичным, так и неэтичным. Например, врач убеждает пациента отказаться от вредных привычек или родители уговаривают ребенка пойти на рисование. Конечно, каждый случай можно рассмотреть индивидуально и, соответственно, характер воздействия будет также индивидуален для каждой стороны в ситуации.

С тех пор, как человечество появилось на Земле, манипуляции стали неотъемлемой частью нашей жизни, ведь люди всегда стремились контролировать друг друга для достижения своих целей. Манипуляция – это способ воздействия на мышление и поведение другого человека с помощью различных приемов, которые позволяют добиться нужного результата. Манипулировать можно разными способами – убеждением, угрозами, обещаниями, лживой информацией и т.д. Очень часто манипуляции носят скрытый характер и не заметны на первый взгляд. Сегодня манипуляция встречается повсюду – в политике, экономике, рекламе, общественной жизни и даже в личных отношениях [14].

В первых письменных источниках упоминаются случаи манипуляции, в частности в Библии. Рассказы об искушении Адама и Евы сатаной в образе змея, отправление Иисуса в пустыню для искушения от дьявола – все это примеры манипулятивных действий, которые были описаны еще в древности. Но в тех же рассказах мы можем увидеть, каким образом можно справиться с данной проблемой. Сказки и сказания также содержат примеры манипуляций, где герои используют различные техники, чтобы достичь своих целей. Так, серый волк в сказке «Иван-Царевич и Серый волк», а лиса в сказке «Волк и Лиса» используют свою хитрость и смекалку для достижения своих целей [13].

Однако, предвестниками философии манипуляции во времена античности стали младшие софисты Фразимах, Крантий и ученики Горгия Алкидам, Ламкофрон и Полемон. Впоследствии, теория манипуляции нашла свое развитие в трудах Николо Макиавелли, чей трактат «Государь» был важным руководством для политиков XX в. Иезуиты также сыграли большую роль в развитии теории и практике манипуляции. Таким образом, манипуляция успешно применялась при использовании социально-религиозных технологий во время борьбы с орденом иллюминатов и протестантизмом во время Контрреформации [12].

В XX и XXI вв. манипуляция получила новый импульс с появлением глобальных средств коммуникаций, таких как радио, телевидение, кино, интернет и социальные сети, а также под влиянием манипулятивных технологий в сфере психологии и получила название «Психо-

логия влияния». Несмотря на возникновение новых технологий и медиа-платформ, история манипуляции не завершилась в наше время. Наоборот, психология влияния сегодня достигла наивысшего расцвета и продолжает играть значительную роль в нашей жизни. Рассматривая манипуляции в обществе, можно отметить, что когда происходило социальное разделение, в обществе формируются важные предпосылки к манипуляции. В этом контексте можно отметить два вида манипуляции – социальный (они – мы) и межличностный (я-ты) [4].

Манипуляция, как правило, остается скрытой и может быть реляционно-агрессивной (наносит вред отношениям между людьми или их социальному статусу) или пассивно-агрессивной. Западные политологи ввели манипуляцию в качестве научной категории в 40–50 гг. XX в. В конце XIX в., с развитием средств коммуникации, идеологическая борьба между социалистической и капиталистической системами стала все более заметной не только в экономическом, но и в идеологическом и духовном плане [11].

Рассмотрим некоторые точки зрения на природу манипуляций (*таблица 1*).

Таблица 1

Точки зрения на природу манипуляций

<i>Автор</i>	<i>Точка зрения</i>
Эверетт Шостром	Сфокусировался на том, что главное различие манипуляции выражается в том, что она превращает человека в объект, лишая его индивидуальности и свободы выбора. В результате манипуляции, человек может быть деформирован, его личность и самоопределение могут быть нарушены [16]
Эрих Фромм	При изучении манипуляции в условиях рыночной экономики, выявлено, что она распространена в большом количестве случаев, особенно перенося рыночные отношения на межличностный уровень. Ученый полагает, что рыночная ориентация является наиболее распространенным типом социальной ориентации в современном западном обществе. Она относит себя и других к категории товара. Как товар, человек становится предметом манипуляции, то и она воспринимается как привычное явление. Ее перестают замечать.
Теодор Адорно	Анализ социальной реальности западного общества выявил диссонанс между внешним социальным успехом и глубоким драматическим процессом самореализации личности в индустриальном обществе. При изучении возникновения и функционирования тоталитарного фашистского режима, его идеологии и пропаганды, были обнаружены методы социально-политического манипулирования, основанные на высоких и невротических человеческих потребностях, таких как желание контроля, доминирования и самоутверждения за счет других.
Борис Николаевич Бессонов, Дмитрий Антонович Волкогон, Павел Семёнович Гуревич	В ранних исследованиях манипуляции, особенно в Советском Союзе, этот феномен исследовался в контексте политической идеологии, и капитализм как система получала критику. Данные исследования фокусировались на том, как средства массовой информации могут влиять на сознание людей с помощью техники дезинформации и обмана. Однако, несмотря на это, советские исследователи также подчеркивали важность морали и нравственности при рассмотрении манипуляции. Однако несмотря на то, что советские исследования рассматривали манипуляцию в узком политическом контексте, они имели значимый вклад в исследование этого явления. Они подчеркивали важность этики и нравственности в межличностных взаимодействиях и говорили о том, как манипуляция может нанести вред не только обществу, но и отдельно взятому человеку. В этом контексте, советские исследования могут продолжать вдохновлять исследователей в настоящее время, в попытке понять, как манипуляция влияет на различные сферы жизни [13]

На сегодняшний день психологические исследования в области манипуляции достигли значительных результатов. Феномены социальной действительности, такие как идеология,

пропаганда, реклама, информационно-психологическая война и другие, оказывают значительное влияние на общество. Внутриличный контекст манипуляции заключается в сложности внутреннего мира личности, который состоит из множества разных «Я». Основными предпосылками к манипуляции становятся внутриличные противоречия между высокими человеческими потребностями и невротическими потребностями, такими как желание в доминировании, контроле, и самоутверждении за чужой счет [1].

Человеческие поступки можно классифицировать в рамках ценностной оси «отношение к другому как к ценности – отношение к другому как к средству». Важно признавать самоценность другого человека, установление равноправных взаимоотношений, готовность понять другого – все это является проявлением субъектной установки, которая выражает ценность каждого человека. С другой стороны, к манипулятивным действиям может привести объектная установка, которая выражается в желание владеть и управлять другим человеком, непонимание его и отсутствие уважения к его интересам – все это является характерными чертами манипуляции в межличностных отношениях [13]. Тем не менее, не все формы взаимодействия между людьми можно отнести к этим двум установкам, и в связи с этим доктор психологических наук Евгений Леонидович Доценко определил пять типов установок на взаимодействие (таблица 2).

Таблица 2

Типы установки на взаимодействие (по Е.Л. Доценко)

<i>Тип установок</i>	<i>Характеристика типа</i>
Доминирование	<ol style="list-style-type: none"> 1. Желание постоянно влиять на других людей, на их поведение, мысли, вкусы и т.д. 2. Взаимоотношение с партнером сводится к рассмотрению его как к объекту или средству достижения собственных целей, без учета его интересов. 3. Желание обладать, контролировать и иметь одностороннее преимущество без оглядки на справедливость и равноправие. 4. Упрощенное и однобокое восприятие партнера, основанное на стереотипных представлениях. 5. Использование открытых императивных методов воздействия (от насилия до навязывания и манипулирования). 6. Осуществляется на бессознательном уровне
Манипуляция	<ol style="list-style-type: none"> 1. Отношение к близкому человеку как к «особой вещи» (без полного игнорирования его интересов и намерений). 2. Стремление к одностороннему преимуществу с учетом внушаемого впечатления. 3. Применение скрытого воздействия с использованием косвенного давления (провокация, обман, интрига)
Соперничество	<ol style="list-style-type: none"> 1. Подход к партнеру как к опасному и непредсказуемому субъекту, который требует осторожности и не может быть недооценен. 2. Желание преуспеть или превзойти партнера, получить одностороннее преимущество. 3. Использование как непрямого, так и прямого воздействия (включая тонкую манипуляцию, тактические соглашения)
Партнёрство	<ol style="list-style-type: none"> 1. Взаимодействие с партнером на равных условиях. 2. Желание сохранить себя и свои интересы, предотвратить ущерб в отсутствие вреда другой стороне. 3. Использование взаимодействия вместо воздействия (через соглашения и договоренности)
Содружество	<ol style="list-style-type: none"> 1. Отношение к партнеру как к ценной личности. 2. Стремление к сотрудничеству и совместной работе для достижения общих целей. 3. Приоритет использования согласия и достижения консенсуса при взаимодействии

Согласно классификации Евгения Леонидовича Доценко, манипуляция подразумевает неравноправные взаимоотношения, которые приближены к доминированию, но не настолько интенсивны, чтобы нанести серьезный вред психическому здоровью партнера. Однако, стоит подчеркнуть, что манипулирование является аморальной и нередко незаконной практикой, которая может иметь множество форм и целей.

Одной из причин манипулирования может быть макиавеллизм – стратегия политического руководства, основанная на пренебрежении нормами морали. Тем не менее, макиавеллистическое поведение проявляется в осторожных и тонких формах межличностного взаимодействия, таких как лесть, обман, подкуп или запугивание.

Каждый человек, в зависимости от личностных особенностей и опыта жизни, может проявлять манипулятивное поведение в большей или меньшей степени. Согласно проведенным исследованиям, уровень макиавеллизма выше среди молодежи, чем у взрослых.

Манипуляторы могут использовать различные способы управления своими жертвами, включая положительное и отрицательное подкрепление, травмирующий одноразовый опыт, частичное или неустойчивое подкрепление и наказание, ложь, обман путём умолчания, рационализацию и отвлечение, пристыжение, исполнение роли жертвы и слуги, симуляцию невиновности и путаницы, агрессивный гнев и т.д.

Таблица 3

Группы ситуаций манипулятивного воздействия

<i>Группы ситуаций</i>	<i>Их характеристика</i>	<i>Виды</i>
Ситуации межличностного взаимодействия	Взаимодействие и обмен информацией может происходить лично, по телефону, почте, телеграфу, факсу, Интернету и другим способам	Аналогично, и на общественно-политическом и профессионально-деловом уровнях взаимодействие может быть публичным или через массовые коммуникационные средства. В таких ситуациях коммуникация обычно односторонняя.
Публичные ситуации	В них человек, находясь в составе определенной группы, подвергается информационно-психологическому воздействию личностью или группой	Собрания Совещания Митинги Конференции Зрелищные мероприятия Концерты
Масс-коммуникационные ситуации	В них на человека осуществляется информационно-психологическое воздействие средствами массовой коммуникации. В этих ситуациях осуществляется односторонняя коммуникация	Просмотр телепередач. Прослушивание радиопрограмм. Чтение газет, журналов, различных печатных изданий. Взаимодействия с разнообразными информационными системами

Одним из отличительных признаков психологической манипуляции является отношение к партнеру не как к самостоятельной и ценной личности, а как к инструменту, через который достигаются скрытые цели манипулятора и удовлетворяются его собственные интересы без учета интересов другой стороны. Таким образом, современные исследования описывают разные аспекты манипуляций:

- влияние через духовность или не афишируемое господство, с применением силового влияния;

- порабощение духовного состояния, физическое доминирование, влияние на внутренний мир;
- вводящие в заблуждение косвенные влияния в интересах манипулятора;
- скрытые эффекты;
- толчок к определенному поведению путем обмана или игры на возможных слабостях другого человека;
- отношения с другим человеком в качестве объекта, инструмента;
- скрытое принуждение, программирование намерений, мыслей, отношений, чувств, установок и поведения;
- влияние и контроль, использование другого в виде объекта или вещи.

В понимании существенного содержания манипуляции выделяется ряд важных признаков:

- идея ловкости методов воздействия;
- идея неявного скрытого влияния;
- идея сохранения иллюзии независимости объекта манипулятивного влияния;
- идея превращения объекта манипуляции в податливое и послушное оружие;
- идея негативной оценки манипулятивного влияния.

Хотя интерес к психологической манипуляции растет, большинство существующих источников описывают явление скорее описательно, чем объяснительно, и часто содержат примеры из художественной литературы и реальных ситуаций. Это может быть классифицировано скорее как популярная, а не научная литература. Недостаток исследований также сказывается на языке, используемом для описания манипуляции, где часто встречаются смешение понятий, таких как манипулирование, иллюзия, обман, воздействие и влияние [8].

Научное исследование психологической манипуляции позволит развить более полное понимание этого явления. Необходимо разграничить манипуляцию от других психологических явлений и разработать более точные теории, которые помогли бы расширить наши знания в этой области. Только тогда сможем мы лучше понимать, как предотвращать и противодействовать манипуляции, а также как развивать навыки критического мышления и эмоциональной интеллигенции, чтобы быть менее уязвимыми перед манипулятивными тактиками в повседневной жизни.

Библиографический список

1. *Азарнова А.* Поединок с тенью. Противостояние манипулятивному воздействию. М., 2010.
2. *Баденгер Э.* Мужская сущность. М., 1995.
3. *Бем С.* Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М., 2004.
4. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., 2012.
5. *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.
6. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М., 2009.
7. *Грачев Г.В., Мельник И.К.* Манипулирование личностью. М., 2010.
8. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. СПб., 2008.
9. *Кара-Мурза С.Г.* Власть манипуляции. СПб., 2009.
10. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М., 2000.
11. *Карнеги Д.* Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. М., 2012.
12. *Пелехатый М., Стирица Е.* Боевое НЛП. Техники и модели скрытых манипуляций и защиты от них. СПб., 2022.
13. *Поповицкая Н.В., Скрипачева Е.Н.* Психологический разбор языковых манипуляций. // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2022. № 1.
14. *Счастливец Р.* Средства и способы психологической защиты. СПб., 2012.

15. *Шейнов В.П.* Скрытое управление человеком. Психология манипулирования. Минск, 2007.
16. *Шостром Э.* Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. Минск, 1992.

С.И. Шевцевленко

магистр психологии

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт

E-mail: sergey_554@mail.ru

Л.Н. Бенелли

доцент кафедры психолого-педагогических и театральных дисциплин

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт

E-mail: psylab@lbenelli.ru

Е.Н. Скрипачева

кандидат психологических наук,

доцент кафедры психолого-педагогических и театральных дисциплин

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт

E-mail: pkc_dialog@mail.ru

А.А. Казначеева

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры туризма и гостиничного дела факультета инновационной инженерии и технологий гостеприимства

Северо-Кавказский федеральный университет, Пятигорский институт (филиал), г. Пятигорск

E-mail: alenushka_26@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТРЕВОГЕ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПСИХОЛОГАХ

Е.Н. Скрипачева, Т.В. Подунова

Аннотация. Актуальность: в настоящее время, на фоне быстрого развития технических и информационных инноваций, как физические, так и психические нагрузки на человека возрастают. В этом сложившемся мире информационной перегрузки и неопределенности, научные исследования проблематики тревог и опасений, кризисов и критических ситуаций становятся все более значимыми.

Ключевые слова: тревога, работоспособность, страх, исследование.

MODERN IDEAS ABOUT ANXIETY IN THE WORKS OF DOMESTIC AND FOREIGN PSYCHOLOGISTS

E.N. Skripacheva, T.V. Podunova

Abstract. Relevance: currently, against the backdrop of the rapid development of technical and information innovations, both physical and mental stress on a person are increasing. In this current world of information overload and uncertainty, scientific research into the problems of anxiety and fear, crises and critical situations is becoming increasingly important.

Keywords: anxiety, performance, fear, research.

В настоящее время, на фоне быстрого развития технических и информационных инноваций, как физические, так и психические нагрузки на человека возрастают. В этом сложившемся мире информационной перегрузки и неопределенности, научные исследования проблематики тревог и опасений, кризисов и критических ситуаций становятся все более значимыми. Профессиональная конкуренция требует от людей полной самоотдачи, но при этом риск нарушения психического и физического здоровья возрастает. Сегодня все чаще наблюдаются случаи проявления тревоги и страха различной степени тяжести, что подчеркивают исследователи, например, работы А.М. Прихожан [1]. Уровень тревожности может существенно влиять на работоспособность и поведение людей, и дезадаптация и нарушение деятельности могут быть связаны как с чрезмерно высоким, так и с чрезмерно низким уровнями тревожности. Поэтому изучение особенностей состояний тревоги и их влияния на поведение – это вопрос еще более актуален сегодня, исследователи из разных стран, такие как З. Фрейд, А. Адлер, Л.И. Божович, А.М. Прихожан и многие другие, обращают на это внимание. Таким образом, изучение тревожных состояний и их влияния на поведение людей с разным уровнем тревожности является актуальной проблемой в настоящее время.

З. Фрейд определял тревогу как эмоциональное переживание, вызванное неопределенностью и беспомощностью. В свою очередь, Р. Мэй отмечает, что тревога возникает в ситуациях, когда под угрозой оказывается ценность, которая является жизненно важной для существования личности. Это может быть связано как с физической угрозой (например, смерть), так и с потерей психологической ценности (например, свобода). Другие ценности, такие как патриотизм или любовь, также могут вызывать тревогу.

Изард подчеркивает, что тревога – это длительный и расплывчатый страх перед будущими событиями, сопровождающийся чувством неопределенности и труднопредсказуемых предчувствий. Также он отмечает, что тревога – это эмоция, выражающаяся в смутных, отрицательно окрашенных ощущениях.

Спилбергер подчеркивает, что тревога связана с субъективными ощущениями напряжения, беспокойства и мрачных предчувствий. Активация автономной нервной системы, которая регулирует дыхание, сердцебиение и пищеварение, может быть одним из факторов, вызывающих повышенную тревожность у человека. На основе исследований, повышенная активация симпатической ветви автономной нервной системы может приводить к частым и интенсивным переживаниям состояния тревоги, в то время как активация вегетативной нервной системы может помочь уменьшить уровень тревожности [15].

Таким образом, тревога может быть определена как эмоциональное состояние, вызванное неопределенностью и угрозой для жизненно важных ценностей личности, сопровождающееся отрицательно окрашенными ощущениями и активацией автономной нервной системы.

Для анализа уровня тревожности у человека, необходимо учитывать не только его психологические характеристики, но также физиологические процессы, связанные с активацией автономной нервной системы. Давайте рассмотрим различные точки зрения исследователей, которые помогают лучше понять, что может быть причиной тревожности.

Согласно теории З. Фрейда, тревожность может быть обусловлена вытесненными в бессознательное инстинктами или страхом перед теми инстинктами, раскрытие которых или подчинение им создают внешнюю угрозу (например, сексуальные или агрессивные побуждения).

Чарльз Спилбергер, в своих исследованиях, указывает, что состояние тревоги возникает, когда человек воспринимает определенные раздражители или ситуации как несущие в себе элементы опасности, угрозы или вреда, будь то актуальные или потенциальные.

Кеннет Изард предполагает, что тревога возникает, когда нет (и может быть, никогда не будет) реальной опасности, но человек ожидает ее прихода и не знает, как с ней справиться. В отличие от страха, причины тревоги обычно не осознаются, но она может предотвращать человека от вредных действий или мотивировать его предпринимать шаги для обеспечения успешного исхода событий.

Ролло Мэй, разделяет тревогу на нормальную и невротическую и описывает разные причины их возникновения. Нормальная тревога, с его точки зрения, связана со способностью организма реагировать на опасность. Это врожденная способность, которой соответствует определенная нейрофизиологическая система. З. Фрейд говорил, что «тенденция переживать объективную тревогу» – врожденное качество человека; по его мнению, эта способность есть проявление инстинкта самосохранения, обладающего – с биологической точки зрения – бесспорной ценностью.

Невротическая тревога возникает в той ситуации, когда человек не способен справиться с опасностью не объективно, но субъективно, то есть не из-за объективного недостатка способностей, но из-за внутренних психологических процессов и конфликтов, которые мешают человеку использовать свои способности. Обычно эти конфликты формируются в прошлом, в раннем детстве, когда ребенок по объективным причинам еще не мог справиться с опасной межличностной ситуацией.

В большом психологическом словаре Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко указано, что в младшем школьном возрасте главной причиной бывают нарушения детско-родительских отношений. Во взрослом возрасте тревожность может породиться внутренними конфликтами, преимущественно самооценочного характера.

По мнению Н.Н. Тарновской, сегодня существует множество теорий, связанных с проблемой тревожности. Значительные усилия были направлены на исследование трево-

ги, начиная с работ З. Фрейда [13]. Различные интерпретации тревоги были предложены психотерапевтами различных школ и представителями глубинной психологии. Конфликты между бессознательными влечениями и нормами, конфликты между разными влечениями, стремящимися завладеть центром личности, конфликты между воображаемыми мирами и опытом реального мира, конфликты между желанием быть принятым и опытом отверженности, конфликт между желанием «не быть» и желанием быть, все эти конфликты, будь то сознательные, подсознательные или бессознательные, признанные или непризнанные, могут проявляться в кратковременных и продолжительных состояниях тревоги [3]. Важным аспектом занимательного мышления является его селективность: индивид склонен выбирать определенные темы из повседневной жизни и пренебрегать другими, с той целью, чтобы доказать свою правоту, рассматривая ситуацию как стремительно нарастающую или, наоборот, что его беспокойство необосновано и претенциозно. Беспокойство может вызывать запутанность и нарушения восприятия не только временных и пространственных параметров, но также людей и значений событий.

Согласно Т.М. Масловой, в зависимости от уровня беспокойства люди значительно различаются между собой. У каждого человека должна быть здоровая тревога и тот оптимальный или желательный уровень беспокойства, который может являться важным компонентом самоконтроля и самовоспитания. Однако, если беспокойство проявляется как постоянное образование личности, то это свидетельствует о проблемах в личностном развитии, которые могут помешать нормальному развитию, общению и деятельности.

Кроме того, Т.М. Маслова отмечает, что проявление беспокойства влияет на соматические и поведенческие аспекты личности [14]. Благодаря беспокойству могут возникать такие соматические изменения, как ускорение сердцебиения, неустойчивое дыхание, дрожание конечностей или затрудненность движений, возможно повышение артериального давления или расстройство желудка. Беспокойство расширяет спектр поведенческих реакций человека, которые бывают более неожиданными и разнообразными, чем соматические – могут происходить как полная апатия, безынициативность, вялость или демонстративная агрессия. Это поведение чаще всего наблюдается при низкой самооценке.

Таким образом, мы видим, что беспокойство оказывает не только отрицательное влияние, но и выполняет ряд положительных функций, благодаря которым человеку легче существовать и ориентироваться в окружающей ситуации [2].

Л.П. Харченко отмечает наличие двух разновидностей тревожности: ситуативной и личностной. Личностная тревожность связана с индивидуальными чертами личности, которые могут вызывать у человека увеличенную склонность к тревоге. Эта форма тревожности проявляется как устойчивая предрасположенность к тому, чтобы воспринимать широкий спектр ситуаций как потенциальные угрозы и реагировать на них соответствующим образом. Личностная тревожность может быть активизирована в ответ на различные стимулы, связанные с угрозой самооценке и престижу человека. Ситуативная тревожность, с другой стороны, является изменчивой и возникает как эмоциональная реакция на конкретные стрессовые ситуации [5]. Люди, проявляющие эту форму тревожности, ощущают напряжение, беспокойство, озабоченность и нервозность. Интенсивность и продолжительность таких состояний могут значительно различаться в зависимости от конкретной ситуации. Характеристика ситуативной тревожности связана с особенностями личности и ее реакцией на стресс [12].

Все точки зрения авторов, которые рассматривали проблематику тревожности, можно свести к тому, что существуют два основных вида тревожности: тревожность, закрепленная у индивида как черта личности и тревожность, возникающая под воздействием ситуации.

Множество исследований было проведено на тему взаимосвязи страха и тревожности. Тревога, как предчувствие опасности и неопределенное чувство беспокойства, часто проявля-

ется в ожидании непредсказуемых событий, которые могут иметь неприятные последствия [8]. Ее мотивом является антиципация неприятностей, а основу составляют опасения по поводу возможности их наступления. Наблюдения показывают, что тревога присуща людям, обладающим высоким чувством собственного достоинства, ответственности и долга, а также повышенной чувствительностью к своему положению и мнению окружающих. Тревога может выражаться через чувство ответственности за свою жизнь и благополучие близких людей [9].

Приблизительные отличия между тревогой и страхом можно описать таким образом:

- тревога является сигналом опасности, в то время как страх – ответом на нее;
- тревога больше похожа на предчувствие, в то время как страх – ощущение опасности;
- тревога обладает более возбуждающим эффектом на психику, в то время как страх – тормозящий; тревога характерна для людей с холерическим темпераментом, в то время как страх для людей с флегматическим;
- стимулы, вызывающие тревогу, обычно общие, неопределенные и абстрактные, в то время как страх связан с конкретными образами, что приводит к психологическому замыканию;
- тревога, как ожидание опасности, связана с будущим, а страх, как воспоминание об опасности, основан на прошлом опыте;
- несмотря на неопределенность, тревога скорее когнитивный феномен, а страх – эмоциональный и иррациональный; тревога соответствует левой полушарию мозга, в то время как страх – правой;
- тревога имеет социально обусловленную природу, а страх – инстинктивную.

Таким образом, страх и тревога имеют некоторые существенные различия, хотя и могут накладываться друг на друга в разных ситуациях [12].

Р. Мэй пишет, что тревогу называют «основной» реакцией не только потому, что она представляет собой общую первоначальную реакцию на опасность, но и потому, что опасность при этом угрожает самим основам личности. Это реакция на опасность, угрожающую «сердцевине» или «сущности» личности, а не каким-то внешним ее аспектам. Страх же представляет собой реакцию на такую угрозу, которая еще не достигла основ личности. Адекватная реакция на различные конкретные опасности (то есть реакция страха) позволяют человеку защищать свои основные ценности, не допускает развития ситуации, в которой опасность бы угрожала самой «внутренней крепости», находящейся в центре системы безопасности.

Таким образом, большинство исследователей рассматривают тревожность и страх как некие подобные по происхождению эмоциональные явления, между которыми, однако существует несколько различий. Так различия можно зафиксировать в контексте увеличения интенсивности их проявления – при усилении тревожность перерастает в страх. Также страх и тревога различаются по наличию и отсутствию предмета – тревога – это беспредметно эмоциональное проявления, страх чаще всего имеет четко выраженный предмет.

В современной когнитивной психологии получены экспериментальные результаты, проясняющие влияние тревожности на познавательные процессы, что также оказывает влияние на эффективность профессиональной и любой другой деятельности. К примеру, тревожность приводит к сужению поля внимания. В.Н. Дружинин и Д.В. Ушаков, на работу которых ссылается К.Р. Сидоров, отмечают, что люди, находящиеся в тревожном состоянии, концентрируются на том, чего они боятся или что может быть важным для их благополучия, иная же информация игнорируется. Общее объяснение этому в том, что во время переживания той или иной эмоции когнитивная система человека функционирует в особом модусе, перерабатывая, прежде всего ту информацию, которая оказывается наиболее важной в данный момент [1].

Н.Б. Пасынкова, проведя собственное исследование, отмечает, что чем выше личностная тревожность, тем выше ее дезорганизующее влияние на интеллектуальную деятельность.

Это проявляется в возрастании времени восприятия и обработки информации, в снижении КПД и уровня интеллектуального развития. Н.Б. Пасынкова объясняет это тем, что постоянное переживание тревоги, высокий уровень тревожности, увеличивая размер субъективного алфавита воспринимаемых сигналов, способствует снижению эффективности перцептивно-мнемической и интеллектуальной деятельности. Такое снижение происходит, в частности, за счет увеличения времени, затраченного на выполнение интеллектуальных операций. Автор делает вывод, что скорость переработки информации окажется тем ниже, чем выше будет уровень личностной тревожности.

Обобщая различные экспериментальные данные по проблематике, рассматривающей оказание воздействия эмоционального возбуждения и тревожности на продуктивность деятельности, Я. Рейковский в своей работе отмечает, что накоплено множество данных, указывающих на факт значительного ухудшения в результате такого влияния интеллектуальных процессов человека. Это проявляется, в частности, в ухудшении запоминания, в снижении характеристик внимания, в упрощении процессов мышления, в тенденции к стереотипным или ранее найденным решениям, хотя они и не соответствуют актуальной ситуации.

Таким образом, очевидно, что ряд исследователей показывает отрицательную роль высокой тревоги, тревожности в функционировании когнитивных процессов, ведущую к неэффективности деятельности. Также очевидно, что большинство исследователей сходятся во мнении, что тревожность отрицательно сказывается на когнитивных процессах человека. Это проявляется в ослаблении механизмов памяти и внимания, в деградации мыслительных процессов, в затрудненном поиске решений в проблемной ситуации и пр. Однако существуют и данные о положительном влиянии тревожности на умственную активность и креативность.

Таким образом, существует определенная схожесть в трактовке тревожности у различных исследователей и ее свойства:

Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко: тревожность – это индивидуальная психологическая особенность, проявляющаяся в склонности человека к частым и интенсивным переживаниям состояния тревоги, а также в низком пороге его возникновения.

Тревожность не статичное явление – она может как повышаться, так и понижаться в зависимости от многих обстоятельств. Существует несколько уровней развития тревожности: от фоновой тревожности, находящейся на одном полюсе тревожности, которую многие исследователи считают нормальной для человека, характеризующейся переживаемым человеком чувством легкого беспокойства, до расположенной на другом полюсе высокой тревожности, при которой человек испытывает чувство страха.

Поведение человека может детерминироваться как личной, так и ситуационной тревожностью. Тревожность влияет на успешность выполнения деятельности, на когнитивные процессы человека, запускает соматические изменения, происходящие во внутренних органах и системах организма, расширяет спектр поведенческих реакций человека от полной апатии, безынициативности и вялости вплоть до выраженного демонстративного и агрессивного поведения. Все это потенциально указывает на то, что тревожность может сказываться на особенностях поведения человека в конфликтной ситуации.

Такое понимание может помочь в организации помощи и профилактических мероприятий по работе с тревогой у детей и взрослых.

Библиографический список

1. Адлер. Воспитание детей. Взаимодействие полов. М., 2020.
2. Аронсон Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. М.; СПб., 2021.

3. *Карандашев В.Н.* Изучение оценочной тревожности. Руководство по использованию. М., 2019.
4. *Литвинова И., Скрипачева Е.Н.* Некоторые теоретико-практические аспекты работы со стрессоустойчивостью военнослужащих/ Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 4.
5. *Лиханов А.* Драматическая педагогика: Очерки конфликтных ситуаций. М., 2019.
6. *Менегетти А.* Женщина третьего тысячелетия. М., 2020.
7. *Пископтель А.А.* Конфликтное взаимодействие. М., 2018.
8. *Прохазка Дж.* Системы психотерапии. М., СПб., 2020.
9. *Путч.* Хроника тревожных дней. М., СПб., 2018.
10. *Рачин А.П.* Депрессивные и тревожные расстройства. М., 2018.
11. *Ромицына Е.Е.* Методика «Многомерная оценка детской тревожности. М., 2020.
12. *Скрипачёва Е.Н.* Основы здорового образа жизни: учебное пособие для подготовки бакалавров по направлениям: психология, педагогика, социальная работа, социология, менеджмент, экономика. М., 2022.
13. *Смирнова Е.О.* Конфликтные дети: монография. М., 2017.
14. *Франкл В.* Теория и терапия неврозов. М., СПб., 2021.
15. *Хеллэм Р.* Консультирование по проблемам тревожности. М., 2018.

Е.Н. Скрипачева

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психолого-педагогических и театральных дисциплин
Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт
E-mail: pkc_dialog@mail.ru

Т.В. Подунова

психолог направления военно-политической работы
Шатурского ОВО, г. Шатура
E-mail: tan8ik@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО УНИВЕРСИТЕТОВ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ С ОВЗ

Р.Е. Барбанов

Аннотация. Сегодня возможности обучения, воспитания, развития учащейся и студенческой молодежи с особыми образовательными потребностями, возникающими как следствие ОВЗ, интересуют ученых из разных областей социально-гуманитарных наук. Процесс образования и социализации этих категорий подрастающих поколений студентов с особыми образовательными потребностями на протяжении нескольких веков и по сей день носит сложный и противоречивый характер. Исследования этих противоречий охватывают на сегодняшний день различные факторы и сферы социального пространства. Так, одной из актуальных тем выступает изучение системы взаимодействия молодого человека с ОВЗ с различными социальными партнерами.

Ключевые слова: инклюзивное образование, студенты с ограниченными возможностями здоровья/особыми образовательными потребностями, коррекционная педагогика, образование, адаптация.

MODERN INCLUSIVE EDUCATIONAL SPACE OF UNIVERSITIES AND EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE QUALITY OF LIFE OF STUDENTS WITH DISABILITIES

R.E. Barabanov

Abstract. Today, the possibilities of training, education, and development of students with special educational needs that arise as a result of disabilities are of interest to scientists from various fields of social sciences and humanities. The process of education and socialization of these categories of younger generations of students with special educational needs is complex and contradictory for several centuries to this day. Research on these contradictions covers various factors and spheres of social space today. Thus, one of the current topics is the study of the system of interaction of a young person with disabilities with various social partners.

Keywords: inclusive education, students with disabilities/special educational needs, correctional pedagogy, education, adaptation.

В последние два десятилетия появилось большое количество научных публикаций, описывающих прикладные и экспериментальные исследования системы отношений и опыта такого взаимодействия у студентов с ОВЗ в повседневной жизни, а также изучение уровня осведомлённости различных категорий населения об особенностях основных нозологических групп (Н.А. Коростелева, А.М. Краснов, В.В. Леонов, А.В. Иванов, М.М. Семаго, О.Н. Турукина, М.Д. Коновалова, Л.М. Шипицына и др.).

Так, Н.Н. Малофеев считает, что исследование изменений в отношении государства и общества к людям с ограниченными возможностями здоровья позволяет выделить перелом-

ные моменты, – и соответствующие периоды, которые характеризуются, как путь общества от ненависти и агрессии до терпимости, партнерства и интеграции с лицами с ограниченными возможностями здоровья. Согласно его классификации, можно выделить пять таких периодов от Античности до наших дней. Осознание необходимости обучения людей с отклонениями в развитии, по его мнению, начинается в период, продолжавшийся согласно его периодизации с 70–80 гг. XVIII в. до начала XX в. [12].

1. Н.М. Назарова в своих трудах выделяет три этапа развития инклюзивного образования, как принятия возможности и формирования практик совместного обучения: романтический этап (первая половина XIX в.), этап реформаторской педагогики (конец XIX в. – начало XX в.), социально-правовой этап (1960–1990-е гг.) [13].

В истории изучения особенностей обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья и возможностей их включения в образовательный процесс, традиционно выделяют три этапа (или – модели) образования [8]. Первый этап сформировался с середины XVII в. по 60-е гг. XX в., и предполагает сегрегационную модель, при которой лица с ОВЗ учатся отдельно и автономно от остальной популяции детского, подросткового и молодежного населения. Второй этап формируется в период с середины 60-х по 80-е гг. XX в. и представляет адаптационную модель, которая описывает начало организации процесса обучения нормотипичных граждан совместно с лицами с ОВЗ. Третий этап начинается с 80-х гг. и продолжается по настоящее время. Именно в рамках последнего периода начинает развиваться инклюзивная модель образования, или модель активного включения лиц с ОВЗ в единое образовательное пространство.

По мнению ряда исследователей, сегодня мы наблюдаем трансформационный переход от адаптационной модели обучения к инклюзивной (С.В. Алехина, Е.Н. Кутепова, Н.Н. Ма-лафеев, М.М. Семаго) [6, 12].

Основная идея концепции адаптации – воспитание детей и молодежи с психофизическими отклонениями в рамках тех культурных норм, которые являются доминирующими в обществе, в котором он живет. основополагающие принципы адаптации:

- молодой человек с ОВЗ – человек, который развивается и который способен освоить различные виды деятельности;
- общество должно обеспечить такому человеку условия жизни, которые будут максимально приближены к общепринятым.

2. Российская коррекционная педагогика и специальная психология утверждают, что наиболее распространенной на советском образовательном пространстве оказалась сегрегационная модель, в рамках которой за XX в. были наработаны теоретические основы и богатый практический опыт в части технологических и методических основ для развития и образования детей, и молодежи с ОВЗ. По мнению В.И. Лубовского, опираясь на эмпирические исследования (в частности, эксперименты), были сделаны выводы о высокой эффективности коррекционных учебных заведений, на базе которых систематически и профессионально осуществлялся коррекционно-развивающий и образовательный процесс, направленный на создание специальных и необходимых условий для адекватного обучения, воспитания и социализации таких детей, подростков и студенческой молодежи [10].

Получению качественного среднего и высшего образования студентам-инвалидам препятствуют множественные структурные ограничения, характерные для обществ со сложной стратификационной структурой.

Оценка модели «нормализации» показывает, что она характеризовалась стремлением изменить саму государственную политику в отношении лиц с ОВЗ и ООП. С помощью введения специфических законодательных проектов в образовательное пространство формировались специальные условия для адаптации особых детей к дошкольным образова-

тельными учреждениями и школами, а подростков и студенческой молодежи – к учреждениям профессионального образования: доступная архитектурная среда, специальные технологии и методики, методическое обеспечение образовательного процесса, появление новой когорты педагогических кадров. И эти процессы становятся характерны для многих европейских стран, начиная с 50–60х гг. XX в.

В этот период появляются первые базовые международные юридические документы, провозглашающие принципы доступности получения образования всеми категориями граждан, равенства и отсутствия дискриминации. На сегодняшний день эти документы представляют собой серьезную нормативно-правовую основу современной системы образования, в том числе инклюзивной, принципами которой руководствуются во многих странах [1, 3].

Базовый принцип инклюзии гласит, что каждый человек должен иметь возможность получить качественное образование. Это значит, что образовательная среда в образовательных учреждениях должна стать по отношению ко всем участникам образовательного процесса инклюзивной, то есть дружественной, эффективной, здоровой и безопасной.

Ключевое отличие инклюзивной модели образования от сложившихся ранее сегрегационной и интеграционной моделей состоит в том, что впервые не только ребенок должен отвечать требованиям системы образования, но и система образования должна быть адаптирована к потребностям и возможностям каждого ребенка, в т.ч. ребенка с ОВЗ.

Идеологической основой инклюзии является концепция включающего общества, которая опирается на «социальную модель» построения отношения к другим.

Вместе с тем, ряд исследований российских ученых, проведенных в первое десятилетие XXI в., подчеркивают, что характерной особенностью выпускников школ, вузов и ссузов, имеющих особые образовательные потребности, выступает социальная дезадаптация, которая проявляется «в неумении использовать меняющиеся ситуации и управлять жизненными обстоятельствами». В целях повышения функциональной грамотности особых студентов, по мнению Романова П.В. и Ярская-Смирновой Е.Р. [13], следует развивать их образовательные возможности и разрабатывать программы личностного роста. Это позволит повысить их социальную компетентность, сформировать их мотивацию к получению профессионального образования более широкого спектра и разного уровня.

Таким образом, в этот период российская система образования двигалась в направлении тезиса о том, что общество должно предоставить любому человеку право выбора получения образования в зависимости от интересов, потребностей, возможностей. С точки зрения формирования государственной политики и разработки нормативно-правовой базы для инклюзивного образования за последние два десятилетия были приняты важные решения, получившие статусы законодательных основ.

Об инклюзивном образовании в России всерьез заговорили в конце первого десятилетия нынешнего века. В 2009 г. был создан Институт проблем инклюзивного образования при ФГБОУ ВО МГППУ. В 2010 г. концепция инклюзивного образования [2] нашла отражение в Национальной образовательной инициативе «Наша новая школа» Дмитрия Анатольевича Медведева; в 2012 г. – в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг., утвержденной Владимиром Владимировичем Путиным, и, наконец, в новом законе «Об образовании».

В 2013 г., после вступления в силу Закона РФ от 29.12.2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации» [4], был подготовлен приказ Министерства образования и науки РФ от 20.09.2013 г. № 1082, который ввел в действие новое Положение о психолого-медико-педагогической комиссии, на основании заключения которой формируется образовательный маршрут и определяются специальные образовательные условия, необходимые для успешного освоения образовательной программы лицами с ОВЗ и ООП.

Именно в соответствии с заключениями психолого-медико-педагогической комиссии они признаются обучающимися с ограниченными возможностями здоровья и особыми потребностями в обучении. Для этой категории населения образовательными организациями на любой ступени образования разрабатываются адаптированные основные общеобразовательные программы, которые учитывают необходимые им специальные образовательные условия.

Следовательно, в современном российском инклюзивном образовательном пространстве рассматриваются два социальных статуса особых обучающихся и студентов: обучающиеся с ОВЗ/ООП и дети-инвалиды (инвалиды).

В последние годы, фокус внимания смещен с диагноза учащегося с ОВЗ на контроль за групповой динамикой в коллективе. Концепция инклюзии связана с принципом адаптации образовательного процесса к индивидуальным потребностям и возможностям лиц с ограничениями по здоровью. Причем, речь идет обо всех участниках образовательного процесса, а не только об учащихся с ОВЗ и ООП.

Инклюзивный подход в профессиональном образовании, а именно адаптационные процессы обучающихся (студентов) с особыми образовательными потребностями, выявляет проблемы, которые чаще всего в литературе представлены понятием «безбарьерная среда».

Традиционно выделяют три барьера в образовательном пространстве: физический, академический и социально-психологический [9].

Физические барьеры представлены недостаточно развитой инфраструктурой и архитектурой образовательной организации, что не позволяет создать полноценные условия доступа студентов с ОВЗ ко всем ресурсам образовательного пространства.

Предпринимаемые действия администрации профессионального образовательного учреждения согласно такому плану направлены на предоставление следующих возможностей:

1. Возможностей передвижения. В первую очередь такие условия направлены на оформление пространства с точки зрения удобства инвалидов с ограничениями опорно-двигательного аппарата и нарушениями зрения. Образовательное учреждение организует мероприятия по приобретению сменных кресел-колясок; установка адаптированных лифтов; установка поручней в местах перепадов; установка пандусов; установка подъемных платформ; установка раздвижных дверей; увеличение ширины дверных проемов в стенах, лестничных маршей, площадок; нанесение контрастной маркировки на краевые ступени; переоборудование санитарно-гигиенических помещений.
2. Возможностей ориентации в пространстве. Такие возможности способствуют успешной пространственной адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья по зрению и требуют установки аудиовизуальных информационно-справочных систем; установки навигационных стендов, выполненных рельефно-точечным шрифтом Брайля и на контрастном фоне.

Поэтому интеграция индивида с нарушениями соматического спектра нозологии в образовательный процесс требует альтернативных способов решения данных проблем. Например, студентам с тяжёлыми двигательными нарушениями, проживающим в труднодоступных районах, может быть предоставлена дистанционная форма обучения.

Такая форма подготовки снимает пространственные ограничения, делает возможным освоение образовательной программы и предоставляет доступ к образовательным ресурсам. Обучение в рамках дистанционной формы отвечает возможностям студентам с ОВЗ, но в то же время является предпосылкой риска замкнутости обучающихся с особыми образовательными потребностями. Отсутствие привычного повседневного опыта, отсутствие возможности преемственности социального опыта, приобретение коммуникативных навыков,

является искажением возможности самореализации студентов с ОВЗ. Поэтому дистанционная форма будет более успешна как дополнительная форма получения образования, так как несет существенные риски образовательной социализации, привести к эксклюзии инвалидов и студентов с ОВЗ.

Академические барьеры представлены во взаимодействии участников внутри учебного процесса (преподавателей, студентов-инвалидов и других обучающихся). Проблема, с которой сталкиваются в первую очередь преподаватели, – это необходимость адаптации учебных требований для студентов с ОВЗ [11].

Можно выделить две характерные ситуации, описывающие данные трудности:

1. Учебные требования при работе с особыми студентами не адаптируются, поскольку преподаватели относятся к ним как равным нормотипичным, не определяя специфики взаимодействия с ними, не акцентируя свое внимание на ней. Студенты с особыми образовательными потребностями в свою очередь в этом случае будут пытаться соответствовать требованиям, которые предъявляет им преподаватель. И тогда появляется риск, что при отсутствии адаптированных средств к обучению и наличию строго регламентированных сроков и форматов сдачи пройденного материала, нагрузка не всегда будет ими осваиваться успешно. Организационной проблемой в этом случае также становится – ограниченный временной ресурс, график и регламенты учебных занятий.
2. Адаптации учебных материалов для студентов с особыми образовательными потребностями предполагает не только работу с методическими пособиями, разработанные с учетом соматических спектров нозологии (например, по оснащению и развитию специализированной информационно-учебной базы для обучающихся с инвалидностью по зрению и по слуху), но также – создание адаптированных рабочих программ дисциплин и фондов оценочных средств.

С учетом особых образовательных потребностей студентов с ОВЗ для решения данных трудностей может быть предложена разработка индивидуальных образовательных маршрутов и адаптированных образовательных программ. Данный подход является важным с точки зрения возможности предоставления относительно равных условий для их успешного освоения, фасилитации доступа к профессиональному образовательному пространству, самоопределению в профессии.

Важной составляющей преодоления социально-психологических барьеров и создания благоприятного психологического климата в академической студенческой группе является взаимоотношения внутри группы, где есть студенты с ОВЗ/ООП.

Сегодня вопрос адаптации и включения стигматизированных групп в активную социальную жизнь продолжает оставаться актуальным. Негативное отношение к стигматизированным группам является социально неодобряемым и порицаемым общественным мнением, что активно детерминируется влиянием государственной образовательной политикой с ее идеей инклюзии и доступной среды. Вследствие этого просматривается тенденция обратной стигматизации, которая в настоящее время стало все чаще выражаться через явления социальном контроля, в частности, – через ограничение прав и возможностей не инвалидов в профессиональном, образовательном, социальном, досуговом пространствах.

Стигматизация у Ирвина Гофмана непосредственно связана с понятием «идентичность». Он подразделяет ее на два типа:

- виртуальная социальная идентичность – это те требования и предположения, которые индивид определяет для себя в отношении стигматизированного индивида еще до встречи с ним (но – уже зная о встрече);
- истинная социальная идентичность – это те черты и свойства, которыми стигматизированный индивид обладает в действительности.

С появлением феномена обратной стигматизации в обществе возникают непродуктивные эмоциональные реакции, которые можно назвать эмоциональным барьером. Обучающиеся (студенты) без особых образовательных потребностей часто испытывают неловкость, страх, любопытство, что можно объяснить новым опытом инклюзивного обучения [5]. Они зачастую даже испытывают некоторую боязнь называть вещи своими именами. Понятия «инвалид» действительно уходит из повседневного диалогового лексикона, так как несет негативные коннотации, которые, в свою очередь, позиционируются и воспринимаются как социально неодобряемыми.

Проявление и нарастания чувства неловкости и возникновения эмоционального барьера не способствует успешной адаптации студентов с ОВЗ, а также эффективной и адекватной коммуникации между участниками образовательного процесса.

В связи с данными преградами актуализируется вопрос организации комплексного психолого-педагогического сопровождения данной категории обучающихся и студентов, а именно создание специализированных центров (отделов, служб) в образовательных организациях, цель которых – помочь овладеть навыками эмоциональной, социальной и волевой саморегуляции; помочь в развитии коммуникативных навыков, установление межличностных отношений с другими студентами; создание комфортного позитивного психологического климата в академической группе [6]. Но деятельность такого подразделения подразумевает активную работу не только с лицами с ОВЗ, но и подготовку преподавателей по вопросам сопровождения учебной деятельности студентов-инвалидов и студентов с ОВЗ; помощь в диагностике их учебных рисков; помощь в разработке программного обеспечения и создания соответствующей базы данных; профориентационное консультирование и профессиональное самоопределение в рамках выбранной специализации; помощь в обустройстве физического пространства вуза и ОО СПО, консультирование административных работников по вопросам взаимодействия со студентами с ОВЗ; разработка психолого-педагогических рекомендаций по учету особенностей студентов с особыми образовательными потребностями [8, 14].

Таким образом, для решения вопросов управления инклюзивными процессами в сфере профессионального образования в настоящее время остается актуальным направление создания комплекса специальных условий в соответствии с государственной политикой РФ. К ним, прежде всего, следует отнести увеличение доли преподавателей образовательных организаций, прошедших повышение квалификации в сфере инклюзивного образования и готовых осуществлять профессиональную деятельность с учетом этих требований, адаптацию образовательных программ и учебно-методического обеспечения образовательного процесса для студентов-инвалидов и студентов с ОВЗ, создание в образовательной организации профессионального образования доступной социокультурной среды и безбарьерного социального пространства.

Библиографический список

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 23.01.2023).
2. Указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 06.12.2018 г. № 703 // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/72120010/> (дата обращения: 23.01.2023).
3. ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ» от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.01.2023).
4. ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.01.2023).

5. *Алехина С.В., Самсонова Е.В., Шеманов А.Ю.* Подход к моделированию инклюзивной среды образовательной организации // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 5.
6. *Барабанов Р.Е.* Практика психолого-акмеологического и педагогического сопровождения юношей и девушек с особыми образовательными потребностями (на примере патологии голоса) как способ развития качества жизни // Освіта та розвиток обдарованої особистості. Серія «Психологічні науки». 2020. № 1 (76).
7. *Ишимеева А.С., Герасимова Д.И., Сафина Е.А.* Инклюзивное образование как перспектива социального развития общества // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. 2015. № 3 (13).
8. *Кузьмина Д.В., Усоян Б.Т.* Исследование отношения студентов к людям с ограниченными возможностями здоровья // Педагогическое взаимодействие: возможности и перспективы: материалы V международной научно-практической конференции. Саратов, 2023.
9. *Литвинова Е.С., Осиневич С.Е.* Некоторые аспекты инклюзивного образовательного пространства в структуре высшей школы // БГЖ. 2020. № 1 (30).
10. *Лубовский В.И.* Особые образовательные потребности // Психологическая наука и образование. 2013. № 5.
11. *Малиновская А.А.* Система профориентационной работы с обучающимися старших классов с особыми образовательными потребностями в условиях инклюзивного образования // Актуальные проблемы обучения и воспитания лиц с ограниченными возможностями здоровья: материалы IV Всероссийской заочной научно-практической конференции, посвященной 60-летию начала подготовки дефектологов на Урале (Екатеринбург, 22 апреля 2022 г.). Екатеринбург, 2022.
12. *Малофеев Н.Н.* Западная Европа: эволюция отношения общества и государства к лицам с отклонениями в развитии. М., 2003.
13. *Назарова Н.М.* Системно-деятельностный подход в обучении детей с особыми образовательными потребностями // Пермский педагогический журнал. 2016. № 8.
14. *Червякова Е.В.* Технологии адаптивного физического воспитания в пространстве инклюзивного образования высшей школы // Актуальные вопросы физического и адаптивного физического воспитания в системе образования: материалы III Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Актуальные вопросы физического и адаптивного физического воспитания в системе образования» (Волгоград, 15–16 апреля 2021 г.). Волгоград, 2021.

Р.Е. Барабанов

*кандидат психологических наук, профессор РАЕ
доцент кафедры психологии и педагогики образования
Институт психологии им. Л.С. Выготского РГГУ
E-mail: ksp_kpr_14@mail.ru*

Приглашение к публикации

The invitation to the publication

Редакционная коллегия научного рецензируемого журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» принимает к рассмотрению статьи по актуальным вопросам архитектуры и строительства, языкознания и психологии.

С 21 февраля 2022 г. журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» (Перечень ВАК РФ), по следующим научным специальностям:

- 2.1.11. Строительные конструкции, здания и сооружения (технические науки);
- 2.1.12. Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности (технические науки);
- 2.1.12. Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности (архитектура);
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (медицинские науки).

Научные статьи, поступающие в редакцию журнала, должны содержать следующие элементы:

- постановку проблемы, обоснование ее связи с важнейшими научными или практическими задачами;
- анализ последних исследований и публикаций (в том числе зарубежных) по исследуемой теме;
- формулирование целей статьи, постановку задач;
- изложение основного материала с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из исследования и перспективы дальнейших поисков в данном направлении.

Необходимым элементом статьи является библиографический список. Рекомендуется использовать ссылки на официальные источники (нормативные правовые акты, статистические данные и др.), на использованную научную литературу. Ссылки на собственные публикации являются некорректными.

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи. Автор гарантирует, что он обладает исключительными правами на представленное произведение (статью).

Количество авторов в статье не должно превышать трех человек.

Редакция журнала оставляет за собой право делать необходимые редакционные исправления и сокращения, принимать решение о тематическом несоответствии материала, предлагаемого для публикации.

Присланные в редакцию статьи, удовлетворяющие правилам оформления, проходят проверку на степень самостоятельности (используется Интернет-сервис «Антиплагиат») и подвергаются рецензированию. Срок рецензирования статей – 1 месяц.

Статьи представляются ответственным редакторам журнала в сроки, установленные графиком выхода номеров журнала.

График выхода журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института»

<i>Номер журнала</i>	<i>Срок представления статей в номер</i>	<i>Срок выхода номера из печати</i>
№ 1	До 01 февраля	Март
№ 2	До 15 апреля	Июнь
№ 3	До 15 июля	Сентябрь
№ 4	До 01 ноября	Декабрь

Требования к структуре рукописи

<i>Элементы структуры рукописи</i>	<i>Примечание</i>
УДК	Для присвоения УДК (Универсальная десятичная классификация) используются on-line ресурсы, http://teacode.com/online/udc/
Название статьи	На русском и английском языках
Инициалы и фамилия автора (авторов)	На русском и английском языках
Аннотация	На русском и английском языках. Должна содержать краткую информацию о статье и обязательно иметь четкую структуру: цели, методы исследования, актуальность, основные результаты. Объем – 100–250 слов
Ключевые слова	На русском и английском языках. 4–7 наиболее часто встречающихся в статье слов, отражающих ее содержание
Текст статьи	10–15 страниц, оформленных в соответствии с приведенными ниже правилами
Библиографический список	В соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008
Подробные сведения об авторе (авторах)	Все сведения указываются полностью, без сокращений: – фамилия, имя, отчество – ученая степень, ученое звание (если они есть) – должность и место работы – адрес электронной почты
Прочее	Не более одного абзаца: благодарственные слова; отметки о грантах, в рамках которых выполняется исследование и т.д.

Правила оформления текста научной статьи

Форма представления материалов	Электронная, Microsoft Word, *.doc или *.docx
Название пересылаемых файлов	Отдельными файлами высылаются электронные версии текста научной статьи и авторской анкеты. Названия файлов должны содержать фамилию первого автора и пометку о типе документа (<i>пример</i> : Иванов_Статья.doc, Иванов_Анкета.doc)
Формат страницы	A4
Поля	Все – 2 см.

Выравнивание текста	По ширине
Шрифт	Times New Roman
Размер шрифта	14
Межстрочный интервал	1,5
Абзацный отступ	1 см
Формулы и уравнения	Формулы и уравнения желательно набирать в редакторе Word обычными буквами и символами. Использование встроенного в Microsoft Word редактора формул допускается лишь при наборе наиболее сложных формул. Не следует использовать встроенный в Microsoft Word редактор уравнений. Не допускаются формулы и уравнения в виде изображений и сканов. Рекомендуются использовать только стандартные размеры кегля в меню «Размер» при наборе формул и уравнений
Графический материал (рисунки, схемы, графики, диаграммы)	Представляется в черно-белом варианте. Все рисунки, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название (<i>пример</i> : Рисунок 1. Динамика индекса потребительских цен), которое помещается после самого рисунка, выделяется жирным шрифтом и выравнивается по центру. Вся экспликация (подписи) в поле рисунка должны быть выполнены Times New Roman, размер шрифта – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на рисунки
Таблицы	Все таблицы, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название (<i>пример</i> : Таблица 1. Матрица БКГ), которое располагается перед таблицей и делится на две строки: в первой строке пишется курсивом слово «Таблица» с указанием ее номера (выравнивание – по правому краю), во второй строке – название таблицы жирным шрифтом (выравнивание по центру). Текст шрифта в графах таблицы – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на таблицы
Фотографии	В случае наличия фотографий в статье они должны быть продублированы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi
Количество рисунков и таблиц	Не более пяти
Ссылки на источники и литературу	Ссылки в тексте заключаются в квадратные скобки с указанием номера из библиографического списка – [5] или [5, с. 67]. Если ссылка включает в себя несколько изданий, то они перечисляются, разделяясь точкой с запятой: [5, с. 67; 8; 10, с. 204–208]

Библиографический список	<p>Библиографические описания изданий – как русских, так и иностранных – приводятся в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008.</p> <p>Библиографическое описание дается на том языке, на котором издание вышло в свет.</p> <p>Если среди источников есть нормативные правовые акты, они указываются в начале списка перед прочими изданиями.</p> <p>Издания на иностранных языках указываются в конце списка.</p> <p>В библиографическом списке недопустимы учебники, учебные и учебно-методические пособия.</p> <p>Доля самоцитирования – не более 5 %.</p>
Объем статьи	10–15 страниц

Внимание! При несоблюдении требований к правилам оформления научных статей редакция имеет право отклонить присланный материал.

Редакция научного рецензируемого журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» доводит до сведения авторов, что издатель журнала заключил договор о передаче ООО «НЭБ» (РИНЦ) неисключительных прав на использование журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» в целом, так и произведений (статей) авторов путем создания их электронных копий и распространения любым способом, в том числе путем размещения в интегрированном информационном ресурсе в российской зоне интернета НЭБ, без выплаты автору и иным лицам вознаграждения. При этом каждый экземпляр произведения (статьи) будет содержать имя автора произведения (статьи).

Подписка осуществляется по каталогу ОАО «Агентство Роспечать».

Статьи направлять по адресу:

117342, г. Москва, ул. Введенского, д. 1А, каб. 9.03, ответственному редактору научных изданий Д.А. Семеновой.

Тел. 499-979-00-99, доб. 1134

E-mail: Semenova.D@mfua.ru

ВЕСТНИК

**Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института**

№ 4 / 2023

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ:

Редакторы

Н.В. Бессарабова, Д.А. Семёнова

Редактор английского текста

Д.М. Гусаров

Компьютерная верстка

Н.В. Бессарабова

Дизайн обложки

А. Зернова

Подписано в печать 20.12.2023. Формат 60x90^{1/8}.
Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Печ. л. 11.
Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»
117246, Москва, Научный проезд, д. 20, стр. 9, оф. 212
Телефон: +7 (495) 510-32-98